

О.А.МАРКЕЛОВА

МОСКОВСКИЕ

БОГИ

О.А.Маркелова

Московские боги

The young adult novel

Москва

2025

Предупреждение

Данная повесть не является кавер-версией или «локализацией» знаменитого романа Нила Геймана «Американские боги». Роман Геймана послужил лишь источником вдохновения, из него заимствована только основная сюжетная коллизия в самом общем виде; герой и боги в моей повести совершенно другие.

Образы богов в повести могут отличаться от представлений других читателей.

Автор не преследовал цели оскорбить представителей каких-либо религиозных групп.

Юмала (он же местночитимый святой Юмалий) не зафиксирован в письменных источниках, но автор не исключает, что подобное божество могло существовать. При создании речевых характеристик Юмалы использован материал вепсского и ижорского фольклора.

Действие повести происходит в Москве в середине 2010-ых годов. Описание кафедры германского и кельтского языкознания МГУ в основном соответствует её виду в начале первого десятилетия XXI века – каким он остался в памяти автора. Внешний вид других описанных в повести помещений и улиц – плод авторского воображения.

Данила

В вагоне московского метро ехал молодой человек в неброской одежде. На коленях он держал не слишком чистую спортивную сумку с криво пришитой лямкой. Его движения – вплоть до мельчайших жестов и поворотов головы – были не в такт с царящей в этот час на станциях бодрой суетой; глаза блуждали, словно привыкли к совершенно другим пейзажам. Этого пассажира можно было бы принять за провинциала, впервые попавшего в мегаполис – если бы его лицо время от времени не озарялось радостью узнавания при виде станций. Он, собственно, и был москвичом, – но давно не видел родного города и чувствовал себя так, словно старается, да никак не может уместить своё тело в гипсовый оттиск, который годы назад был ему впору.

Если бы кто-нибудь из сидящих в вагоне заглянул к невзрачному юноше в карман, он увидел бы там справку с печатью, в которой значилось, что зовут юношу Даниил Ильич Тенюхин, что ему 25 лет, и он направляется на родину из мест лишения свободы.

На одной из окраинных станций юноша сошёл с поезда, поднялся по затоптанному ступенькам на поверхность, вдохнул сырой осенний воздух. Постояв у метро и отметив про себя, какие здания за пять лет изменились, а какие сохранили прежний вид, он вполголоса выругался, что снесли его любимый ларёк, подхватил поудобнее сумку – и зашагал вдоль дороги до первого перекрёстка, а там свернул на тропинку к панельной девятиэтажке, показывавшей верхние этажи из-за желтеющих ясеней.

Он рассчитывал, что вскоре сбросит свою ношу, усядется в комнате и вновь – через столько лет – ощутит незыблемость мироздания.

Его должна была ждать возлюбленная.

Дверь знакомого подъезда открылась перед Данилой, выпустив каких-то неизвестных ему жильцов; он вошёл, дождался лифта, нажал нужный этаж...

У квартиры была другая дверь. Он помнил серый дермати́н, пухлыми холмиками вздымавшийся между державшими его мебельными гвоздиками, – а сейчас перед его глазами чернела гладкая лакированная сталь, словно ночной плац. Данила за эти годы насмотрелся на металлические двери, ему хотелось мягкости и уюта.

Ключ не подходил.

Звонка на двери не оказалось. Данила извлёк из кармана свой старенький сотовый телефон, набрал заветные цифры... «Набранный вами номер не существует!»

Если она ждала его, как обещала, то непременно предупредила бы, что сменит номер!

Данила немного постоял на лестничной клетке, покурил. Но сигарета не уняла тревогу, упорно поднимавшуюся в душе.

На площадке брякнул замок, хлопнула дверь. Он метнулся вперёд...

Женщина в затрапезных брюках, с мусорным пакетом в руке, сверкнула глазами:

- Опять вы здесь шлёпаетесь, придурки мелкие! Устроили вертеп у меня под носом! Что я вам говорила?

Данила узнал свою подурневшую за годы соседку. Он не помнил, как её зовут – они с ней крайне редко общались – но всё же ухватился за возможность разузнать у неё, куда делась та, к которой он спешил. Женщина сказала, что уже давно ничего не слышала про «ту Алёнку, которая квартиру продала».

- Продала? – опешил парень.

- Да; она же единственная собственница, ну вот и продала и переехала к своему парню.

Данила едва удержался от желания заорать на весь подъезд: «Но ведь я и есть её парень!» Соседка продолжала:

- У неё последние три года такой солидный был... С бородкой стриженной. Наверно, зарабатывает хорошо... Устроилась девка...

- А куда она переехала? Вы не знаете?

- Ну что Вы, разве соседям в наше время такие вещи говорят!

...Когда дверь подъезда грохнула за спиной, в голове у Данилы всплыла мысль в непривычном для него стиле: «Вот и захлопнулась дверь в моё прошлое... А будущего нет...»

Недоумение сменилось растерянностью, растерянность – злостью, злость – отчаянием. Он ходил по улицам и не помнил, как текли часы и сутки. Прохожие принимали его за наркомана, но его шатающаяся походка и невидящий взгляд говорили не о кайфе, а о горе. Он садился на лавочках во дворах, пытался курить, но лишь сыпал горячий пепел себе на рубашку. Он купил близ метро бутылку палёнки и выпил без закуски тут же за углом – но опьянение не заглушило горя. Его остановили менты, но тотчас отпустили. Он стал изливать душу какому-то пропитому дядечке в сквере, но тот отвечал ерунду, и разговора не получилось.

В своих пьяных скитаниях Данила не заметил, как ушёл далеко от Алёнкина дома и знакомой станции – к метро совсем другой ветки, в один из соседних районов. В этих краях он бывал всего раз – в местном торговом центре: ездил покупать Алёнке кофеварку... из которой она теперь поит бодрящим напитком другого! У метро и больших магазинов, как и следовало ожидать, было очень оживлённо, - а вокруг многолюдных улиц стояли неброские дома советской постройки, и дворы там были глухие, патриархальные, с раскидистыми деревьями и с лавочками.

Шла середина октября, ночи были промозглыми. Данила на секунду позволил себе подумать, что в тюрьме него была всё-таки хоть какая-то крыша над головой, - но в следующий миг вспомнил физиономии сокамерников – и отогнал эту мысль прочь. Не для того он все эти годы мечтал о свободе, чтоб в итоге трусливо прибежать обратно, как сбежавший со зверофермы лисёнок, которого испугала ночь в лесу! В ночь (неизвестно, какую по счёту) Данила вписался в ночлежку, украшенную претенциозной вывеской „Hostel“. Узбеки, ночевавшие в комнате, накормили его бутербродами с чем-то жирным и острым, дали большой стакан бурдистого вина...

Выспавшись и протрезвев, Данила немного оправился от шока и стал собираться с мыслями. Что бы ни случилось, он не даст судьбе бросить себя на самое дно. Он хочет нормальной жизни и не боится работы...

На столбе у ворот ночлежки висело рукописное объявление, на котором размашистым женским почерком было выведено: «Сдам комнату в этом районе».

К счастью, у Данилы ещё оставались деньги на сотовом телефоне...

Тётя Зоя

Дом по адресу, сообщённому квартирной хозяйкой, оказался кирпичной пятиэтажкой в уединённом дворе со множеством деревьев.

Дверь открыла румяная стареющая женщина в тапочках и трико. У её ног стояла маленькая тонколапая собачка: пушистый хвост, похожий на пион, пятно на носу, глаза навыкате, уши – одно торчит выше другого.

Из короткого коридора по левую руку была дверь в комнату с зелёными шёлковыми занавесками; на другом его конце, по правую руку, просматривалось убранство кухни, чуть ближе – ещё две комнаты: одна открытая (сквозь дверной проём виднелась советская полированная мебель), и одна закрытая дверь. В коридоре пахло капустой и овсянкой.

Плата за съём оказалась невысока, но у Данилы, с его скромными средствами, заработанными в заключении, не было и этого.

- Я потом принесу... Я заработаю, я честный! – пролепетал он, когда женщина потребовала залог.

- Много вас тут таких честных развелось! – буркнула хозяйка. Но она не стала тотчас гнать новоявленного жильца без гроша в кармане, а стояла посреди прихожей, словно ждала, что он ещё скажет. Собачка тоже стояла: не рычала и не лаяла на незнакомца, а просто приняла его.

- Мне идти некуда! – дал волю чувствам Данила. – Что же мне теперь – в родном городе бомжевать?! - И он поведал женщине историю своих бедствий.

- Я и сам не ожидал такого поворота, - заикался он. – Смотрите: вот справка об освобождении... Я найду средства; может, у вас в магазине грузчики нужны... или на Арбате нааскаю...

Его рассказ, по-видимому, разжалобил женщину:

- Тебе, значит, идти некуда? – переспросила она, но тон её был уже не недоверчивым, а участливым. – Ты же сам сказал, что москвич. У тебя друзья остались?

- Нет у меня больше друзей!

- Ну, а родня? Что ты к родне не пошёл?

- С роднёй всё сложно... - замылся Данила.

- Они у тебя, что ли, такие жлобы, что не примут тебя после тюрьмы?

- А я просто сам не знаю, есть ли у меня вообще родственники. Мы с матерью всегда были одни. Отца я даже фамилии не знал никогда. А потом мать умерла, и даже на похороны никто не пришёл, кроме соседей...

Собачка осмелела, приблизилась к грустному гостю, повиляла хвостом. Очевидно, именно поведение кобельки и решило исход переговоров в пользу Данилы.

- Ну, раз такое дело, - сказала хозяйка, - то поступим вот как: жить я тебя всё-таки пущу. Я поняла, что ты парень нормальный. Вон, Тошик мой тебя, гляди, признал, - а он у меня умный, сразу понимает, кто хороший человек, а кто мазурик. Заплатишь, как найдёшь работу, а покуда поможешь мне сделать ремонт в большой комнате. Но смотри: будешь водить кого-нибудь подозрительного – не посмотрю, что тебе идти некуда, в два счёта вылетит! Усёк?... Вот и хорошо. А теперь пойдём на кухню, я тебе щей налью!

Данила уселся на шаткую табуретку у кухонного стола, примостившись боком. Удобно вытянуть ноги не получилось: всё пространство под столом было заставлено

стеклянными банками, с веточками укропа и мутноватым рассолом (это зрелище неуловимо напоминало выставку старинных аквариумов). Между столом и подоконником протянулась широкая кушетка или лавка, покрытая разноцветным вязаным покрывалом. На подоконнике тянулось вбок узловатое алоэ с лёгкой чешуёй увядших листьев вокруг ствола; на незамысловатой навесной полке блестели фарфоровые чашки и статуэтки; дремала стиральная машина, словно припаркованный в углу космический корабль; трудилась газовая плита; урчал холодильник. Парень с наслаждением погрузил ложку в золотисто-зелёное густое варево, налитое до краёв в глубокую тарелку с потёртыми незабудками на бортике, - и поднёс ко рту. Он не собирался давать оценку ни интерьеру этой тесной кухоньки, ни виду из окна (лысеющие кроны деревьев и пустынный двор, пересечённый тропинками), и даже вкус супа, в конечном итоге был для него не очень важен, а самым главным было – давно не испытанное ощущение домашней обстановки, домашней еды, - и в душе вновь начало оживать чувство незыблемости бытия...

Кроме щей у хозяйки оказалась бутылка хорошей водки.

Звали хозяйку тётя Зоя. Она устроилась со своей тарелкой и рюмкой по другую сторону стола, на кушетке, а кобелёк свернулся калачиком у её ног.

- Ну, парень, рассказывай, за что срок-то мотал? – выпалила тётя Зоя, махнув две рюмки водки. И, заметив замешательство на лице новоявленного квартиранта: - Ой, прости меня, дуру старую, ежли неладно сказала! Как говорится, язык мой – враг мой! Но ты меня тоже пойми: я старая женщина, живу одна, у меня квартира...

- Я понимаю, чего вы боитесь, но уверяю, я не убийца и не насильник. И не копеечки у Вас не возьму без спросу.

- А чем докажешь? – с тётя Зои слетел хмель, она разом стала серьезнее и бдительнее.

- Надо думать, у меня хватит мозгов не лишать себя единственной крыши над головой и не возвращаться в то место, куда я не хочу!

Тётя Зое понравился этот ответ.

Данила мог бы легко избежать пенитенциарного учреждения. Друзья, вместе с которыми он в своё время работал в фирме, проворовались и уговорили его взять вину на себя, - хотя вся его провинность состояла только в том, что он знал об их махинациях, да никому не говорил. Потом друзья пообещали как можно скорее вытащить Данилу из тюрьмы, - но быстро куда-то исчезли, и ему пришлось отсиживать от звонка до звонка и самостоятельно отстаивать у местных уголовников право на то, чтоб его считали за человека. Сейчас он не горел желанием встречаться с этими друзьями даже для того, чтоб возвать к их совести. Ему хотелось сбросить с себя прошлое, словно провонявшую одежду. У него вызывали смятение в душе грохочущие дверные замки, электрический свет ночью и словечки из блатного жаргона, ненароком услышанные на улице. Больше всего он желал неспешно омыть свою душу в медленной тёплой реке мирной обыденности.

Встреча с Нумой и его друзьями (осеннее равноденствие)

Следующие два дня прошли в бытовых хлопотах. Данила осваивался, помогал тётке Зое варить ужин для себя и пёсика, носить продуктовые сумки из магазинов, выгуливать собаку. (Для него Тошик был просто «маленькая собачка», но тётя Зоя утверждала, что эта порода называется «японский хин»).

Однажды, когда они выходили из большого торгового центра, он заметил объявление, что там требуются охранники. «Вот туда и устраюсь», - решил парень. Он договорился прийти на собеседование и сделал пометку на отрывном календаре, висящем на стене у тётки Зои, втиснув написанные жирной шариковой ручкой слова между цифрами, показывающими восход солнца и луны, и информацией о том, что в означенный день будет осеннее равноденствие.

В то утро он оделся чисто и направился к торговому центру, но не тем кружным путём, каким они пришли туда с тёткой Зоей, когда обходили магазины, а прямо – через подземный переход.

Данила помнил, что пять лет назад в этом переходе теснились ларьки с едой, электроникой, сувенирами; торговля шла бойко, у окошек толпился народ. А сейчас здесь стало просторно и пустынно. О былом расцвете коммерции напоминал лишь убогий лоток старика у дальней лестницы. Старик, очевидно, происходил из народностей Крайнего Севера: смугловатое лицо, внимательные тёмные глаза, явно привычные к белизне снегов, а не унылого кафеля в переходе. Лотком ему служил перевёрнутый ящик, на котором были разложены изделия из бисера и шкур.

Когда Данила уже прошёл длинный подземный коридор до середины, к старику подошли трое парней в спортивных куртках. Они выкрикнули ему пару обидных слов, опрокинули ящик и стали пинать рассыпавшиеся украшения. Старик беззащитно моргал.

Данила ринулся вперёд.

По сравнению с громилами, порой попадавшимися на «зоне», хулиганы, разорившие лоток старика, были просто мальчишками. Даниле было не привыкать драться – и сейчас победа показалась ему даже слишком лёгкой: хулиганы уже после пары ударов отступили и утёрпали вверх по лестнице, отчаянно матерясь. Правда, один из них успел рвануть рукав пиджака Данилы и оторвать его по шву.

Данила помог старику собрать украшения; некоторые из них оказались растоптаны. Старик ещё немного поморгал и наконец заговорил:

- Спасибо большое. Только, пожалуй, не стоило так стараться: завтра они сами приползти бы ко мне и на коленях стали бы умолять избавить их от болезней.

Даня не понял последнюю фразу, но отнёс её на счёт мало знакомой столичному жителю тундровой или таёжной вежливости. Он ответил:

- Я не мог сдержаться. Противно смотреть, как отморозки обижают пожилого человека.

Старик долго смотрел на Данилу в упор, словно сканируя его глазами. В конце концов он спросил:

- Ты спешишь?

- Я на собеседование шёл. Но сейчас, по ходу, уже не пойду. Как я там появлюсь в драном пиджаке?

- Значит, тебе спешить некуда?

- Выходит, некуда...

- Давай пойдём со мной чаю попьем!

- Да у меня денег нет...

- Платить не придётся. Я тебя в гости приглашаю.

- Спасибо большое! Я тогда и иголку с ниткой попрошу – рукав зашить. Вы далеко живёте?

- Мы пойдём не ко мне, а к одному моему другу. У него есть и чай, и еда, а его матушка поможет и одежду зачинить!

Даже если бы Даниле не нужно было отремонтировать пострадавший пиджак, он всё равно с радостью принял бы приглашение старика: слишком он стосковался по простому душевному общению за пять лет в стенах, где и самый воздух был пропитан ядом недоверчивости. (Конечно, сейчас с ним охотно беседовала тётя Зоя, особенно за обеденным столом – но ведь не все темы может обсудить побитый жизнью двадцатипятилетний парень с пожилой женщиной, чьи будни много лет были безмятежны).

Старик собрал вещи; спаситель и спасённый стали подниматься из перехода на улицу.

Данила и его спутник зашли в неброскую пятиэтажку в переулке недалеко от перехода. Старик позвонил у двери квартиры на пятом этаже, и она тотчас открылась, словно хозяева поджидали их.

В квартире пол и стены были покрыты коврами – но не плотными узорчатыми коврами советской эпохи, над которыми так любят потешаться ценители современных интерьеров, - а лёгкими и яркими, представляющими сцены каких-то битв и странствий. Также на стенах висело старинное оружие в чеканных ножнах и бронзовые украшения.

В прихожей стояла статная женщина средних лет, одетая, насколько Данила понимал, в национальный костюм одного из народов Северного Кавказа, - он не мог точно сказать, какого именно, и даже допускал, что её одеяние совмещает детали костюмов нескольких народов. Женщина проводила гостей в комнату, где на тахте перед чайным столом сидели подтянутый черноволосый юноша в майке с изображением солнца – очевидно, её сын, и старик в киргизском колпаке и синем халате с золотой вышивкой.

Данилу усадили за стол, подали ему чашку дымящегося чая. Его спутник рассказал своим друзьям о происшествии в подземном переходе. Они представились друг другу. Северного старика звали Нума, киргиза – Тенгри, а кавказского юношу – Сослан. Его мать, - у которой оказалось необычное, шепчущее имя Гуаша, - попросила Данилу снять пиджак и парой ловких движений зашила разорванный рукав.

Чаепитие текло неторопливо, долго, и в конце концов Даниле пришлось выйти в туалет, а когда он шёл назад, то ещё в коридоре заметил, что Тенгри и Нума о чём-то шепчутся. Жизнь научила его быть начеку, если рядом что-то обсуждают в тайне...

- А ты уверен, что он годится? – шептал Тенгри.

- Он хороший парень, - отвечал Нума. – Смелый. Видел бы ты, как он кинулся меня от тех оборотов защищать!

- Откуда ты знаешь, может, он только с такими и храбрый, - обеспокоился Тенгри.
- Видал я смельчаков: барса могут побороть, а как только услышат, кто мы такие – сразу в кусты!

- А мать говорит, ему можно доверять, – послышался гортанный голос Сослана.
Данила заметался: куда его опять хотят втравить? В прошлый раз его единственного не отпустили... Но сейчас он не даст вторично заманить себя в ту же ловушку!

Когда он вошёл в комнату, стараясь не подавать виду, что слышал обрывок разговора, все трое сидели на диване, а Гуаша стояла поодаль, засунув руки под передник.

- Даня-джан, - начал Тенгри с певучими восточными интонациями. – Мы разделили с тобой трапезу, и я не буду больше играть в прятки. Я тебя прямо спрашиваю: ты когда-нибудь верил в богов?

- Ну... не знаю... Мама, вроде, не верующая была... То есть, в церковь мы не ходили, библий дома не держали, только энциклопедии...

- Я спрашиваю именно про богов. Как бы ты поступил, если бы встретил одного, двух или трёх богов?

- Без понятия. Наверно, чаем бы напоил, - развёл руками парень.

- Так вот: сейчас ты их встретил! – торжественным тоном заключил Тенгри.

У Данилы уже готова была сорваться с языка фраза: «Мужики, в чём дело, вроде, мы и не выпивали?» - но он поймал взгляд Тенгри и понял: не врёт.

Парню немедленно захотелось расспросить новых знакомых о тысяче вещей одновременно – но с его уст сорвался лишь нечленораздельный вопросительный звук.

- Ты не удивляйся, - отреагировал на его замешательство Сослан. – Слушай, в древности люди часто встречались с богами, разговаривали с ними, чай пили – почему сейчас нельзя то же самое? Я сам, правда, не бог, я герой, а вот Тенгри – бог, небом правит, ему поклоняются от Киргизии до Монголии. И Нума тоже бог, тоже небом правит; его почитают ненцы... И вот матушка моя...

- Всё равно не понимаю... Древние боги – в современной Москве? Откуда? Почему?

- Как поётся в песне, Москва не разом строилась, - нараспев начал Тенгри. Восточный акцент, придававший его словам наивное звучание, исчез, и сейчас старик-киргиз был величественным титаном. – Здесь с самого начала было множество племён и народов. Города ещё не было – а они уже жили здесь: лес валили, зверя добывали, землю пахали, дома строили – а ещё чтили своих богов. Ведь племена издавна различались по тому, каким богам поклонялись, да? А века шли, и племена и народы уходили, вымипали, растворялись в других. А их боги оставались, никуда не уходили. Бог не с такой лёгкостью оставляет своё капище, как человек – своё пепелище... И приходили новые народы, приводили своих богов, и снова повторялось то же самое: народы могли исчезнуть, а боги оставались здесь...

- Ага, в Москве каких только народов нет! – поддержал Данила.

- Вот и *нас* тут много, - включился в разговор Нума. – Нас, богов.

- Я не бог, вставил Сослан. – Я герой.

- Но и тебя тоже почитают, - заметил Тенгри. – Боги живут, пока их почитают. А почитание может длиться веками. Вот потому-то богов и зовут бессмертными...

- Подождите, - не понял Данила, - а как же крещение Руси? А в годы советской власти борьба с религией? Как же боги выжили в те эпохи, когда их почитать было нельзя?

- В людях сильны вековые привычки, - разъяснил Тенгри. – И даже если поклонение какому-нибудь богу или богине запретят в открытую, люди всё равно будут

почитать их тайком. А даже если они забудут имена богов, то всё равно будут по традиции в такой-то день украшать лентами дерево или оставлять еду у такого-то камня – даже если сами будут считать себя атеистами... или истинными приверженцами какой-нибудь новой веры. Такие скромные подношения позволяли нам если и не жить полной жизнью, то хотя бы выживать.

- Боги всё равно остаются с людьми, - вставила Гуаша, подкладывая Даниле ещё сластей. - Они могут читать в их сердцах и видят, кто на что способен и кто чего стоит...

- Матушку мою, Данила-джан, слушай внимательно, - попросил Сослан, когда Гуаша вышла из комнаты, унося пустое блюдо. - Перед тобой ведь сама прародительница нартов!

- Она, что ли, тоже богиня?

- А сам как думаешь? - ответил Сослан вопросом на вопрос. – Она у меня – ого-го! Она, между прочим, пиво изобрела! Благодаря ей на земле появились первые собаки и первые лошади! У неё волшебное зеркало есть, она через него наблюдает за всем на земле!

- Гуаша умеет предвидеть будущее и предупреждает о грозящих опасностях, – пояснил Нума.

- Положим, провидеть будущее мы здесь все так или иначе умеем, - возразил Тенгри, явно исключая из числа «всех» сегодняшнего гостя. – Но Гуаша особенно остро чувствует грядущие неприятности. Лучше неё это может только Фригг. Она увидела...

- Так что же она увидела?

- А я увидела, что у наших дорогих гостей угощение закончилось! – Гуаша впорхнула в комнату с подносом, полным сластей и фруктов.

Данила взял себе угощение, кинул взгляд на сгущающийся за окном ультрамарин – и спохватился:

- Мужики! А ведь я сегодня на собеседование шёл! Устраиваться охранником в торговый центр! Мне же теперь перед хозяйкой краснеть придётся: она меня жить пустила под честное слово, что я ей потом деньги заплачу за комнату. А для этого мне надо как можно скорее устроиться на работу.

- А вот мы как раз и хотим предложить тебе работу у нас. И именно охранником, то есть телохранителем, а также исполнителем всяких разовых поручений. Нума считает, что ты человек подходящий, и матушка моя тоже. А она редко ошибается. Но предупреждаю, что на твоей работе могут быть ситуации неприятные и даже прямо опасные.

- Эх, мужики, мне не привыкать. В моей жизни уже была целая куча и опасностей, и неприятностей. Мне приходилось быть одному против всех, меня предавали, меня оставляли без крова, без надежды. А сейчас вот любимая девушка смоталась и не стала меня дожидаться из тюрьмы... Блин, вот зачем я это ляпнул! – Данила от души хлопнул себя ладонью по лбу и низко опустил голову, так что окружающим стала видна только стриженная тёмно-русовая макушка. – Теперь вы мне и руки не подадите, узнав, какое у меня прошлое!

- Мы не видим, чтоб это прошлое превратило тебя в чудовище или циника, - успокоил Нума.

- Ну, не превратило, а толку от этого? На мне же теперь эта судимость будет всю жизнь как клеймо, а в нашем обществе это означает полные кранты. Я с утра шёл охранником в ТЦ устраиваться: я узнавал, вроде, у них начальство и с судимостью принимает. Хотя чёрт знает, вдруг всё-таки не возьмут? А я моей квартирной хозяйке должен за прожитое отдать. Где я денег возьму? Украду? Но это будет уже совсем ни на что не похоже, ведь отсидел-то я как раз по ложному обвинению в расхищении средств...

- (Раз уж он проговорился в главном, подумал про себя Данила, то скрывать подробности нелепо). – Вот куда мне ещё идти!

- Я же говорю: к нам! - ответил Тенгри. – Мы тебя прямо сейчас берём к нам на службу.

- А вот тебе аванс, - и Сослан протянул Даниле конверт с купюрами. Парень не решился взять его.

- Не обижай нас, бери! Это твоё!

Данила потряс головой:

- Подождите, мужики, всё-таки мне нужно время, чтобы это всё переварить...

Короче, я такой возвращаюсь домой как последний неудачник: Алёнка бросила, квартира тью-тью, чудом нашёл крышу над головой, а теперь ещё предстоит разбираться с документами и искать заработок. А тут – бац! – и вдруг боги! Нет, вы не подумайте чего: мне с вами по кайфу! И предложение ваше отличное, и сами вы мне сразу понравились как лю... как личности, то есть. Но вот где-то в самом дальнем закутке мозга у меня всё-таки скребётся подленькая такая мыслишка: А вдруг на самом деле это всё глюк, а я сейчас выйду на улицу – и окажется, что ничего этого не было, и даже в переходе я никого в реальности не встретил? Вдруг это у меня от моих проблем на самом деле крыша поехала, и по мне психушка плачет?

Нума посмотрел на парня долгим серьёзным взглядом:

- Знаешь, что недавно сказала одна шаманка, взглянув на здание психбольницы?

Она воскликнула: «А сколько же там таких, как я!» Понимаешь, в современном мире психическими болезнями считается совсем не то, что на самом деле. Почему-то психически ненормальными объявляют тех, кто видит больше, - хотя в этом случае надо бы радоваться за человека, у которого так хорошо развита чувствительность, внимание, кругозор! А тех, кто видит меньше, живёт в узеньких рамках, ненормальными не считают, - хотя, казалось бы, что может быть прискорбнее такой ущербности!

- Скорее ненормально, что ты ведёшь разговор о психическом здоровье с теми, кого сам только что назвал глюком, - усмехнулся Сослан.

Данила сконфузился:

- Блин, вот опять я ляпнул! Что я сегодня несу вообще! Простите, уважаемые боги! Я не хотел вас прогневить!!! Просто такое дело, я же в первый раз в жизни...

- Если ты допускаешь, что можешь нас прогневить неосторожной фразой и попросить прощения, - значит, в глубине души ты всё-таки не считаешь нас глюками, - заметила Гуаша. - И это правильно. А если ты боишься, что сумасшедшим тебя объявят окружающие, если вдруг заметят, что ты общаешься с нами, так мы ведь чаще всего выглядим как обычные люди: живём в квартирах, ездим на общественном транспорте, у многих из нас есть профессии. И тебя на службу мы берём по-настоящему, и оклад будем платить настоящими деньгами, а не осиновыми листьями и не морскими камешками. Так что если люди и увидят что-то случайно, они вряд ли заподозрят неладное. А не разбалтывать, я думаю, у тебя самого ума хватит...

Данила пришёл домой, когда тётя Зоя уже собиралась ложиться спать, так что разговоры о планах на ближайшее будущее они отложили до утра.

Между осенним равноденствием и праздником Казанской

На следующее утро Данила проснулся на мелкоцветочном белье, застилавшем антикварную тахту из полированного ДСП – и понял, что вчера совершил поступок, недопустимый для разумного рассудительного человека, умеющего учиться на жизненном опыте. Он позволил малознакомым людям вовлечь себя в какое-то сомнительное предприятие. Парень ещё раз прокрутил в уме подробности вчерашнего чаепития: ему толком не объяснили, чего именно от него хотят, лишь намекнули, что ему придётся столкнуться со множеством опасностей и неожиданностей. Неужели его снова хотят заставить пропадать ради того, чтоб опасности избежал кто-то другой?! Данила обругал себя придурком, купившимся на хитрость, шитую белыми нитками. Его должен был бы насторожить уже сам факт, что его пригласили на чай в квартиру к каким-то незнакомцам: любой ребёнок сразу осознал бы, что в наши дни в Москве такое не принято. Даже если такое принято у народов России – они, скорее, позвали бы в гости какого-нибудь своего земляка, чтоб поговорить с ним на родном языке, вспомнить старинные песни... Нет, вся эта ситуация была в высшей степени сомнительной! Неужели за пять лет вне обычного московского социума Даня забыл, что в нём в порядке вещей, а что нет!

Те пригласившие называли себя богами, рассуждали о седой древности, о вере и неверии. Они вызывали симпатию, Данила слушал их с интересом и согласился помочь им – сдуру согласился! Тут страшная догадка заставила парня подскочить в кровати. Как же он сразу не сообразил: его втянули не просто в какую-то авантюру, чреватую в лучшем случае новым тюремным сроком, - его, как наивного младенца, заманили в секту! Он читал и слышал: руководители тоталитарных сект вначале всегда прикидываются добрыми и понимающими, ведут интеллектуальные беседы, поят чаем со сладостями (кому ведомо, чего они ещё могут подмешать в этот чай!), случается, даже помогают неофитам материально, - а потом человек не успевает оглянуться, как оказывается должен перевести им все свои сбережения, переоформить на них квартиру, отдать во имя сумасшедшей сектантской идеи своё сердце, разум и саму жизнь... Даня не мог вспомнить, проболтался ли вчера, что его квартирная хозяйка – одинокая пенсионерка: ведь именно у таких всякие нечистоплотные субъекты любят отнимать квартиры! Его неосторожный язык запросто мог подвести под монастырь добрейшую тётю Зою, доверившуюся ему!

Данила вскочил (тахта издала печальный скрип), метнулся по потёртому ворсистому ковру к стулу, где висела его одежда. Бумажник был в кармане брюк, а в нём деньги, которые вчера дал ему кавказский юноша. Их не считали ни тогда, ни после, но на вид пачка была такой же толщины, что и вчера: голубовато-бирюзовые купюры с пейзажами Ярославля и красновато-рыжие – с видами далёкого Хабаровска. В соседнем отделении бумажника сиротливо притулились захватанные жёлто-бурые сторублёвки, оставшиеся от собственных сбережений Данилы. Что ж, их хватит на карманные расходы, на оплату телефона и проезда. Он позвонит в то охранное предприятие, извинится за то, что не явился в назначенный день на собеседование (можно будет по-честному рассказать, как он защищал северного старика от хулиганов, естественно, опустив дальнейшие события), и, если повезёт, передоговориться на другой день. А если эта затея не удастся, он сходит к метро, где всегда стоят промоутеры, раздающие прессу и

рекламные листовки, возьмёт газету с объявлениями о вакансиях и продолжит поиск работы. Вот самое важное дело, предстоящее ему в ближайшие дни. Впрочем, у него есть и дело ещё важнее: сегодня же, сейчас же отыскать этот дом у подземного перехода, позвонить в квартиру той женщины и её сына и заявить им, что он передумал, что отказывается от какого бы то ни было сотрудничества с их приятелями и возвращает все деньги... После этого придётся какое-то время не ходить по тем переулкам, чтоб не столкнуться с этими людьми (ведь всем известно, что подозрительные объединения не прощают отказа – тем более, отказа обдуманного), - а адреса самого Данилы они, к счастью, не знают, значит, не стоит опасаться, что его подкараулят у подъезда...

Парень проворно оделся и, не умывшись и не поздоровавшись с тётёй Зоей, смотревшей телевизор на кухне, рванул на улицу. Он быстро добежал до того подземного перехода, свернул в нужный, как ему казалось, переулок... Но дома в нём не были даже отдалённо похожи на тот, в котором он побывал вчера! Данила оббегал все окрестные улицы; он подолгу простаивал у подъездов, силясь припомнить детали внешнего вида входных дверей. Он вглядывался в лица прохожих – но южные и восточные старики, попадавшиеся ему навстречу, не походили на Тенгри, а женщины – на Гуашу. Данила ещё раз заглянул в переход – но там было не видать лотка с северными бисерными украшениями. Злосчастные деньги жгли карман...

Данила утомился, издёргался и рассудил, что так он ничего не выбегает и лучше пойти восвояси, пообедать стряпнёй тёти Зои и спокойно обмозговать дальнейшие действия. Он решил пока не говорить хозяйке о вчерашней встрече...

Обдумать что-либо в спокойной обстановке не получилось: тётя Зоя припомнила квартиранту, что он обещал помочь ей с ремонтом большой комнаты, смежной с кухней. Мебель оттуда уже давно была вытащена, а на голых стенах красовались лохмотья не до конца ободранных обоев и кое-где зияли дыры в штукатурке. Все материалы для ремонта у хозяйки уже были, оставалось лишь применить их. Парень на несколько дней превратился в штукатура и маляра; его умения в этих ремёслах были скромными, и дело продвигалось медленно. Во время чисто физического труда голова, как ни странно на первый взгляд, тоже работала на полную: новоиспечённый ремонтник соображал, как ловчее выполнить ту или иную задачу: простые на первый взгляд действия подчас таили в себе подвох, а незамысловатые инструменты показывали норы и не желали становиться ручными. Но как бы ни были мысли Данилы поглощены ремонтом, на заднем плане в них, словно фоновая музыка, звучало неотвязное: «Разыскать тех, кто назвал себя богами! Вернуть им их деньги! Но как? Где их искать?» - и эта невозможность исправить свою давешнюю оплошность (и несомненно отвести опасность от квартирной хозяйки) мало-помалу превратилась в бетонную плиту, лежащую на сердце. По ночам Даниле снились зловещие фары в глухой темноте переулка и монстры с лицами бывших сокамерников. Когда он приплетался на кухню завтракать, он имел такой вид, словно на нём всю ночь отплясывали лезгинку бронтозавры... Это не ускользало от взгляда хозяйки; в начале она просто пыталась развеселить парня беседой, а в один прекрасный день прямо спросила: «Что ты, друг мой, голову повесил?»

- Тётя Зоя! – посетовал Данила. – Мне хреново!

- Возьми «алказельцер» в ящике на кухне. А вообще говоря, закусывать надо!

- Да я не в этом смысле. Я вообще не пил! Мне морально хреново! На сердце просто камень лежит!

- В церковь сходи... Ты неверующий?.. Тебя крестили вообще?.. Ну, даже если молитв никаких не знаешь, приди и просто постой во время службы, глядишь, полегчает... А знаешь, что? Скоро ведь Казанская. Я завтра собираюсь в центр, в *** церковь, - поедешь со мной?

«А кто его знает, вдруг и впрямь легче станет? – подумал Данила и тут же ухватился за эту новую мысль как за спасительную соломинку. – Вот и ответ, что мне делать с купюрами этими несчастными! Я ещё в детстве слышал: если к тебе пришли деньги, которые ты по каким-то причинам не можешь или не должен использовать сам, а вернуть их невозможно, то надо отдать их или нищим, или на благотворительность. Ну, есть ли сейчас при церквях нищие, я не знаю (кстати, заодно и посмотрю), а ящик для пожертвований на какой-нибудь ремонт храма или для больных детей там наверняка стоит. Суну туда незаметно всю пачку – сразу спокойнее будет! А эти чудики, которые называли себя богами, небось, и забыли про меня, иначе они давно бы уже сами меня достали! Или не достали бы: они же не спросили у меня ни адреса, ни телефона. Да надо просто судьбу благодарить, что сектанты мне попались такие недотёпы! Ничего, в следующий раз я так просто не куплюсь!»

И парень принял твёрдое решение сопровождать тётю Зою в церковь.

В церкви

Детство Данилы прошло в районе, застроенном в начале 1950-ых; настоящей Москвой для него были кирпичные дома советской архитектуры, а в центр он выбирался редко. Среди исторических зданий он чувствовал себя чужим; петляющие переулки с названиями-многоножками «Подколокольный», «Спасоглинищевский», «Кривоарбатский» пугали его. Хотя каждый дом в них был выстроен в своём особом стиле, Данила не отличал эти дома один от другого. А в одном переулке, куда они с тётёй Зоей свернули с большого проспекта, вместо домов высился длинный глухой забор, из-за которого тянулись ветви деревьев, словно руки арестантов из узилища...

Церковь оказалась старинная, толстостенная. Полутёмное многолюдное помещение само по себе было невелико, но роспись на стенах и потолке отражала целую вселенную. Гудел хор. Данила остановился у стены, и тотчас схлопотал замечание от одной из прихожанок за то, что не снял шапку. Он отошёл вбок, не зная, что делать дальше.

- Свечку поставь перед иконой, - подсказала тётя Зоя и скрылась в толпе.

Данила купил в приделе тоненькую восковую свечку и принялся обходить вдоль стен, выбирая для неё место. Иконы сверкали окладами, перед ними блестели огромные чаши, в которых трепетали десятки свечных огоньков. Людские чаяния, надежды, благодарности, желания – исходили воском в полумраке, вздрагивали от сквозняков. Некоторые свечки уже оплыли до маленького огарка. Старушка в платке гасила огарки и собирала в железное ведро – и Даниле казалось, что она гасит и выбрасывает чужие мольбы и надежды.

В дальнем углу он наконец увидел икону, возле которой было меньше всего свечек. Она была без оклада и изображала нестарого мужчину с ясными глазами и короткой русой бородой, в окружении сосен. Данила решил, что это какой-нибудь древнерусский монах. Он шёпотом расспросил у старушки об иконе.

- А это, мил мой, святой Юмалий, - ответила она. – Я его только в этом храме видела и больше нигде. Уж не знаю, чем он прославился, может, мученик какой.

Данила аккуратно воткнул свою свечку в чашу возле иконы, схлопотал замечание от старушки за то, что не так себя держит, и направился к выходу. У дверей он присел на лавку – но находившиеся рядом женщины стали выговаривать ему за неподобающую позу.

Данила вышел на улицу.

Ему хотелось курить, но он не знал, где можно. А нарываться на строгих прихожанок ещё раз ему не хотелось. Он обвёл глазами двор в поисках людей, но там лишь ходили голуби и скакали воробьи. Вдруг он заметил за постройками движение, и из дальнего закоулка показалась фигура в несовременной одежде.

Перед Данилой стоял светлоглазый мужчина средних лет с небольшой бородкой, как две капли воды похожий на «древнерусского монаха» с той самой иконы.

- Здравствуйте... Я тут... я это... - Данила понял, что опоздал спрятать незажжённую сигарету.

- Если ты ищешь место, где покурить, то можно вон там, у забора, - опередил его «древнерусский монах». - Только быстро, пока люди не стали выходить.

- Спасибо... Я в этой церкви в первый раз... Очень красивая...

- Да, люди, которые возводили это здание и расписывали стены, были настоящими гениями, - отвечал «древнерусский монах».

«Монах» ушёл. Данила ощутил, что после этого разговора у него стало светло на душе – хотя болтали они, в сущности, о пустяках.

Не успел он сделать пару затяжек, над головой грянул колокол. Данила догадался, что служба уже закончилась, и забеспокоился:

- Где тётя Зоя? Мы ведь вместе сюда приехали.

Он поспешил обратно - и увидел, что тётя Зоя уже вышла из церкви, встретила во дворе каких-то приятельниц и увлечённо болтает с ними, явно не собираясь в ближайшее время отправляться домой. Данила договорился с ней, что они поедут домой каждый сам по себе.

В тот день выдалась тёплая и тихая для начала ноября погода; солнце лило на город по-праздничному радостные лучи. Данила решил прогуляться по центру пешком: насладиться этим солнцем и безветрием, посмотреть, как изменились за пять лет знакомые места.

Встреча с Новыми

В приподнятом расположении духа парень дошёл до Курского вокзала.

С тех пор, как он видел эти места в последний раз, вокзал стал чище и современнее, - но атмосфера там стала в десятки раз более суетливой, чем помнил Данила. Он прошёл через металлоискатель, постоял у расписания поездов, посидел на скамейке, разглядывая толпу. Он начал припоминать стихотворение Пастернака «Вокзал – несгораемый ящик разлук моих, встреч и разлук», - но вспомнить ему удалось только первые две строчки. Он ещё смутно припоминал, что в этом стихотворении было что-то про гарпий. Но сейчас в стекляннно-кафельных залах не было ни гарпий, ни грифонов, никаких мифических существ, и толпа выглядела буднично.

Данила вышел из здания вокзала на улицу, потолкался на Земляном валу, где в этот час тоже было многолюдно. На углу улицы стояли трое музыкантов лет сорока на вид: две скрипки и электровиолончель. (Такой инструмент Данила видел впервые в жизни: они выглядела как обычная виолончель, прошедшая курс похудения: продолговатый кусок полированного материала со струнами, а по бокам из этого полированного куска выходили на двух коленчатых железных ногах детали, больше всего похожие на сапожные колодки). Полновесные насыщенные мелодии перекрывали гомон толпы и шум уличного движения. Струны виолончели нежно гудели... Обычно Данила был равнодушен к скрипичной музыке – а тут заслушался и стоял возле музыкантов до тех пор, пока они не объявили антракт. Он наслаждался неспешной прогулкой без цели. В его душе сияла радостная лампочка...

Он зашёл в торговый центр «Атриум», чтобы подкрепиться каким-нибудь незамысловатым фастфудом. Когда он вынул кошелёк, чтобы расплатиться с кассиром за гамбургер и газировку, то обнаружил, что злополучная пачка крупных купюр по-прежнему лежит в нём! Впечатления, полученные в церкви, совершенно заслонили от него его первоначальное намерение! Светлая лампочка в душе разом померкла. Он понуро сжевал гамбургер, осушил стакан, затем пошёл куда глаза глядят по переулкам вокруг Земляного вала, неся в голове прежние грустные мысли, которые вновь настигли его в миг чистой радости...

Выпитая газировка настойчиво давала о себе знать, а Данила уже прошагал все места, где могли быть общественные туалеты. Но перед ним открывался сквозь арку многоэтажного дома глухой и тихий двор с пышными кустами и деревьями по углам. Парень направился туда.

Когда он, справив нужду, собрался вылезти из кустов у забора, то услышал во дворе голоса. Он осторожно высунул голову из-за деревьев и увидел стоящих во дворе людей. Он удивился, откуда они взялись: всё это время он был начеку, но не слышал ничьих шагов...

На асфальте возле арки стоял молодой толстый парень, держащий на поводке мускулистого питбультерьера. Чуть поодаль - глубокий старик, несмотря на годы, необычайно проворный, одетый в костюм с галстуком и опирающийся на трость, состоящую из металлических коленец, каждое последующее уже предыдущего, словно части старой выдвижной антенны. Со стариком две девочки, по-видимому, внучки:

непоседа и кривляка младшего школьного возраста, наряженная в платье кричащих цветов, и девочка-подросток со строгим лицом, в кофте и юбочке, напоминающих униформу. Над ними возвышалась крупная дородная женщина, которую Данила определил про себя как «торговку с вещевого рынка»; она увлечённо разговаривала по сотовому телефону.

Данила рассудил, что это, должно быть, жильцы дома, и что им явно не понравится, что в их двор забрёл чужак, да ещё явно с какой-то сомнительной целью. Он стал выбираться из кустов крадучись, чтоб они не засекали его. Но незаметно проскользнуть мимо толстяка с питбулем не получилось: грозный пёс почуял постороннего за спиной хозяина и угрюмо вуффнул. Все головы тотчас обернулись в сторону Данилы.

- Молодой человек! А куда это ты направился? И чего не здороваешься? – визгливо крикнула «торговка с вещевого рынка», отняв свой телефон от уха. Парень не разобрал: то ли голос у неё от природы был со скандальными обертонами, то ли она действительно была сильно возмущена. Он был раздосадован тем, что ему не удалось уйти незамеченным, и ответил угрюмым тоном:

- Ну, здравствуйте. Правда, я вас не знаю.

- Ну прямо уж! – ахнула торговка.

- Гораздо больший интерес вызывает другой вопрос, – осведомилась старшая девочка в строгой юбке. – Что ты делал в тех кустах?

- Ага, ты вылез оттуда с таким выражением лица, за которое в старые времена полагалась бы статья! — в тон ей продолжил толстяк, незаметно укорачивая поводок своего питомца.

Толстяк явно хотел продемонстрировать чувство юмора (надо признать, весьма топорное), но упоминание о «статье» задело Данилу за живое. «Неужели у меня прямо на лице написано, откуда я вернулся? – внутренне вздрогнул он. – Ишь, уже и посторонние зоной попрекают!» - Но он решил не отступать перед толстяком, пусть даже у того колючий взгляд и собака серьёзной породы.

- Ты хочешь, чтоб я тебе сказал, что я делал в кустах? Прямо при женщинах и детях?

- Не вилай! – рявкнула суровая девочка-подросток, явно лишённая, как и все современные подростки, пиетета перед старшими. - Мы сюда отошли, чтоб Дедушке было удобно разговаривать: он на улице в шуме плохо слышит. И тут ты вылазишь... Признайся ведь, что подслушивал!

- Ну вы, люди добрые, и чудак! Зачем мне вас подслушивать! Что вы вообще могли рассказать за такую сверхценную информацию? Про ваши тёрки с соседями или покупку бытовой техники? Или про пенсию вашего дедушки?

Толстяк на миг прикусил язык:

- Подожди, ты что, реально не знаешь, кто мы?

- Ну и чудеса! – охнул дедушка. – Обычно, если человек про нас не знает, то он нас и не видит. То есть, видит, конечно, но не то и не так... То есть, не совсем так... Фу-ты ну-ты, сам запутался! Короче, все люди на свете знают, что мы делаем, но мало кто сталкивался с нами во плоти.

- Ну, а мне-то откуда знать! — воскликнул Даня.

- Нет, серьёзно? — удивился толстяк.

- Я не из этого района.

Любой парень в любом городе нашей необъятной страны знает, что за признанием «Я не из этого района» обычно следуют неприятности. Толстяк с собакой отделился от своей родни и сделал несколько шагов по направлению к Даниле. Тот попятился, но глаз

не опустил. Толстяк продолжил шагать к нему, и так они отдалились от остальных на несколько метров.

Данила приготовился к тому, что сейчас ему придётся улепётывать от питбуля или сражаться на кулаках с толстяком на глазах у его семьи (а может, соседей). Но неприятности, последовавшие за его фразой, оказались совсем иного рода.

- Район тут ни при чём, - сказал владелец питбуля. - Мы мерим сферы влияния не районами.

- Так кто вы, в конце концов?

Толстяк с питбулем пояснил:

- Мы – те, кто остаётся, когда вера в каких бы то ни было божеств заканчивается. Мы приходим на смену всем культам и верованиям. Нас знают все, и мы вездесущи...

- Вы, что ли, боги! – потерял терпение Данила.

- Спрашиваешь! Пожалуй, мы и есть самые основные боги человечества на текущий момент. Наиболее ориентированные на актуальные запросы современности. Иногда нас ещё называют «новые боги». Позволь представиться, меня зовут Консюм.

- Фигасе! А какой народ тебя почитал? Или почитает?

- Классификация по народам требуется только при процедуре локализации. Меня почитает каждый, кто вступает в экономические отношения хотя бы на самом примитивном уровне. То есть, все.

- Ладно, проехали. Представь мне остальных.

- Не знаю, нуждаются ли они прямо в таком уж представлении, ведь тебе они должны быть, по логике, давно знакомы. Дедушка – это бог Телевидения, ему уже 80 лет. Девчонки рядом с ним: маленькая, которая пляшет, Реклама, а та, которая постарше - это Пропаганда. Тоже очень могущественные богини.

- Они его внуки, что ли?

- Приёмные дочери. Хотя в реальности они на много веков старше его. Женщина с телефоном – богиня Общественного Мнения, сокращённо тётушка Омния. И старше всех тут на самом деле именно она.

- Ну что же, приятно познакомиться, - скучающим тоном ответил Данила; он чувствовал, что всё меньше понимает происходящее.

- Нет, ну всё-таки, что ты делал в кустах? Подслушивал? – подбежала старшая девочка, которую, как Даниле уже было известно, звали Пропаганда.

- Вы всё-таки вбили себе в голову, что я там шпионил? Ну ты башкой своей подумай: мы же только что выяснили, что я про вас вообще в первый раз слышу! Как человек может подслушивать тех, кого не знает? Как ты себе вообще это представляешь? Значит, по-твоему, я стоял в кустах, сса... ой, медитировал, а потом подумал: Дай-ка я послушаю: ведь тут сейчас люди, которых я в упор не знаю, будут говорить какие-то архиважные вещи, понятия не имею, какие! Это вообще как? Я, по-вашему, ясновидящий, что ли?

- Ладно, допустим, мы тебе поверили, - ответил толстяк. – Допустим, ты в самом деле оказался там случайно. Видишь ли, Пропаганда у нас немного параноик... Точнее, не немного... А шпиономания – это у неё вообще пунктик. Но всё равно: раз ты уже увидел нас, а мы – тебя, то мы сделаем тебе предложение, от которого невозможно отказаться. Мы предлагаем тебе сотрудничество! Единение с нашим, так сказать, Коллективом.

Данилу передёрнуло:

- Слушай, мужик, отвяжись ты от меня со своим коллективом! Я в вашу секту вступать не собираюсь! Вот что, блин, за полоса такая в жизни: так и лезут всякие, которые называют себя какими-нибудь богами!

Последнюю фразу Даня сказал больше самому себе, но именно её лучше всего услышал его собеседник.

- Ты встречал ещё кого-то? – насторожился толстяк, и его питбуль на поводке тоже напрягся и наострил уши.

- А тебе какая печаль, - огрызнулся в ответ Данила.

- Я требую ответа! – голос толстяка стал ещё более суровым.

- Да не буду я тебе отвечать. Особенно, когда твой питбуль на меня так пялится.

- А это не питбуль, это Экономический Кризис. К слову, он тоже бог. И у него неуравновешенная психика, поэтому приходится держать его на коротком поводке, чтоб он не агрессивировал. Но иногда его всё же приходится спускать: потребность в движении и всё такое... Так отвечай: с какими именно богами ты встречался?

- Мужик, отвали!

- Всем известно, что в Москве кроме нас только одна компания называет себя «богами»! – голос у толстяка стал как у следователя на допросе. – И если ты их знаешь, ту разношёрстную компанию из мифов народов мира, вывод только один: ты работаешь на них!

- Да не работаю я ни на кого! И на вас не буду! Сказано тебе: я с вами никаких дел иметь не стану! И питбуля твоего не испугаюсь!

Парень решительно зашагал прочь из двора. Он ожидал, что кто-нибудь из странной компании побежит за ним, но они остались стоять. До ушей Данилы донеслось рассерженное бормотание – что-то вроде: «Ничего, ещё сам придёт как миленький!»

Доехав до дому на метро, Данила выкинул из головы эту нелепую встречу.

Чудо во дворе

Когда Данила пришёл в свою комнату и стал переодеваться, он обнаружил, что пачка крупных купюр исчезла из его кошелька. Эта пропажа даже обрадовала его: теперь ничто не связывает его с теми сектантами! Вновь заплескался у ног ленивый океан золотой обыденности: походы в магазин, выгул собачки, старания довести до ума начатый ремонт, разговоры с хозяйкой, обзвон всевозможных фирм и предприятий в попытках устроиться на работу...

Так прошла неделя. Везде вакансии оказывались заняты, или Данилу считали неподходящей кандидатурой. В конце концов, он решил, не мудрствуя лукаво, поговорить с администрацией ближайшего продуктового магазина, которому, если верить объявлениям на двери, всё время требовались грузчики и мерчендайзеры.

Данила надел свой старый пиджак, так аккуратно зашитый Гуашей («Хоть какая-то польза была от этих чудиков!» - подумал он, вдевая руку в тот самый рукав), и направился наискосок через дворы в магазин, выбрав время, когда там, по его расчётам, должно было быть не слишком много народу.

До зимы ещё далеко, но воздух уже студён. Под ногами – гулкий промёрзший глинозём, седой асфальт или кудрявые гривы жухлой травы. Над головой – перекрещенные голые ветви деревьев, словно рисунок углём, изображающий душевное состояние современных людей. Но где-то среди этих ветвей звонко и радостно тенькает синица, словно ошиблась временем года...

Внезапно с детской площадки в одном из проходных дворов донеслось:

- Данила-джан! Что не здороваешься!

Данила обернулся. Качели, горки и лестницы на площадке пустовали: все дети или ещё спали, или были в школе. А на лавочке у самой ограды примостились двое незаметных мужичков. В одном из них Даня с удивлением узнал «древнерусского монаха» из церкви. Тот совершенно не по-монашески пристроил рядом с собой ополовиненную бутылку вина. В его спутнике Данила узнал Сослана.

- Откуда вы здесь? – опешил парень. – Я же вам адреса не оставлял. И вас по вашему адресу сам искал – и не нашёл...

- Богов не надо ни искать, ни оставлять им адрес, - назидательно проговорил «монах». – Не учи рыбу плавать! Они сами тебя найдут, когда нужно. – Он бросил взгляд на сидящего рядом Сослана. – Ну, и герои тоже.

- Вот Юмала правильно говорит! – оживился сослан. – Я думаю, тебе хватило времени осмыслить наше предложение, и хватило той скромной суммы, чтобы рассчитаться с квартирной хозяйкой...

- Знаете, мужики... - начал Данила, стараясь придать себе как можно больше решимости. Но Юмала понял его мысли уже по одному выражению его лица:

- Можешь не продолжать. Ты всё-таки не веришь, что мы боги?

- Ну какой же человек в здравом уме назовёт себя богом! – усмехнулся Данила.

- Человек – безусловно, нет. А настоящим богам как ещё прикажешь себя называть?

- А чем вы докажете, что вы именно настоящие боги, а не мошенники какие-нибудь? Мало ли, кто как себя называет...

На чистом лице Юмалы изобразилась обида - как у ребёнка, которого ни за что обругали. Он отпил глоток из горлышка своей бутылки и глухо спросил:

- Ладно; что бы ты принял в качестве доказательства?

- Ну, если вы сделаете прямо сейчас на моих глазах что-нибудь, чего не могут люди, а могут только боги. Чудо какое-нибудь сотворите. И не фокус-покус, где всё дело только в технике, а настоящее.

- Чудо, говоришь... - Юмала сделал ещё один глоток и стал обводить окрестность глазами. В нескольких шагах от лавочки стоял разошедшийся деревянный столб с остатками поблёкшей краски – очевидно, фрагмент старой игровой конструкции, которую не успели полностью демонтировать. Юмала приблизился к столбу, пристально уставился на него, тряхнул кудрями, сверкнул очами – и тотчас во все стороны от столба как от ствола протянулись живые гибкие ветви, налитые соком; ещё секунда – на них выросли цветы и листья... Данила понюхал, потрогал: ветви и листья были настоящие.

- Круто! – вырвалось у него.

Во взгляде двоих товарищей на лавочке читалось торжество.

Наибольшее впечатление на Данилу произвело не само «чудо» Юмалы, а выражение его глаз. В них светились одновременно мистические дали глубокой древности и привольные просторы утопического будущего. Казалось, вокруг его русых кудрей звучала мощная мелодия, одновременно архаическая и ультрасовременная, плыли медвяные звоны струн, - а обстановка вокруг становилась величественнее и возвышеннее, чем просто заурядный московский двор в неброский ноябрьский день: каждую будничную мелочь хотелось наделить собственным именем и слагать о ней легенды...

- Вот интересно, почему богу приходится доказывать людям, что он бог, а человеку как будто не надо доказывать богам, что он человек... - задумчиво протянул Юмала, вновь прикладываясь к бутылке.

- Почему же не надо, дорогой? – возразил ему Сослан. – Ему всегда надо показывать своими поступками, что он соблюдает заветы богов, что живёт и мыслит именно как человек, а не как свинья... Но ты прав, сейчас такого уже стало меньше.

- А ты, парень, как будто и не совсем веришь в трансцендентное? – заметил Юмала, не сводя с Данилы грустных светлых глаз.

- Ну, я в детстве читал мифы всякие. И про мистические явления тоже читал. А сам просто не сталкивался как-то...

- И это говорит человек, ещё три недели назад пивший чай с двумя весьма могущественными богами и одним героем! – воскликнул Сослан. - Хотя, я помню, ты ещё тогда сомневался, вопросы задавал... Сейчас-то хоть удостоверился, что мы настоящие?

- Удостоверился! Приношу извинения за свою подозрительность... А теперь, уважаемые боги, позвольте откланяться, мне пора: на работу устраиваться иду.

- Опять на работу! – всплеснул руками Сослан. – Ты же уже поступил к нам!

- А что мне было думать! Вы ведь никаких данных у меня не взяли, условия конкретные не обговорили, трудовой договор не подписали.

- Видишь ли, в наших кругах больше приняты устные договорённости.

- Но я же документы оформляю. С меня бумажку спросят.

- Да, слушай, наверно, надо попросить Нуму выдать тебе бумажку. Я ему напомню...

- А ещё мне деньги нужны...

- Тебе не хватило той суммы? У твоей хозяйки такая квартплата высокая, или ты всё профукал?

- Я так и не воспользовался теми деньгами. Кажется, их у меня украли. И я даже подозреваю, кто... - и Данила подробно рассказал Сослану и Юмале о встрече близ Земляного вала.

- Сосны и ели! – воскликнул Юмала. – Так они прямо сразу назвали тебе свои имена!

- Назвали... Имена у них, если честно, какие-то дурацкие...

- И ты действительно сказал им: «Не лезьте ко мне!»?

- Ну, сказал... А что я ещё должен отвечать, если ко мне пристают люди, которые с самого начала ведут себя так, словно я им что-то должен?

- Мы думаем, тебе надо рассказать об этой встрече нашим приятелям. Нума и Тенгри наверняка оценят: если ты сказал «Не лезь!» самому Консюму, значит, ты храбрее и сильнее, чем мы думали...

- Так вы знаете этого Кон-сюма?

- Знаем! Причём не с лучшей стороны. Словом, настало время рассказать тебе кое-что важное.

- Прямо сейчас?

- Нет; завтра. Ты уж брось устраиваться грузчиком, но в тот магазин всё равно зайди: купи печенья всякого и колбасы. Мы чаю попьём.

- А где?

- Был бы повод, а место для чаепития всегда найдётся!

Первое чаепитие у Данилы

В то утро по телевизору на кухне показывали какой-то неторопливый фильм, по духовке — пышки с сахаром, по стиральной машине — будничные цветастые платья тёти Зои. А по зеркалу пока ещё ничего не показывали: Данила ещё не успел дойти ни до ванной, ни до трюмо в прихожей.

Но вот скрипнула дверь, и в коридоре показалось лицо.

Как только Данила открыл глаза, он вспомнил: сегодня ему надо ждать гостей. Тётя Зоя обещала уйти сначала в поликлинику, затем в какое-то учреждение. Ему надо было успеть за время её отсутствия поговорить с богами и до возвращения хозяйки убрать следы чаепития.

Он посмотрел на себя в зеркале: взъерошенные тёмно-русые волосы, осунувшееся лицо, большие светлые глаза, глядящие немного растерянно, средней густоты брови, которые он в последнее время привык хмурить, от чего выражение лица было немного волчьим, слегка торчащие уши. Несмотря на то, что Данила не пренебрегал физическими нагрузками, плечи у него были довольно узкими. На своё потрёпанное бельё он и смотреть не стал.

Тётя Зоя долго возилась на кухне: сперва у стиральной машины, затем у плиты, потом в прихожей, выгуляла собачку, попрощалась с Данилой и ушла. Буквально через пару минут после её ухода раздался звонок в дверь. Именно в дверь, как в старые времена, а не по домофону. Данила глянул в глазок. На пороге стояли Нума, Сослан, Тенгри и Юмала.

Данила прислушался: не идут ли соседи - он понимал, что визит его приятелей (или работодателей?) должен оставаться в строжайшей тайне, - и пустил всех в квартиру. Тошик сперва взбrehнул было на вошедших, но потом принялся и радостно завилял гостям хвостом. Затем он пошёл спать в комнату тёти Зои. А Данила провёл гостей на кухню.

Тенгри по дороге заглянул во все помещения, а на кухне подошёл к старому телевизору, стоявшему на тумбе, и проворно завесил экран первой попавшейся тряпицей.

- Так надо, - отчеканил он удивлённому Даниле.

Все взяли себе с полки разномастные чашки и стаканы (кроме Тенгри, извлёкшего из-за пазухи халата золотую пиалу с орнаментом).

- Ты ведь один? — осведомился Нума, устраиваясь на лавке возле кухонного стола.

Данила сейчас разглядел, что Нума вовсе не старик, а бодрый мужчина средних лет.

- Видите, хозяйка ушла: сперва в поликлинику, потом разбираться с пенсионным фондом, а потом, вроде, в гости к кому-то хотела заглянуть. Короче, сказала, если

припозднится, то мне надо будет выгулять и покормить собачку. Мы же успеем до её возвращения всё обсудить?

Тенгри ответил:

- Чтоб обсудить *всё*, нам не хватит и столетия: все эти напасти начались давно, и событий было много...

Затем Данила спохватился:

- Кстати! Пока не забыл! Вы же меня наняли. Так вот, мне будет нужна бумага о трудоустройстве: я сейчас документы восстанавливаю, а там как раз это спросят в первую очередь!

- Бумаги! Запросто! — и Нума вручил Даниле «бумаги»: трудовой договор и трудовую книжку с записью о том, что её обладатель отныне числится «эникейщиком» в ООО «ТЕОС».

Данила повертел документы в руках: они ничем не отличались от настоящих, разве что формулировки в описании служебных обязанностей были немного расплывчаты. Но с другой стороны, разве мало таких призрачных должностей в фирмах, основанных людьми?

- Большое спасибо! Теперь мне будет, что показать. Придаться к этому не должны... И всё-таки: что именно от меня будет требоваться? Одно дело — если что-нибудь в стиле «принеси-подай», и другое — если придётся в какое-нибудь тридевятое царство гонять или, например, сражаться с какой-то астральной угрозой? Я же не маг, не волшебник... и не бог!

- Вот именно: не бог! Так что ты можешь сделать то, что может только человек, а бог не может!

- А разве бывает то, чего не могут боги? Они же... вы же, типа, всемогущи?

- Ох, бывает! — вздохнул Нума, словно его заставили вспомнить о чём-то неприятном. — А что именно — это не для чайного стола беседа...

- Хорошо. А мне-то что надо делать?

- Это прояснится, смотря по ситуации, - туманно ответил Тенгри.

- Но почему именно я? Вот ты, например, Сослан, - ты ведь не бог?

- Если приходит пора делать что-то, что могут только люди, а не боги, то два человека всегда лучше, чем один, - ответил Сослан, жуя булочку.

- Но ведь я даже и не герой, как ты!

- Слушай, Даня-джан, бывают ситуации, когда не герои поворачивают ход мироздания, а совсем обычные люди!... А если ты спросишь, что тебе предстоит именно сейчас, то тут и обсуждать нечего: надо представить тебя Фриг! Раз уж мы наняли тебя на работу... В общем, Данила-джан, завтра с утра будь готов: нам предстоит поездка.

- Далеко? - удивился Даня.

- Для тебя, может быть, и далеко, - прищурился Сослан.

- Куда-нибудь в горы Кавказа?

- Ну почему Кавказа, всего на юго-запад Москвы. Хотя, слушай, насчёт гор ты прав. Воробьёвы горы! Мы поедем в Московский университет. Фриг в основном там можно застать.

- Фриг? Она же, вроде, из Скандинавии откуда-то?

- Супруга самого Одина!

- А, понятно, значит, она тоже входит в ваше руководство?

Тенгри нахмурился:

- Боги не делятся на руководителей и подчинённых. У богов нет чинов, нет организаций, профсоюзов тоже нет. Каждый из них в чём-то главный, но кто-то заметен больше, а кто-то меньше. Кто-то каждый день ходит по миру и наблюдает за людьми и

духами, а кто-то сидит себе в ущелье или в лесной чаще. Кто-то бодр, и ему нипочём облететь 99 небес из края в край, а кто-то снедаем хандрой, и у него мало сил... - (Тут Тенгри почему-то бросил выразительный взгляд на Юмалу). - Так что никакого начальства у нас нет, есть просто те, кто пристальнее других богов в Москве следит за судьбами мира и больше других общается с разным людом.

- Вот оно что!.. Но почему нам непременно надо ехать на другой конец Москвы? Почему Фригг не может зайти ко мне, пока тётки Зои нет дома — вот как вы?

- До конца декабря у Фригг не бывает свободного времени по утрам и днём. Она преподаёт на кафедре германского и кельтского языкознания на филологическом факультете. Хотя говорят «Не боги горшки обжигают», но читать лекции боги вполне могут!.. Словом, завтра в девять часов утра жди завтра меня и Сослана около метро.

- А почему у метро? Разве мы не можем по воздуху полететь или там телепортироваться?

- Нам лучше быть незаметными.

- А Нума с нами поедет?

- У меня завтра другие дела, - ответил северный бог.

- Фригг высоко сидит, много ведаёт, со многими знакома, - пояснял Тенгри Даниле.

- Даже с теми, кто живёт уединённо. И с теми, кто общается только с узким кругом. Мы с вами мало знаем эти круги — а её в них привечают.

- А как же муж и родичи Фригг? - поинтересовался Нума.

- Её муж отправился куда-то по мирам...

- Это старая новость; я её уже давно слышал, - вставил Сослан.

- Так он до сих пор не вернулся.

- А был бы он здесь — эти обормоты бы такой бардак не устраивали, - вздохнул Сослан.

- Ты хочешь сказать: потому что он сам устроил бы тут ещё больший переполох?

- Тебе не откажешь в чувстве юмора... Ну а если серьёзно, то Фригг и Гуаша одновременно, независимо друг от друга, увидели опасность: крупного масштаба, но непонятную по сути... Нечего и говорить, что такая опасность может исходить только от Новых...

- А давно вы с ними враждуете? - Данила ещё не очень хорошо понимал тему разговора, но поддерживал его — больше из вежливости.

- Уже векам потеряли счёт.

- А что не поделили?

- То, что обычно не могут поделить меж собой разные боги: влияние на человеческие души и умы. Видишь ли, Даня-джан, Новые хотят безраздельного господства над ними, а мы им мешаем. Недавно мы ходили на переговоры с ними, но толку не добились... Они большие любители нарушать условия да перетолковывать все договорённости на свой лад, так что ты же у них вечно выйдешь виноватым, как ни старайся... Пока не точно известно, что они замышляют против нас, но готовыми нужно быть ко всему.

- Подождите, Новые — это, что ли, те, с которыми я случайно поскандалил на «Курской»? — уточнил Данила. — Такая компания: толстяк с бультерьером, старик, а ещё баба такая дородная и шумная, девчонки какие-то...

- Я смотрю, ты уже успел с ними познакомиться? — удивился Тенгри, ещё не слышавший об этом случае. - Позволь узнать: они тебе что-нибудь обещали?

- Скорее, просто прицепились. Конечно, я на них наехал — но это уже они спровоцировали... - И Данила рассказал Тенгри и Нуме то, что уже рассказывал Сослану и Юмале о странной встрече во дворе на Земляном валу.

- Ты «наехал», как ты выражаешься, на самого Консюма? – удивился Тенгри.
- Да не то, что бы... Там вообще какая-то лажа полная получилась. Я в тот двор вообще случайно зашёл, а им с какого-то перепугу показалось, что я их подслушивал! А этот жиртрест догадался, что я связан с вами. Хотя в тот день я ещё бы не очень связан... В общем, я ему даже ничего не разболтал, он сам почувал, что я с вами общался!
- Это ты верно сказал: почувал. У Консюма есть чутьё. Он не похож на то, как мы привыкли представлять себе мудрецов – но он на самом деле умён и часто прозорлив. Да вот только грош цена этому уму, если к нему не прилагается нравственность!
- А что он мне теперь сделает?
- Обычно Новые не прощают тем, кто проявил к ним неуважение.
- Ну что я за невезучий человек! Не успел выйти из зоны и зажить нормальной жизнью, как – бац! – уже поссорился с какой-то могущественной силой в Москве!
- Но с другой могущественной силой в Москве ты подружился, не забывай! Вообще, поразительное совпадение: мы собирались рассказать тебе о своём противостоянии с Новыми, а оказывается, ты с ними уже сам схлестнулся!
- А что тут удивительного? Разве мог бы я подружиться с людьми, которые первыми наезжают, когда ты всего лишь оказался с ними в одном дворе и хочешь спокойно пройти мимо?
- В мире много людей, которые, напротив, ищут дружбы с ними.
- А почему они удивились, что я их вообще увидел? Они же выглядели как обычные люди. Вы с Нумой такому не удивляетесь, вас видит кто угодно, даже уличные хулиганы.
- Скорее всего, тут дело в том, что мы с Новыми привыкли к разному. Мы тысячелетиями говорили с людьми напрямую, а для этого всегда являлись им в человеческом облике. Так проще и для нас, и для них. Конечно, мы можем представать и в виде стихийной силы: грозы, бурана, - или в облике животных, а можем и в своём космическом облике, в котором летаем по мирам, - но если мы будем в таком виде, люди могут лишиться рассудка от страха. Да и угощения принимать в человеческом облике проще.
- А эти, Новые, столетиями и тысячелетиями привыкли пребывать в облике стихийных сил. Только послушай, как их зовут: Общественное мнение, Реклама, Техника – это даже не имена, а сплошь отвлечённые понятия. Даже «Консюм» - не имя собственное, а сокращение от одного термина, означающего товарно-денежные отношения. Они веками и тысячелетиями оспаривали у нас право владеть человеческими душами и умами, порой и крепко владели ими, - но никто не создавал их изображений. Вообще, изображать отвлечённые понятия в виде человеческих фигур люди додумались много что в семнадцатом веке. (А рисовать экономический кризис в виде зубастой собаки – только в двадцатом веке, на карикатурах). Новые ещё сами толком не привыкли к своему человеческому (ну, или собачьему) облику, им привычнее быть вездесущей стихийной силой.
- Ага, на некоторых фирмах бывают такие начальники: всем заправляют железной рукой, но на люди из своего кабинета показываются редко, так что их никто не воспринимает как живого человека – а только как какое-нибудь абстрактное божество!
- Твоё сравнение в чём-то верно, тем более что Новые любят эдакий корпоративный стиль поведения.
- А поскольку никто не представлял Новых в виде существ – никто не воздвигал в их честь храмов, не слагал гимнов...
- Ух, небось, Новые вам завидуют чёрной завистью, что у вас есть храмы и ритуалы, а у них нет!

- Как раз этому они не завидуют. Они считают ритуалы нелепым старьём. К тому же, они и без всяких храмов и ритуалов властвуют над людьми и получают от них много подношений. А в последние века участились случаи, когда один и тот же человек умудряется поклоняться и им, и нам: на большие праздники идёт в святилище, слушает там песнопения, подвешивает ленточку на священном столбе, - а в обычные будни без устали приносит жертвы Общественному мнению, Консюму и дяде Технократу: жертвует им своё время, энергию, мозг, личные интересы и кровно заработанные средства. Одно – на праздники, другое – каждый день, считая воскресенья, потому что в выходные человек, как правило, идёт в ТЦ или смотрит телевизор – то есть, ублажает Рекламу или Дедушку. А тётушку Омниа он почитает даже и круглосуточно, потому что всегда озабочен: «А что обо мне подумают?»

- И вы караете тех людей, которые почитают всех подряд? Которые «и вашим, и нашим»?

- Наказывать тех, кто заблудился – крайне бесполезное занятие. Особенно, если учесть, что они сами себя наказывают, отрезая свою жизнь от трансцендентного, то есть, от космического, надбытового измерения. Наказывают и калечат.

- Это очень грустная картина. Но ведь людям надо как-то сводить концы с концами в современном мире! А мир понятно, какой: чтобы хотя бы удержаться на плаву и не загреть на дно, надо без устали крутиться как белка в колесе! Тут уж не всегда хватит сил доползти до храма и подумать о возвышенном – с устатку как раз начнёшь тупить в телевизор, а потом привыкнешь и будешь всю жизнь считать, что это и есть самое интересное! – Заметив, что на лицо Тенгри набежала туча. Данила спохватился. – Блин, что же это получается! Я сейчас договорился до того, что почитание ста... то есть, норма... то есть, традиционных богов – это роскошь, доступная только тем, у кого есть время, какой-никакой достаток и мозги не заняты вопросами выживания? То есть, тупо для тех, кто побогаче да пообразованнее? А для простых работяг сойдут и Консюм с тётушкой Омниа?

Данила приготовился, что сейчас могучий степной бог испепелит его. Но Тенгри посмотрел на собеседника из-под своих чёрных бровей с какой-то особой ласковостью (как мать на захворавшее дитя) и ровным тоном проговорил:

- Даня-джан, сейчас ты попал в очень распространённую ловушку! К такому же выводу приходили многие современные люди до тебя: мол, зачем какие-то высокие материи, взаимоотношения с богами, если главное – добыть кусок хлеба, построить карьеру, накопить денег... или там доказать соседям, что ты круче них... Они не задаются вопросом, как их далёкие предки успевали и тяжело трудиться, и вести хозяйство (представляешь, что значит перегонять несколько сотен овец в степи? Или жать пшеницу вручную?) – и при том часто и плодотворно общаться с богами! А ведь такое было и длилось века – значит, и для, как ты выражаешься, «простых работяг» подняться мыслью за пределы быта – вовсе не роскошь. Связь с богами – это в принципе не роскошь, а основополагающая вещь. Это то, что и делает человека человеком.

- Меня больше забавляет, что такая мысль пришла в голову именно тебе. Ты постоянно утверждаешь, что ты простой неучёный парень – и сам постоянно общаешься с богами! – усмехнулся Нума.

Данила в ответ лишь смущённо улыбнулся.

- Они называют себя Новыми, но на самом деле стары как само человечество... Кроме разве что Дедушки и дяди Технократа... Ты ведь уже видел дядю Технократа?

- Мне такого не представляли.

- Ты его ещё непременно увидишь. А если бы пользовался каким-нибудь айфоном или чаще сидел за компьютером, то увидел бы уже сразу.

- Получается, это в какой-то мере хорошо, что я – эдакий пещерный медведь, гаджетами не пользуюсь?

- Во всяком случае, для Новых это затрудняет возможность влиять на тебя. Нам повезло, что мы наняли именно такого человека! Гуаша редко ошибается!

Данила заметил, что говоря о Новых Богах, Нума не употреблял слова «боги» и называл их просто «Новые». Видимо, он отказывал Консюму и его компании в каком-либо сходстве со своими друзьями.

- А ведь я когда-то, когда ещё жил не здесь, - вздохнул вдруг Нума, - предупреждал людей, чтоб не трогали эту... ну, как её... жидкость чёрную, маслянистую, на ней ещё машины ездят...

- Нефть?

- Во-во: нефть! На самом деле это слюна бога Нга, и кто соприкоснётся с ней, тому не миновать беды. Я предупреждал... Но они не послушались... И теперь взгляните только, что творится в мире!

- А сам Нга?

- Продался Новым. Я не сомневался, что рано или поздно он так и поступит.

- Нума, а кто такой Нга? – поинтересовался Данила.

- Ну как – кто? Ах, ты же не знаешь... Тоже был демиург, как мы... Вместе со мной мир творил. Только всё у него выходило наперекосяк: берётся творить землю – получаются болота да кручи, берётся творить людей – а они хворают да умирают. Потом он попросил себе земли во владение, сколько займёт кончик его посоха – а посох пробил семь слоёв вечной мерзлоты! Там он и поселился, внизу, да ещё и солнце с луной у меня выклянчил, чтоб у него одного был свет, а на всей земле потёмки! Пришлось их обратно требовать, только он добром не согласился, хитрость понадобилась! Когда он летом вытряхивает свою шубу, из неё летит всякий сор и превращается в комаров да слепней. Словом, тот ещё тип!

Хотя Нума, рассказывая о своём бывшем соратнике, а теперь конкуренте, стремился сохранить шуточный тон, глаза у него были грустные. Собравшиеся за столом немного помолчали.

За разговорами Данила не сразу заметил, что Юмала куда-то делся из компании. Но вскоре, возвращаясь из туалета, юноша обнаружил своего гостя в углу комнаты, где шёл затянувшийся ремонт: лицо заплакано, у ног банка солений, пальцы руки обвилась вокруг горлышка бутылки с прозрачной жидкостью.

- Юмала! – ахнул Данила. – Что такое? Какие засранцы тебе навалили?

- Никто... Я из-за жизни... Я скоро кончусь...

- В чём дело?

- Меня так мало почитают!

- А по-моему, как раз наоборот. Такую церковь построили! Ты же сам говорил, что зодчие были гении! И столько народу в ней свечи ставит!

- Свечи, свечи... Не этого жаждет душа моя! А пиров, гуляний – как в старые добрые времена!

- Так съезди в деревню; там кое-где престольные праздники ещё отмечают.

- Не поможет: в мою честь и храмов-то не возводят!

- А как же эта церковь, где икона стоит?

- А я туда случайно попал. Хорошо, что никто не помнит, кто я на самом деле, а то бы и оттуда выгнали! – Ещё всхлип, ещё глоток водки и смачный хруст чеснока.

- За что же тебя выгонять? Чем ты прощтрафился?

- Я не проштрафился. Тут дело серьёзное. Я, как раньше говорили, чужеродный элемент!

- В каком смысле?

- А почитай-ка жития моих, так сказать, коллег! Все степенные, уважаемые и сложили голову во имя христианской веры! А у меня и жития никакого нет! На берёзовом пне, понимаешь, ёлочки не вырастет... Не таращи глаза... Я был тут задолго до того, как на этой земле построили первую церковь. Мой народ назывался «рахва», а твои далёкие предки звали его «чухонцами». Этот народ и назвал меня Юмала. Это было ещё тогда, когда на месте того здания с колоннами, которое видно из церкви, рос дремучий бор. У меня было два помощника – Эло и Сурм, один ходил со мной по селениям живых, а другой – по ельникам мёртвых. Мой народ приносил мне в жертву козлят и брагу, а я берёг его от вражеских копий... За рекой были селения вятичей, и я водил дружбу с богами, которых почитали они. С Перуном мы хорошо ладили... Потому у моего народа непогода никогда не губила посевы и избы не загорались от молнии. Но вот как бывает: смотришь на небо, так пень сани перевернёт... От морового поветрия я мой народ защитить не смог!

- У них эпидемия случилась? - участливо спросил Данила. - А какие симптомы были?

- Я забыл...

- А мне казалось, боги не забывают.

- Я нарочно заставил себя забыть. - Он с шумом поднялся и стоя опрокинул в себя ещё одну порцию водки, на этот раз без закуски, и так же шумно сел. - Потому что стыдно. Как говорится, на больное место да ещё нарыв... Единственная оставшаяся в живых женщина из моего народа вышла замуж за христианина из одного селения за рекой — тогда в них уже преобладали христиане. Она была добра и не осерчала на меня за то, что я не уберёг её родню, и по привычке приносила мне подношения... Так я незаметно и стал «святым Юмалием». А дальше уже построили эту церковь, и теперь несведущие люди считают, что это у меня такое древнеримское, а может, греческое имя.

Данила сочувственно помолчал.

- Но если разобраться, мне ещё повезло, - продолжал свою скорбную исповедь Юмала. - Я остался здесь. Меня хоть как-то помнят, в церкви люди ходят, свечи горят... От них свет и тепло... А многие мои товарищи, утратившие, как я, свои народы, обречены скитаться по подмосковным лесам или прозябать в каменных джунглях промышленных районов. Длинные дни без работы, длинные ночи без сна... Я хотя бы имя сохранил, пусть и перековерканное, а у них и имён никто не помнит!

- А как же они живут?

- Скверно живут! Болтаются по пустынным местам. И если человек увидит какое-нибудь странное существо в лесу или на стройке в каком-нибудь месте, куда нормальные люди или звери не полезут, то это могут на самом деле оказаться...

- Те самые забытые боги?

- Да, именно они. Одичавшие и по сути превратившиеся в самую обыкновенную нечисть. Их не почитают, конечно же – но перед ними испытывают суеверный ужас: этим-то они и пробавляются. Поэтому те мои родичи не умирают.

- Так сколько же в Москве вообще богов? – изумился Даня.

- Гораздо больше, чем ты думаешь. Ты и не подозреваешь, где можешь наткнуться на какое-нибудь божество, и кто им может оказаться...

- Так что, и тётя Зоя может на самом деле быть какой-нибудь богиней?

- Хозяйка твоя? Она-то вряд ли. У неё этой... транс-цен-дентности не хватает!

В дверном проёме внезапно возникли смоляные кудри Сослана:

- Даня-джан! Юмала-джан! Мы вас уже потеряли. А вы, оказывается, вот где! Хватит в прятки играть среди стройматериалов! Нума и Тенгри вас ждут!

Юмала грузно поднялся; Данила помог ему удержать равновесие. Он вывел печального бога в кухню и усадил на диван, затем метнулся снова в комнату за опустошённой бутылкой и ополовиненной банкой. Первую он закинул под кровать в своей комнате, чтоб потом незаметно вынести, а вторую пристроил под столом, где теснились другие такие же банки с соленьями.

Вскоре Данила вышел покурить на заставленный пакетами балкон, но прибежал обратно, не успев зажечь сигарету:

- Хозяйка возвращается! – сообщил он. – Я видел, как она во двор вошла. А я ей обещал, что гостей приводить не буду.

- Да и нам не хотелось бы попадаться на глаза посторонним, – забеспокоился Тенгри. – Уходить надо.

- А вы успеете, пока она на третий этаж по лестнице поднимается?

- Да чего тут успевать!

- Блин, вы же с ней на площадке столкнётесь!

- У нас есть и другие пути. Не забывай, с кем имеешь дело! – ответил Нума.

Тенгри добавил:

- Кстати, я хочу отблагодарить хозяйку за предоставленный нам кров. Даже если она и не узнает, что мы были здесь... - Он быстро прошагал по коридору и встал на пороге ремонтируемой комнаты – этого хаоса обоевых рулонов, кусков штукатурки и мешков с цементом. – Люди прежде всего ждут от богов чудес. Так вот ей небольшое чудо. – Он махнул рукой в широком узорчатом рукаве – и испещрённые царапинами и выбоинами стены, которые Данила так и не сумел привести в приличный вид, тотчас выровнялись, а зашарканный пол покрылся гладким слоем прозрачного лака.

- Обои сами поклеите. Если чудо будет слишком большим, это внушит подозрения.

- А это от меня, – Сослан выставил на столик в прихожей невесть откуда взявшуюся бутылку хорошего абхазского вина.

Боги и герой ещё раз поблагодарили Данилу, велели не опаздывать завтра – и растаяли в воздухе.

В следующий миг щёлкнул замок входной двери. Тошик выбрался из-под дивана в маленькой комнате и помчался в прихожую встречать хозяйку.

Тётя Зоя быстро заметила неубранную посуду на кухне и принялась ругаться:

- Данилка-мудилка! У нас с тобой какой уговор был? Чтоб никаких гостей! А ты? Ну, смотрит у меня! Если окажется, что в доме что-то пропало – ты у меня отсюда вмиг пинком под зад!

Однако вид комнаты с отштукатуренными стенами и отциклёванным полом заставил хозяйку сменить гнев на милость. А вино, оставленное Сосланом, и вовсе привело её в восторг. Небольшой конфуз произошёл, когда они решили откупорить бутылку: тётя Зоя, привыкшая открывать только водочные бутылки, не знала, что здесь нужен штопор, и не держала его в квартире. Данила кое-как откупорил подарок кавказского героя с помощью шурупа и отвёртки, и хозяйка с жильцом скрепили ароматным напитком перемирие, а потом отправились во двор выгуливать Тошика. Тётя Зоя рассказывала о своём походе в поликлинику, живо представляя в лицах то скандальную пациентку из очереди, то глупую девушку-регистраторшу. Общение с этими людьми, видимо, так впечатлило её, что она забыла поинтересоваться, кто же были те таинственные гости, которые помогли Даниле с ремонтом.

У Фригг на Воробьёвых горах

Когда друзья перестали месить грязь вдоль ограды и вошли через узкую калитку на территорию Университета, Даниле показалось, что он попал в оду или симфонию. В пейзаже, который представился его глазам, господствовали понятия Простор и Размах. Перед взором разворачивались яблоневые сады в кружевах нетронутого снега, еловые аллеи, гладкие снежные поля, искрящиеся синевой – а за ними царствовала надо всем горизонтом громада здания со шпилем и башенками; на фоне безбрежного золотистого неба его кирпичные стены казались розовыми. Где-то в гуще кустов гомонили невидимые воробьи, - но их щебет не нарушал торжественности.

Здание со шпилем всегда показывали в новостях, когда упоминали там университет, - и Данила подумал, что они пойдёт к нему – по этой бесконечной аллее. Но оказалось, они уже были почти на месте: недалеко от ограды возвышалось неброское одиннадцатизэтажное строение из стекла и бетона с очень широким крыльцом.

- Фригг на филологическом факультете, - пояснил Сослан.

В вестибюле здания был КПП. Надутый вахтёр распекал какую-то невезучую аспирантку за просроченный пропуск – и друзья прошли мимо него незамеченными. Данила отметил, что его спутники очень естественно выглядят в этой обстановке: черноглазый юноша мог бы запросто сойти за студента, а широкоскулый старик – за администратора. Парню показалось, что он смотрится в этом здании менее уместным, чем сопровождающие его бог и герой.

Жужжание лифта. Десятый этаж. Коридор, такой длинный и широкий, что хоть устраивай в нём велогонки, а вдоль стен всё двери: то железные, обитые дерматином, то простые, из ДСП. В середине коридора бетонная стена сменяется стеклом, за ним виднеются круглые столики студенческого буфета и его немногочисленные в этот час посетительницы, пришедшие туда вовсе не насытить желудок, а доделать какое-нибудь домашнее задание. В левом углу у стекла аквариум, красные рыбы шевелят плавниками. И ещё левее – открытая железная дверь, возле которой доска объявлений и табличка «Кафедра германского и кельтского языкознания».

На доске объявлений была приколотая бумажка, в которой сообщалось, что в этот день в такой-то аудитории преподаватель одной из соседних кафедр читает доклад о нартовском эпосе. Судя по часам, видимым сквозь стекло в буфете, до начала оставалось ещё десять минут. Сослан отпросился у Тенгри на доклад: «Я же должен знать, что сейчас обо мне думают!» Старый бог одобрительно кивнул: «Иди!» - и юноша быстро зашагал дальше по коридору, а Тенгри и Данила остались на пороге кафедры.

Данила всегда представлял себе, что обстановка на вузовских кафедрах такая же, как в старом кино: тёмно-дубовые книжные полки до потолка и солидные антикварные столы с зелёными лампами. Но сейчас он увидел светлую комнату со скромными икеевскими стеллажами и компьютерным столом в левом углу у двери. Вдоль широкого окна тянулся низкий диван серого цвета, изгибающийся углом, а перед ним широкий низкий стол, на котором громоздились книги и чашки с остатками кофе. На стеллажах между книгами и папками были воткнуты флажки скандинавских стран, а над

компьютерным столом висело небольшое вышитое панно, изображающее стилизованного всадника с двумя серыми собаками и двумя тёмными птицами над головой. Даниле почему-то показалось, что там изображён Сослан – да только у того не было животных.

Судя по приколотому в углу расписанию и вороху пальто на вешалке за дверью, на кафедре должно было преподавать много народу. Но сейчас там сидела только одна худощавая женщина средних лет в неброском бежевом костюме с юбкой прямого покроя. Её волосы были гладко зачёсаны, а черты лица были правильными – и, пожалуй, больше в её внешности ничего запоминающегося не было. «Типичная преподавательница», – подумал Данила.

Тенгри повернулся к компьютерному столу, низко поклонился и спросил: «Всё ли хорошо у тебя, хозяйка?»

Сидевшая за компьютером тотчас развернулась на кресле:

- Тенгри! Рада тебя видеть! А кто это с тобой?

- Юноша, которого мы недавно наняли на работу. - И Тенгри рассказал, как Данила впервые встретился с богами. - Его надо ввести в курс дел. А кто сумеет это лучше тебя?

- Вы удачно зашли. У меня сейчас как раз «окно». Надеюсь, я успею что-нибудь прояснить для нашего... младшего коллеги за полтора часа.

Преподавательница поднялась с кресла и сделал шаг по направлению к юноше:

- Как вас зовут? Данила? Не надо робеть.

- Да я, можно сказать, вообще в первый раз общаюсь с живым университетским преподавателем. Ещё брякну глупость...

- Если бы вы были моим студентом и брякнули эту глупость на экзамене, я бы Вам точно не простила. Но сейчас у нас другая ситуация, и вам нечего бояться. И если Вам хочется задать вопросы, которые, может быть, окажутся глупыми, то лучше вы сделаете это сейчас, чем в решающий момент выяснится, что Вы не знаете каких-то основополагающих вещей.

- Сейчас я понял, что даже не знаю, какие вещи насчёт богов основополагающие, - Данила почувствовал, что всё-таки брякнул глупость, покраснел и поспешил добавить. — Я же с Тенгри, в общем, случайно пересёкся. А оказалось — всерьёз... Я ведь с богами никогда дела не имел, разве что книжки читал... по мифологии... ну, когда мелким был...

Хотя у Данилы не было высшего образования, отказать в начитанности ему было сложно. Ещё когда он был маленьким, мать, уходя из дому, часто оставляла его одного в квартире. (Она не считала нужным отдавать ребёнка в детский сад, а родственниц или подруг, которые убедили бы её в обратном, у неё не нашлось). Впрочем, ей и не приходилось опасаться, что сын ввергнет себя в какие-нибудь неприятности: мальчик рано освоил грамоту и всегда коротал одиночество, читая какую-нибудь книгу из домашней библиотеки. В школе он также не бросил привычки много и бессистемно читать. Преподаватели поначалу восхищались учеником, который посвящает время чтению, а не тусовкам или компьютерным играм (впрочем, у Данилы и не было ни друзей, ни компьютера). Но они быстро перестали восторгаться им: книголюбие не сделало из мальчика паиньку, да и сам его выбор книг приводил учителей в недоумение. Например, в старших классах он мог в течение месяца прочитать энциклопедию по истории искусств, филологическое издание фольклора ханты и манси, романчик с заглавием вроде «Смерть под трактором» и что-нибудь из Ницше или Шопенгауэра – да ещё ради такого сомнительного чтения мог пренебречь знакомством с произведениями русской классики, которые полагались по программе!

- Тогда начнём с основ, - ответила Фригг на фразу Данилы. - Что вообще делает бога богом? – спросила она тоном экзаменатора.

- Ну, по ходу, то, что он могущественный. И что у него артефакты какие-нибудь... то есть, атрибуты: меч там, жезл или молния... Как-то так...

- Ответ гораздо проще: бога делает богом тот факт, что в него верят, поклоняются ему, приносят подношения...

- Ну, вряд ли уж так просто. Если, например, тётя Зоя будет верить в меня: что я самый сильный, самый способный, за комнату ей в срок заплачу и ремонт доделаю – я же от этого не стану богом?

- Случай, что богами становились люди, действительно бывали, но на самом деле их гораздо меньше, чем принято считать.

- Ну ладно... Но вот я сам могу выдумать из головы какое-нибудь существо, которого в природе не бывает. Поклоняться ему буду, дары приносить, призывать в случае опасности. Оно, что ли, тоже через это станет богом? Я же его сам выдумал!

- Это уже более сложный вопрос. Некоторые философы считали, что все боги до единого выдуманы людьми по своему подобию. Что ж, это их мнение. Однако в минувшем и нынешнем веке люди всё чаще начинают поклоняться богам, о которых узнали из книг.

- Ну, это понятно: откуда же ещё знания черпать. Вон я сам в детстве прочёл энциклопедию «Мифы народов мира» от корки до корки: она у матери всегда на полке стояла... Оттуда про вас и узнал...

Тенгри всё это время стоял молча и пристально разглядывал корешки книг на стеллаже, - и всё же его присутствие сильно сказывалось на разговоре: Данила при нём чувствовал себя увереннее, а мысли в его голове — даже о самых сложных материях! — текли легче и ловчее облекались в слова...

- Книгу как источник знания о реальном мире никто не отменял, - отвечала Фригг. - Но я сейчас говорю немного не об этом. Когда я впервые оказалась в университетской среде, то встретила богов, о которых люди узнали из художественной литературы; они так и считаются плодом воображения современных писателей.

- Ну, я чувствую, сейчас мы будем разбирать вопрос о том, что человек вообще в состоянии выдумать из собственной головы, а что нет, – сообразил Данила.

- Приятно иметь дело с собеседником, который предвосхищает твой ход мысли! Впрочем, если речь идёт о богах, ситуация несколько усложняется. Сколько, по-твоему, - Фригг незаметно перешла на «ты» с собеседником, - сколько тысячелетий человечеству? И сколько из этих тысячелетий у него не было письменности или других способов фиксировать важные сведения? Первобытные культуры, которые раскапывают археологи, для нас немы. Мы наверняка можем сказать что-то только о быте этих древних людей, но мы не знаем, как они называли свой народ, какими словами обращались к своим богам... А по данным тех же археологических раскопок, богов они всё же почитали. Но те сгинули вместе с первобытными людьми, не оставив нам ни имён, ни биографий. – Фригг быстро достала из записной книжки нецветную фотографию валуна, густо испещрённого стилизованными зубчатыми рисунками: изображениями кораблей, человечков, светил... - Ты знаешь, что это такое?

- Ну, наскальная живопись.

- Камень из шведской провинции Бохуслен. Есть предположение, что эти рисунки - древнейшие изображения скандинавских богов. Но они гораздо древнее, чем полагают человеческие учёные. В те века, когда были сделаны эти рисунки, моя родня – то есть те, кто известен людям как скандинавские боги, - ещё не взяла под свою опеку народы, живущие в тех краях... Люди, даже академики, вечно попадают в одну и ту же

мыслительную ловушку: стремятся упрощать нюансированные вещи. И когда им попадается изображение какого-нибудь бога, особенно такого, который не имеет эмоционального значения для них самих, они не особенно церемонятся с ним и определяют по чисто внешним атрибутам: если изображение найдено в Скандинавии, а бог на нём с копьём или при двух птицах – значит, это Один, если с молотом или в колеснице – Тор, если с фаллосом и мечом – тогда Фрейр... Они исходят лишь из того, что известно им самим. Но ведь можно и допустить, что первобытный художник забыл нарисовать богу узнаваемые атрибуты? Или изобразил вместо них другие, каких наши учёные не знают, потому что не сохранилось текстов, где они упоминаются? Представь, сколько таких канувших в Лету сюжетов было хотя бы в Европе! А ведь, может быть, это совершенно другой бог, из пантеона какого-нибудь неизвестного современной науке племени, которое только и успело оставить по себе пару рисунков на камне? Ведь многих совершенно разных богов сопровождают вороны, многие мечут молнии...

- Ага. Вон Тенгри и Нума – оба господствуют над небом... Интересно, как они при этом не ссорятся?

- Небо безбрежно и вечно, в нём нечего делить... - отозвался Тенгри.

- Хозяин Неба, как всегда, прав! Но то наши знакомые, а мы сейчас говорим о богах забытых и исчезнувших племён. О тех, кто канул в Лету... Вот здесь и настаёт черёд писателей и поэтов. В те века, когда мой супруг почитался на Севере, а Браги Старый обучал людей искусству стихосложения, хорошим тоном считалось писать о правдивых событиях. А сейчас уже три-четыре века всё наоборот: автор считается искусным, если он выдумал что-нибудь, чего до него никто другой не придумывал. И свободная мысль пиита летает везде: и в далёком прошлом, и в чужих мирах, и даже дерзко проникает в загробное царство. Случается, что она залетает и в серые долины забвения, где спят летаргическим сном покинутые божества, не помнящие своих имён. Порой в таких случаях какое-нибудь из этих божеств случайно оживает – писатель создаёт о нём книгу, у книги появляются читатели, их внимание, их восторг вдыхают силы в когда-то покинутого бога - и он вновь начинает жить и действовать – правда, уже под новым именем. И часто, если мы встречаем в художественном романе особенно глубокий, сильный и запоминающийся образ божества – скорее всего, это кто-то из тех, забытых, которым книга дала вторую жизнь... Их для краткости и зовут «Книжные боги».

- Они, что ли, как бы воскресают?

- Можно сказать и так, - ответила Фригг. - Богам жизненно необходимо, чтоб о них думали, иначе они погибнут.

- А мне всегда казалось: боги гибнут в битвах с титанами и чудовищами... Ну, или с другими богами.

- Соглашусь: так оно всегда изображается в человеческом искусстве. Но все чудовища в конечном итоге оказываются повержены, после Рагнарёка земля поднимается и зеленеет вновь. А боги возвращаются, - Фригг тяжело вздохнула и поспешила вынуть из кармана бумажную салфетку, - ну, почти всегда возвращаются, если для этого не требуется каких-нибудь совсем уж невыполнимых условий... Богам страшна не столько гибель, сколько забвение.

- Но ведь вас помнят. Сколько веков прошло, у людей кучу раз сменялось мировоззрение, нравы там, обычаи, цивилизация... И сколько ведь было религиозных войн, а потом и вообще борьба с религией... Но вот на дворе двадцать первый век, а вы спокойно гуляете по Москве: и ты, и Тенгри, и Нума...

- Да, гонения на богов трудно назвать чем-то положительным. Но как раз в периоды религиозных войн внимание к богам возрастает! Ведь даже убеждённые противники и ненавистники тех или иных божеств много думают об объектах своей

ненависти... и порой даже больше, чем их поклонники! Если, к примеру, взять мою родню и других жителей Асгарда, то о нас люди удосужились составить более менее связные рассказы на пергаменте только после того, как по всему Северу уже который век царило христианство! А что уж говорить о богах из многих других краёв, о которых сколь-нибудь внятная информация зафиксирована разве что в каких-нибудь «Поучениях против язычников»! Но пусть нас даже считали чуждыми и враждебными – это порой лишь подогрело интерес...

- Как там говорится: Что нас не убивает, то делает сильнее...

- Совершенно верно. Беда пришла не от фанатичных адептов других культов... или полного безбожия, - а от тех, кто существует, так сказать, только в горизонтальной плоскости без трансцендентного измерения... Выражаясь проще, от тех, кто отрицает, что важным может быть что-то кроме первичных материальных потребностей: набить брюхо, наполнить кладовую... Естественно, такие люди были во все века: если они и приносили жертвы богам, то только тогда, когда хотели попросить у них успеха в каких-нибудь сугубо будничных предприятиях, а в остальное время вовсе не думали о них. Но с развитием цивилизации будничность у людей стала либо настолько скучной, безопасной и предсказуемой, что просить поддержки богов в ней стало лишним, - либо, напротив, настолько сложной, неисповедимой и опасной, что боги и сами ничего не могли с ней поделаться! Убить бога не просто, но он может захиреть без человеческого внимания... Ты слышал про кетского бога Еся?

- Нет, наверное...

- Я не сомневалась в таком ответе. Сейчас его помнит и почитает разве что паратройка интеллигентов, узнавших о нём из книг... Он тоже правит небом, как и Нума, и Тенгри... Хотя в наши дни слово «править» применимо к нему с трудом. Бедный Есь! Он настолько ослаб, что на прошлогоднее собрание богов его принесли на носилках. Он бы и вовсе угас, если б о нём вовремя не прочитали в книгах... Ах, книги! Скольких божеств они спасли от забвения!

- Но ведь в книжках запросто могут и лажу какую-нибудь написать! Мало ли сейчас всякой левой писанины...

- И тем не менее: даже начав с этой, как ты выражаешься, лажи, читатель потом непременно придёт к правдивым текстам.

- А почему боги тогда не могут просто подсунуть человеку правдивую книгу о себе? Или, например, во сне явиться?

- В те далёкие эпохи, когда, как выразился один датский поэт, «небеса были на земле», мы так и делали... Сейчас люди в своей основной массе не придадут значения снам или случайно подвернувшимся строкам...

- Ну, а заставить их поверить? Боги ведь бывают такие грозные да могущественные! Вот явился бы кто-нибудь человеку во сне и сказал бы: «А ну, верь в меня!» - и для того, чтоб нагляднее представить эту картину, Данила помахал сжатым кулаком.

- Заставлять – это по части людей. Боги могут дать знать о своём существовании, но принудить к почитанию они не могут.

- А я в детстве читал... У некоторых древних народов были совершенно жуткие божества, которым приносили в жертву людей. Что, даже эти тираны никого не могут заставить силой?

- Представь себе, не могут. Просто в те времена кроме этих богов-тиранов те люди не знали никого другого, - да ещё поддерживать эти кровавые культы заставляло само человеческое общество.

- Ну а вот эти, Новые? Они откуда взялись?

- Ваша поэтесса писала: «Москва! Какой огромный странноприимный дом!» В этом городе всегда находилось место для всех. Даже в те эпохи, когда он не был столицей – он всё равно принимал и объединял самых разных людей и существ... Но если в каком-то месте обосновываются *все*, то среди *всех* рано или поздно находятся и те, кто убеждён, что кроме него и ему подобных никого в округе быть не должно... Новые требуют, чтоб настоящими богами считали только их, а нас, остальным – мифами и сказками...

- Я примерно так и подозревал... Ну, а опасны они чем? Чего от них ожидать?

Фригг призадумалась:

- Да в том всё и дело, что от тех, кто жаждет абсолютного господства, ожидать можно чего угодно!

- Мне говорили, ты недавно что-то видела в грядущем? — подал голос Тенгри.

Фригг перевела взгляд с юноши на бога синих небес, затем обратно на Данилу, как бы взвешивая, можно ли откровенничать при новом знакомом, пусть даже и способным на интеллектуальные беседы. Затем всё же ответила на вопрос:

- Да, мне недавно было видение. Я видела в грядущем угрозу от Новых, которая обещает быть сильнее прежнего. Но, видите ли, финал моего видения был таким, что даже я не в силах сказать, следует ли понимать его буквально или как символ. Я видела молодого юношу, идущего по коридору в кромешной темноте, и это было как-то связано с возможностью отвлечь угрозу не только от богов, но и от всего мироздания. Неужели от нас потребуют искупительной жертвы? И кому-нибудь ещё суждено погибнуть? - Её голос дрогнул; она отвернулась от собеседников, делая вид, что собирается посмотреть расписание на стене, а сама быстро достала из кармана уже истрёпанный бумажный платочек...

- Но, может, это и есть символ, - постарался утешить её Тенгри. — Что, мол, мы все на самом деле блуждаем в потёмках...

Тут в коридоре прогремел звонок; захлопали двери аудиторий, загомонили голоса. Полтора часа прошли быстро. Фригг вновь приняла будничное выражение лица и стала собираться на занятия.

- Была рада знакомству, - сказала она на прощание Даниле. — Возможно, я в следующий раз тоже зайду на чай...

Все лифты в коридоре осаждали толпы студентов, которым надо было срочно попасть на первый этаж, к книжным лавкам и продуктовым лоткам.

Молодой человек и старый бог отчаялись ждать и побрели с десятого этажа пешком по бесконечной прокуренной лестнице.

- У Фригг когда-то сын погиб, - объяснил Тенгри. — Она, конечно, старается держаться, но ей тяжело.

На широких мраморных просторах первого этажа было многолюдно, суматошно — и тем не менее, они сразу заметили в углу лестницы, спускающейся вниз, к гардеробу, знакомую статную фигуру.

- Фригг тебе, небось, уже целую лекцию успела прочитать? – обратился к Даниле Сослан. – Ты её впредь слушай внимательно, она всегда всё растолкует и по полочкам разложит!

- Она ещё обещала на чай зайти... - вспомнил Даня.

- Это будет уже скоро, - заверил Тенгри. — В День первого снега.

- А когда это? — не понял Данила.

- Да уже после выходных.

Второе чаепитие у Данилы

День Первого снега оказался обычным вторником на исходе ноября. Снег, с рассветом лёгший на землю, был тоньше тюлевой занавески, эфемернее однослойной салфетки. Но в ветвях толстого ясеня возле подъезда совсем по-зимнему голосили вороны.

Когда тётя Зоя уходила с утра, по телевизору показывали передачу, заинтересовавшую Данилу. И когда на пороге скромной квартирki появились гости, «ящик» всё ещё работал. Лишь когда Нума, Фригг, Юмала, Тенгри и Сослан прошли на кухню, парень спохватился и выключил орущий аппарат и даже выдернул шнур из розетки. Накрыть телевизор тряпицей он забыл, и тёмно-серый квадрат экрана так и продолжал тускло посверкивать, смутно отражая алоэ на холодильнике.

Боги заняли место за столом. Данила вскипятил чайник и выставил на скатерть вазу с пряниками и печеньем.

Завязался разговор.

- Боги! – обратился к гостям Данила. – Я уже давно хочу задать вам один вопрос. Вы же меня, типа, на службу наняли. А в чём состоит моя служба, я до сих пор не врубился. Всё то время, что мы с вами встречаемся, мы только философские беседы ведём да вот - чай гоняем. Вы только не подумайте, что я вас как-то задеть хочу, или что мне не нравится – кому же такая халява не понравится? А всё-таки как-то криво получается: мы же договаривались именно о работе, - а у меня такое чувство, будто я вместо этого дурака валяю.

Данила ожидал, что Тенгри и Фригг обидятся, но они как будто обрадовались, что он задал такой вопрос.

- На любой мало-мальски серьёзной работе, - начал Тенгри, - новых сотрудников не посылают на задания с первой же секунды, а долго и обстоятельно вводят в курс дела. А у нас, как ты несомненно понял, всё крайне серьёзно.

- В ходе нашей беседы на кафедре я увидела, что ты очень сообразительный, - добавила Фригг, - и с ходу улавливаешь нюансы, которые и студенты-отличники не всегда быстро усваивают. Но нюансы – это одно, а для того, чтоб постичь целостную картину, нужно время. Мы и наши противники очень непохожи и боремся за разное. Они считают, что будет лучше и удобнее, если мир лишится корней и основ и будет соответствовать только потребностям сиюминутной выгоды и комфорта. Мы хотим сохранить преемственность, чтоб великая цепь бытия не распалась.

- Это я понял; а моя-то лично служба в чём заключается?

- Я же говорю: пока что тебя вводят в курс дела. А конкретные задания будут поступать по мере необходимости.

- Насколько я понял, эти так называемые «новые боги», с которыми я тогда на «Курской» поругался, хотят вам какую-то подлянку устроить... Наверно, вы меня по этой части куда-нибудь отправите? Скажем, я должен буду выкрасть из сейфа у Новых план действий? Или разведать, где спит Консюм, связать его и приволочь к вам на правёж?

- В фантазии тебе не откажешь, - усмехнулась Фригг. – Но скорее всего, задания будут более простые.

- А чего этот Консюм всё-таки добивается?

- Прежде всего власти. Новые всегда пытались завладеть вниманием людей, всячески воздействовали на них. Улещали, гипнотизировали, стремились к безраздельному влиянию на их сознание. Но потом им показалось, что этого недостаточно, и чтоб люди повернулись к ним окончательно, необходимо дискредитировать всех богов, которых те чтили издавна.

- Но ведь сами Новые явно появились здесь гораздо позже каких-либо богов, - удивился Данила. - Тот же Консюм... Ведь потребля... то есть, если по-научному, культ потребления ведь возник не так давно, даже я помню в своём детстве времена, когда его ещё не было!

- Важно не то, кто пришёл раньше, а кто позже, - возразил старик Тенгри. – Тётушка Омниа, пожалуй, будет даже старше некоторых богов: она родилась одновременно с человеческим обществом, в пещерные века, - вот сам сосчитай, сколько тысячелетий назад это было!

- Ну ладно, - сказал Данила. – А я вот что ещё хотел спросить... Вы, боги – вы все здесь. И северяне, и южане, и с запада которые... Вы постоянно в Москве. А остальная Россия как? Неужели без присмотра? Богооставленная, как сказал бы наш приятель Юмала? А другие страны?

- Без присмотра никто не останется, - заверил Тенгри. – Уважающий себя бог должен быть вездесущ... Спроси-ка у старых монгольских пастухов, сколько тенгри они могли насчитать в разных слоях небес по разные стороны света! Ну, или бог должен иметь помощников, которые рассказывают ему, что творится в мире. А здесь мы живём, потому что эта земля всегда была благодатна для богов. Люди сделали здесь столицу именно потому, что чувствовали: богам здесь уютно.

- Вижу, что не только богам...

- А у Новых, по сути, нет родины. Им важно жить в столице для поддержания статуса. А уж если судить, кто раньше поселился в этом городе – то тогда единственный среди и тех, и других коренной москвич – это Юмала!

Все взгляды устремились на бога, потерявшего свой народ. Он сидел на кушетке, поджав ноги, и медленно пил чай.

- Ну, это не совсем так, - потушился он. – Я не поселился в городе, а был здесь за много-много веков до его постройки. Тогда здесь были только рощи и боры, а среди них – деревни моего народа, их соседей и врагов. Реки, деревья... Я многое из этого помню как сейчас...

Данила насторожился: кажется, сейчас Юмала начнёт плакаться, что не уберёт своих подопечных, расстроится, попросит хмельного, - и тогда весь день уйдёт на то, чтоб его утешать, а ведь им надо обсудить много... И он быстро повернулся к нему:

- Юмала! А вопросик можно?

- Конечно! Спросить – не украсть.

- А то, что было в каком-то месте много веков назад, может иметь значение для сегодняшнего дня?

Юмала выпрямился:

- Может! Например, я знаю один переулочек недалеко от центра; движения в нём почти нет, а дорога ровная, и тем не менее, там очень часто происходят автомобильные аварии. Люди придумывали этому разные объяснения, более или менее остроумные, вплоть до того, что приписывали это влиянию инопланетян. А я помню, что как раз там, где сейчас въезд в этот переулок, до основания города стояло селение одного племени, с которым как раз враждовал мой народ, - и её жители поклонялись тёмным духам и приносили им в жертву пленников. Представьте себе, что же это были за духи, если через столько веков импульс, посланный ими, всё ещё остался! Я туда, помнится, один даже и не ходил, только в сопровождении помощника, - помните, я рассказывал, того, что ходит по ельникам мёртвых, по имени Сурм: у него хорошо получалось договариваться с этой публикой... Или есть, тоже в центре, одно здание, которое обладает странным свойством: о чём бы собравшиеся в нём люди ни договорились, всё выходит вверх тормашками. А на этом месте в моей юности было капище соседнего племени, священная сосна, вокруг которой водили хороводы, но однажды она без видимых причин рухнула - и корнями вверх! И тоже что-то такое осталось на тысячи лет...

- А где этот дом? - полюбопытствовал Сослан.

- Не скажу. Упавшее незачем ронять. Зачем попусту создавать предубеждения? Но если Новые вдруг назначат вам в нём встречу, предупрежу немедленно!.. Что ещё? На месте церкви, где я нашёл приют, и где мы с Данилой впервые встретились, была такая оптимистичная весёлая поляна в березняке... А уж всякие речки, ручьи и болота! Сейчас они большей частью упрятаны в трубу и загажены, - а я их видел, когда они ещё были юны и прозрачны! Я все их знал! Я водяных духов всех помнил по именам, они ко мне порой забегали выпить кружку браги...

«Этого бы Юмалу показать историкам да краеведам! - подумал Данила. - Была бы двойная польза: они нашли бы ответ на загадки, связанные с историей Москвы, а он почувствовал бы, что нужен людям, и перестал депрессировать! Но надо, чтоб он сам к ним пошёл. А то мне про встречи с богами никому рассказывать нельзя, я слово давал. Да и знакомых историков у меня нет!»

- Юмала! - не утерпел Данила, - тебе бы это записать всё! Чтоб не пропало... Ты ведь помнишь такие далёкие времена, которых никто не помнит.

- Мне? Писать воспоминания?

- А что такого? Вон, вы, боги, какими только делами не занимаетесь, от боёвки до искусств всяких, - так почему бы богу мемуары не написать?

- Да о чём мне писать! В молодости жил - как сырой лес жёг... Столько всего с тех пор потеряно...

Данила корил себя: он сам затеял этот разговор с Юмалой, чтоб отвести его от мыслей о невозвратных потерях и угрызений совести, - и он сам же и привёл его к ним вновь! Парень потупил глаза в свою чашку, словно прикидывал, можно ли спрятаться на её дне от стыда.

Но он недолго сидел так. Его вниманием завладела Фригг. То ли она намеревалась отвлечь его от тяжёлых мыслей (совсем как он сам - Юмалу только что), то ли захотела продолжить беседу, начатую на кафедре на прошлой неделе, - во всяком случае, она обратилась к нему:

- Данила, мне хотелось бы выслушать твоё мнение по существенному вопросу: что такого может человек, чего не может бог?

- Ну... Не знаю, - замялся Данила. - Наверно, верить.

- Вера без дел мертва... - эхом откликнулся Юмала, начавший клевать носом, припомнив фразу, услышанную в церкви.

- По-моему, Юмалу нужно уложить спать, - захлопотал Сослан.

- А ведь он прав: верить – это, в строгом смысле, не действие, - резюмировала Фригг.

Тенгри поднял палец вверх:

- О, знаю: бог всегда верен себе. Века, тысячелетия – а он всё такой же. И если он попробует изменить свою природу, то погибнет. Разве только эти изменения постепенны, незаметны и длятся много веков: был, скажем, бог поэтов, а с течением времени под его покровительство попали барды и рок-музыканты. Или, скажем, был бог - покровитель наук – но только в древности он имел дело с астрологией, мифологией да философией – а сейчас с квантовой физикой да кибернетикой, понятие «наука» ведь изменилось! Но если б такому богу сказали: «С завтрашнего дня ты вместо древней философии занимаешься кибернетикой», - он бы этого не выдержал. А человек – тот, напротив, умеет меняться сильно, меняться быстро...

Тётя Зоя вошла в квартиру в самый разгар беседы, и боги не успели исчезнуть. И глазам старушки предстали:

Атлетически сложенный дагестанский юноша, безбородый, в джинсах и майке; среднеазиатский старик в войлочном колпаке и синем халате; смугловатый черноглазый мужчина средних лет в расшитой бисером малице и светловолосая женщина с неброской внешностью, одетая в скромный пиджак и строгую юбку. Юмалу тётя Зоя не увидела: он спал за спинами сидящих.

- Даня, кто это? – ахнула тётя Зоя.

- Я с ними работаю! – ответил парень как можно более уверенным тоном.

- Данька, паразит! Ну мы же договаривались! – бранилась тётя Зоя.

- Ну, сорри... Я их, типа, попросил ремонт делать помочь... Одному-то не с руки... - растерялся Данила.

Тут слово взяла Фригг:

- Зоя Михайловна, просим Вас! Пожалуйста, не наказывайте своего квартиранта. Мы с ним действительно работаем вместе. Он действительно попросил нас в свободное время немного помочь ему с выравниванием стен... на безвозмездной основе. Впрочем, в благодарность за помощь он напоил нас чаем. Мои коллеги готовы подтвердить: только чаем, более крепких напитков не было.

Чёткий преподавательский голос Фригг изгнал из сознания тёти Зои все сомнения в порядочности Даниных гостей.

Когда за богами закрылась входная дверь, тётя Зоя подытожила:

- Ну вот, привёл Господь увидеть товарищей твоих... Если, конечно, они правду сказали... Вижу, мужики эти хотя с лица нездешние, а явно не простые работяги: вид такой сановный! Вот, например, этот... северной такой национальности... Он кто вообще?

- Ну, он демиург.

- Мало ли, что демиург, я спрашиваю, работает он где?

- А у него, тётя Зоя, руководящая должность.

- Из профсоюза, что ли?

- Вроде того, - ответил Данила, а про себя подумал: «У богов ведь нет профсоюзов».

- А женщина с вами была... Она, что ли, тоже из профсоюза? Где только такие невзрачные рождаются?

- Тётя Зоя, полегче! Она, между прочим, знаешь, кто? Она в университете преподаёт!

- А хороший хоть университет? А то сейчас, знаешь, бывают такие университеты, что переделаны из ПТУ.

- Этот нормальный. Который на Воробьёвых горах.

Тётя Зоя сделала паузу и вздохнула:

- Эх, изругать бы тебя как следует за нарушение нашего уговора, за гостей и чаепития без спросу — а вот не могу... Так уж и быть, прощаю тебе, Данилка! Что греха таить, мне и самой тебя выгонять не хочется: я с тобой подружиться успела, ты мне как родной!

Тошик подошёл к ногам хозяйки и покачал хвостом.

Нга

Жители окраинных районов Москвы обычно ездят в центр только по очень важным причинам: или по работе, или на культурные мероприятия, или для визитов в учреждения, которых нет на окраинах. Как раз по этой третьей причине там и оказался Данила в один малоснежный ветреный декабрьский день через неделю после чаепития с богами. Он слишком долго тянул с этой поездкой, всё откладывая её на потом — но больше тянуть было нельзя... Ему совершенно не хотелось тащиться с утра в переполненном вагоне метро, - но при оформлении документов у него затребовали одну справку, которую нужно было добывать именно там. Нужное учреждение Данила, после некоторых поисков, нашёл на широкой улице без деревьев и газонов, по обеим сторонам которой тянулись сплошные дома строгой архитектуры, облицованные серым камнем.

Как это обычно бывает в подобных местах, на незамысловатое по сути дело ушло очень много времени. В помещении был высокий потолок в пыльном плафоне, дававшим слишком тусклый для такой большой комнаты свет, тёмные деревянные панели, и в одной панели окошко с широким подоконником из такого же полированного тёмного дерева, а сбоку прилеплен лист с крупной, но бледно-полосатой надписью, очевидно, отпечатанной на принтере, в котором заканчивались чернила: «Здесь не справочное бюро и не бюро пропусков!»

Закончив свои дела, Данила быстро вышел от этих сумрачных стен на свет и холод. Он рассудил, что ему будет удобнее не возвращаться к той станции метро, на которую он приезжал, а пойти к соседней, которая была ближе и сулила более удобную дорогу до дома, всего с одной пересадкой.

Когда он свернул на улицу, ведущую к нужной станции, оказалось, что там по всему тротуару тянется забор из рифлёных железных щитов, завешанных плакатами с изображением безликих современных фасадов, какими-то цифрами и данными. За забором возвышались краны, грохотала строительная техника. Крытого коридора для пешеходов, какие обычно бывают возле таких строек, почему-то нигде не оказалось. Данила решил обойти стройплощадку дворами – но дворы в этом районе оказались не сквозными. Он упёрся в решетчатый забор среди кустов. Два прута в этом заборе были отогнуты, так что получалось отверстие, в которое свободно мог пройти взрослый человек. Данила шагнул в него и попал на задворки офисного здания, выходящего фасадом в соседний переулок. У крыльца возвышалась небольшая бетонная стела с изображением чёрного человечка и тремя чёрными же буквами: «Н Г А». Данила вспомнил, что недавно где-то слышал такое звуко сочетание, и оно было связано с чем-то неприятным.

Несмотря на то, что рабочий день был в самом разгаре, здание выглядело по-странному пустынным. Лишь один человек у крыльца отпирал ключом дверцу чёрного

«Лексуса». Костюм, осанка, взгляд – всё выдавало в нём крупного бизнесмена или даже олигарха. Перед тем, как сесть в машину, бизнесмен оглянулся – и его взгляд встретился со взглядом Данилы. Глаза у бизнесмена были тёмные, лицо смугловатое.

- Я вижу, тебя заинтересовал наш логотип, - бизнесмен обратился к Даниле, не поздоровавшись. - «НГА» означает «Нефте-Газовый Альянс».

- Ну, логотип как логотип... - Даниле не хотелось вступать в разговоры.

- Я видел, что ты вышел оттуда, - бизнесмен указал в сторону забора. – Но как ты туда попал, если там прохода нет?

- Я вообще не при делах, я в учреждение тут ходил, за справкой, - ответил Данила, слегка обескураженный такой фамильярностью. – А тыкать не обязательно, мы на брудершафт не пили.

Собеседник немного помолчал, измеряя Данилу ледяным взглядом. Во время паузы парень услышал, как заунывно дудит большой комар, выющийся над головой бизнесмена, - хотя для комаров был не сезон...

- То-то, «за справкой»! Зачастили к нам в последние годы эти экоактивисты – спасу нет! И скандалят, и митингуют. Им, видите ли, не нравится, что при добыче нефти мы бурим скважины в зоне вечной мерзлоты. От этого, видите ли, ущерб окружающей среде. А если разобраться – чего в ней хорошего, в этой мерзлоте? Её и так целых семь слоёв, только и знаешь, что в потёмках на углы наткаться... - проворчал он себе под нос и тут же обратился к Даниле, быстро сменив тон. – Слушай, а ты работу не ищешь? Устраивайся к нам! У нас в последнее время не хватает сотрудников: просто дичайшая текучка кадров. Приходи к нам! Оклад солидный, бонусов много...

- Спасибо, у меня есть работа, - ответил Данила и поспешил как можно скорее свернуть за угол.

Консюм. Разговор в ресторане

Данила, высоко подняв воротник куртки, быстро и нервно шагал по бездревесной улице мимо каменных домов, тянущихся сплошной стеной. После нелепого разговора с «нефтяником» на душе было почему-то противно, и парень спешил уйти подальше от того места. Сейчас он перейдёт улицу на светофоре, а там нырнёт в метро — и авось-либо за дорогу до гостеприимной окраины города, где стоит дом тёти Зои, скверное настроение развеется. Даже вожделенный документ, дремавший в прозрачной папке в широком внутреннем кармане куртки, не доставлял радости — неожиданная встреча с бизнесменом, настырно предлагавшим работу, превратила полезную поездку в центр во то-то дикое и вздорное. Почему уже второй раз со времени его возвращения в родной город его пытаются нанять какие-то неприятные личности? Данила вспоминал аббревиатуру «НГА». Где же он мог слышать такое звуко сочетание?

Когда юноша дошёл до пешеходного перехода и уже сделал шаг с тротуара, как из бокового переулка, скрытого от глаз за серым домом-утёсом, на полном ходу вылетел толстобокий серебристый джип с высокой посадкой и лихо завернул к переходу, даром, что для машин везде горел красный свет. Данила едва увернулся: многотонная стальная машина пронеслась в паре сантиметров от него.

- Чайник, блин! Глаз, что ли, нет? — выкрикнул парень. Он прибавил ещё несколько обидных ругательств и даже сделал несколько быстрых шагов вслед удаляющемуся джипу, грозя кулаком. В более спокойном расположении духа он ограничился бы только ругательствами, но сейчас в его душе клокотало раздражение и злость, адресованная тому «нефтянику», но не растроченная вовремя — а тут так удачно подвернулась возможность выплеснуть её на водителя-лихача.

Тот, очевидно, заметил бегущего Данилу в зеркале заднего вида. Джип, в обход всех правил дорожного движения, дал задний ход по той же полосе и подкатил к Даниле, который, раздумав переходить улицу, стоял на тротуаре, по-прежнему потрясая кулаком.

Из машины показался холёный толстяк средних лет, с волевым, гладко выбритым, лицом. Он был мрачен и явно собирался ругаться — но, взглянув Даниле в лицо, перестал хмуриться и расплылся в улыбке:

- О-о! Какие люди без охраны!

Лицо и голос толстяка казались Даниле знакомыми. Но сегодняшние переживания (общение с сотрудниками мрачноватого учреждения, противный разговор на крыльце Нефте-Газового Альянса, а теперь ещё и вот это: что он чуть не погиб под колёсами, переходя улицу на зелёный свет в положенном месте) — не давали парню ясно мыслить.

Он вспомнил лишь, что толстяк однажды в его жизни фигурировал в каком-то неприятном эпизоде, связанном с деньгами... Неужели это Дрюха, один из его друзей, втравивших его в авантюру, из-за которой ему пришлось отправиться в «места не столь отдалённые» на несколько лет? Дрюха как раз любил мощные внедорожники и телосложением обладал отнюдь не субтильным.

- Садись в машину, - позвал Даню толстяк. - Перетрём с тобой по-человечески!

«Да уж, «перетереть» надо бы непременно! — думал Данила, устраиваясь на переднем сидении и пристёгиваясь. — А вообще, всё ясно как день: они передо мной хотя бы извиниться должны! Тут «тереть» нечего, эта прописная истина уже до дыр затёрта: друзей бросать нельзя! Видимо, его всё-таки совесть заела: узнал, остановился. А мог бы и мимо проехать...»

Джип стремительно нёсся по глянцевым, каменным и бетонным улицам в центре Москвы, мимо бульваров, памятников, витых оград, огромных экранов с яркой рекламой, ларьков, разноцветных прохожих, собак и голубиных стай. Толстяк рулил небрежно и нарушал правила — и тем не менее, умудрился ни разу ни с кем не столкнуться и не попасться гаишникам.

- А куда мы едем? — задал вопрос Данила.

- Да в ресторан один... Тут недалеко... Перекусим чего-нибудь... Там всегда все наши собираются. Вот и поговорим наконец как мужчина с женщиной. А то мне показалось, что в прошлый раз ты нас не так понял.

Развязный тон водителя всё больше укреплял Даню в убеждении, что перед ним именно Дрюха, хотя и изменившийся за годы. Только он мог с такой непринуждённостью говорить о жизненно принципиальных вопросах. И со дна души парня поднялась застарелая обида:

- А что там, собственно, можно было понять не так? — желчно спросил он. — Вы меня клятвенно заверили, что вытащите, а сами бросили. И столько лет от вас ни слуху, ни духу.

На лице толстяка отразилось искреннее недоумение:

- Мы? Тебя бросили? Всё было диаметрально с точностью до наоборот: мы тебе предлагали самые соблазнительные перспективы, а ты сам нас послал... Хотя перед таким предложением ни один кастомер не устоял бы...

Нет, Дрюха так не выражался даже в период самого безоглядного увлечения рискованными бизнес-проектами! Что-то здесь не то...

- Когда я вас посылал? — спросил Данила, маскируя собственное недоумение саркастическим тоном.

- Ты действительно забыл? Месяц назад же! На Земляном валу! Кто тогда мне и моим коллегам сказал «Отвали», а? И не надо притворяться, что опять не узнаёшь Консюма!

Консюм! Теперь та встреча на «Курской» вживую встала у Данилы в голове.

Деваться было некуда: они мчались посреди многополосной магистрали в плотном потоке машин...

- Ты, наверно, думаешь, я тебя на разборки везу? А может, сразу в камеру пыток? — От Консюма (которого Нума совершенно справедливо назвал пронизательным) не укрылось выражение лица Данилы. - А вот не угадал! Не знаю, как там у «Мифов народов мира», а в нашей корпорации крайние меры применяются только тогда, когда никакие другие уже не действуют. И сейчас я действительно еду с тобой разговаривать. Ведь тогда, на Земляном валу, ты, по сути, ещё сам не знал, от чего отказываешься. Ну, и, не спорю, Пропаганда своей истеричностью сильно испортила впечатление. Но она у нас одна такая! — Он зарулил в узкий переулок, где высокие дома, как скалы над ущельем,

почти закрывали небо. — Хотя, может, ты уже сам кое-что смекнул; неспроста же я тебя увидел именно в том переулке! Наверно, ты с Нга встречался?

- Ну, какой-то «Нефте-Газовый Альянс» мне там безусловно встречался, - ответил Даня.

- Нефте-газовый альянс — это так, для прикрытия аббревиатура, - объяснил толстяк. — А по факту это офис подземного бога Нга. Он к нам не так давно по нашим меркам перешёл от конкурирующей компании, от «мифов народов мира». Это крайне ценный кадр. Он владеет нефтью! Те его не ценили, всё время подсаживали, дали в распоряжение только мерзлоту какую-то, - а у нас он получил долгожданные возможности для карьерного роста...

Пока он говорил, он заворачивал в какой-то внутренний двор с аркой и шлагбаумом. Высокий дом-колодец был явно старой постройки, но облицован новомодным материалом вроде тёмной плитки, глянцевого блеска в лучах зимнего солнца. Впрочем, в этом дворе определить время года можно было разве что по освещению: снег там не ложился, а деревья в кадках возле подъездов были пластмассовыми, и их ветви сплошь увивали белые гирлянды.

Консюм остановил джип и заглушил мотор:

- Вот, приехали. Тут в подвальном этаже наша точка питания. Сейчас как раз все на ланч подтягиваются. Я тебе всё покажу, всех представлю. Может, передумаешь ещё...

Они спустились в подвал. Консюм толкнул невзрачную дверь. Из-за неё повеяло запахом пряностей, послышалось приглушённое бряцание ножей и вилок. Глазам предстали массивные стулья с высокими гобеленовыми спинками (не стулья, я целые троны!), окружавшие столы, покрытые длинными тяжёлыми скатертями, ничуть не уступавшими королевским мантиям. На окнах висели такие же тяжёлые длинные шторы, так что в помещении света было мало. Консюм предложил Даниле сесть. Тот отодвинул стул — как будто переставил небольшого мамонта. Данила ожидал, что в ресторане, куда ходит обедать бог потребления, будут преобладать одноразовые предметы — однако в полутёмном подвальном зале нигде не было ни пластиковой тарелки, ни бумажного стаканчика, ни даже хлипкого стула с алюминиевыми ножками — вся обстановка была словно подобрана по заказу какого-нибудь слоновьего царя. Среди этих монументальных вещей парень почувствовал себя эфемерным и несерьёзным, - но тотчас спохватился: наверняка его как раз и привезли сюда с целью вызвать у него именно такие чувства!

Консюм махнул рукой. Из-за штор в глубине помещения мгновенно показалась официантка с тарелками величиной с дорожный знак. Их содержимое как раз соответствовало Данилиным представлениям о том, как питается бог потребления: на тарелках возвышались большие гамбургеры.

- А всё-таки, кто платит за банкет? — недоверчиво поинтересовался Данила.

- Ты же сам вроде должен знать: в первый раз всё бесплатно, на правах рекламы, - ответил Консюм.

Данила взялся за вилку. Тут стукнула дверь, и в подвал повеяло сырым воздухом с улицы. Вскоре у стола выросло ещё две фигуры. Первую из них парень узнал без труда: Тётушка Омниа! Её сопровождал угрюмый мужчина средних лет в клетчатой рубашке. Они сели за стол, за которым уже обедали Консюм и Даня. Перед ними быстро, словно сами собой, появились такие же тарелки с гамбургерами.

- Доброго времени суток, коллега! — загремела тётушка Омниа. — Мы тут с дядей Технократом решили немного заняться приёмом пищи... А что это с тобой за юноша? Он - наш новый сотрудник?

- Ещё нет, но скоро, очевидно, будет, - бодро ответил Консюм, разрезая котлету массивным ножом с дутой ручкой. - Это тот самый молодой человек, с которым мы в начале ноября имели такой содержательный разговор во дворе по улице Земляной вал... Технократ, это не при тебе было, но ты наверняка уже в курсе... Данила, перед тобой бог урбанизации, или, как его зовут в ближнем кругу, дядя Технократ. Он настолько прикипел душой к современной цивилизации, что на дух не переносит ничего натурального и даже бриллианты предпочитает искусственные... Помнится, лет десять назад в одной североευропейской стране решили возродить старинные национальные игрушки из овечьих косточек. Но сами косточки при этом наштамповали из пластмассы!

- Это была моя инициатива!- улыбнулся Технократ. Данилу удивило, как он произносил эту фразу: лицо урбанистического бога при этом было самодовольным, словно он по меньшей мере изрекал: «Государство — это я», а тон — как у дошкольника, довольного, что его похвалил воспитатель. Очевидно, именно такого поведения и требовал установленный у Новых этикет, если могущественный бог оказывался за одним столом со сверхмогущественным.

- А какой народ Вас почитает? — обратился Данила к новому знакомому.

- Какой? Да весь народ, который любит цивилизацию: стекло, асфальт, электроприборы... комфорт современный... которому становится физически плохо при выходе из зоны вай-фая...

- Вот оно что, - продолжал Данила. — Ну, а жертвы Вам приносят?

- Ещё как приносят! — просиял Технократ. - Каждый день и даже чаще! Леса, степи, окружающую среду! Всё приносят!

Данила внутренне поморщился: он как раз любил лес.

- Короче, дело такое, - резюмировал Консюм. — Тогда, в ноябре, у нас с нашим уважаемым гостем вышло недоразумение. Он решил, что мы желаем ему зла. Сегодня мне хотелось бы ликвидировать данное заблуждение: довожу до сведения нашего гостя... Вас ведь зовут Денис, правильно? ... так вот, довожу, что мы, Новые боги, всегда желаем людям только добра!

- И вся наша политика направлена только на это, - медоточиво пропела тётушка Омния.

Дядя Технократ, занятый жеванием гамбургера, что-то промычал в знак согласия.

- Насколько нам известно, - продолжала тётушка Омния всё в том же елейном тоне, обращаясь к Даниле, - ты уже познакомился со старыми богами. А сейчас тебе бы не помешало продолжить знакомство с нами.

- Кажется, с Нга Даниил сегодня уже познакомился, - сказал Консюм и назвал переулочек, в котором встретил Данилу. — Вы ведь с ним лично беседовали? Он тебе работу предложил?

- Ну, какой-то мужик мне в том переулке действительно работу предлагал, - Данила помрачнел, вспомнив недавнюю неприятную встречу. Так вот, оказывается, кем был тот бизнесмен! В памяти тотчас встал рассказ Нумы о том, как этот «ценный кадр» пытался похитить солнце и луну...

- И ты согласился? — оживилась Омния.

- Нет, - буркнул Даня.

- Ну, ладно, - его собеседница подавила разочарование. — В конце концов, нефтяная отрасль не для всех. Но я не сомневаюсь, что когда ты увидишь нас всех и познакомишься с нашим коллективом, ты выберешь себе сферу по душе. У нас всё позитивно, и мы стараемся не допускать ничего, что доставляет людям страдания. Думаю, на то, чтоб посмотреть наш коллектив, тебе должно хватить пары дней...

- Но разве я вас уже не видел? – удивился Данила. – Я хочу сказать, вас же всего шестеро... ну, семеро, вместе с Экономическим Кризисом... А старых богов очень много, и все они очень разные...

Лицо Консюма стало кислым:

- Мой милый друг, на самом деле ты глубоко неправ. Нас довольно-таки много. На самом деле нас гораздо больше, чем старых богов. Просто на Земляном валу ты встретил только представителей головной организации. У старых богов сразу видно, сколько их, потому что у них, прастихоспаде, прямая демократия – народное вече, короче, где никто никому непосредственно не подчиняется и каждый по факту в чём-то главный. Подобный бардак – это... ну, такое себе... А у нас другая структура, более жёсткая: у нас корпорация! Каждый занимает в иерархии своё, строго отведённое ему место. Сегодня ты увидишь некоторых богов среднего звена. Они приходят сюда пообедать. Вот, посмотри сюда: это наша богиня красоты.

Между столиками шла высокая, хорошо сложенная девушка с тонкой талией. Её крутые бёдра облегало короткое платье из сияющей серебром эластичной материи; распущенные гладкие волосы отливали гляncем. К такой внешности как нельзя кстати была бы ласковая улыбка и лучезарный взор, – да только глаза девушки напомнили Даниле выключенные фары списанного автомобиля, а само лицо – задёрнутую железной шторой витрину ларька в предрассветный час.

«Богиня пустоты, скорее...» - пронеслось в голове у парня.

Вслух он спросил:

- А как её зовут?

- Нравится? Выглядит сногшибательно! А ведь лет ей не меньше, чем тётушке Омнии! Звали её в разные времена по-разному. В пещерные века её называли просто «Вау!» Два-три столетия назад – «Светскость», «Изящный вкус», «Ботэ». А в последние десятилетия её чаще всего зовут Гламурка. Если ты с нами будешь работать, у тебя есть шансы оказаться в её постели... может быть.

- А сколько уже побывало в ней до меня?

- Настоящие богини в таких вещах никому не отчитываются... А вот, смотри, ещё одна из нашего среднего звена... Там, у стойки бара.

У стойки скучала крашенная деваха в гриндерсах. Такой типаж Данила в последний раз видел в детстве, в блаженной памяти эпоху Девяностых годов, и был уверен, что он уже выродился. Курносый нос девки надменно вздымался над пухлыми неумытыми щеками, губы щетинились пирсингом.

- Это Эйджина, - пояснил Консюм. – Эйджина – наша самая перспективная сотрудница. Её девиз: «Дорогу молодым!» Это именно она внедрила в жизнь принцип не брать на работу людей старше 35 лет и увольнять возрастных сотрудников. Ещё она предлагала заменить всех школьных учителей на совсем молоденьких выпускников педучилищ, потому что они стоят ближе к стилю жизни и мышления современной молодёжи, а старых тёток уволить ко всем чертям...

- А дома престарелых взрывать она не предлагала? – угрюмо спросил Данила.

- Нет, вроде... Хотя я не отрицаю, что многим людям это пришлось бы по душе. Но она реально больше восхищается теми, кто жил быстро и умер молодым, чем теми, кто докряхтел до преклонного возраста... Но с тобой она спать не будет: ты для неё староват.

«Да мне и не нужно было такого счастья!» - подумал Данила.

- Разумеется, перед тобой далеко не все сотрудники среднего звена, – продолжал Консюм. – Но сегодня ты увидел тех, с кем люди контактируют чаще всего, а так их у нас гораздо больше. А кроме них у нас есть, как вы выражаетесь, низшие божества: всякие духи банкоматов, кредитных карточек, гаджетов, форумов (эти последние

непосредственно подчиняются тётушке Омнии). Много духов моды. Правда, ты их сегодня не увидишь. Словом, когда ты перейдёшь к нам, ты ещё теснее познакомишься с нашим позитивным креативным коллективом!

В продолжении тирады собеседника на душе у Данилы становилось всё более и более неуютно — совсем как во время того недавнего разговора с Нга.

- А с чего вы взяли, что я прямо сразу к вам переметнусь? — угрюмо поинтересовался он.

- Потому что для человека всегда естественнее выбрать то, что сулит выгоду.

- Интересненькое кино! Почему это другие взяли за меня решать, что для меня естественно, а что нет?

- Ты не собираешься выслушать, что тебе предложат, если ты...

- Так, чего вы от меня хотите?

Консюм сменил тон на более вкрадчивый:

- Устройся на работу в нашу корпорацию! Условия мы тебе обеспечим самые шикарные. Хочешь, например, мы тебя раскрутим, и ты станешь мегапопулярным? Мы с Дедушкой договоримся, по телевизору тебя будут показывать, по центральным каналам...

- Мужик, ну ты и скажешь! У меня же судимость не погашена! К чему мне ещё по телику светиться!

- В мире полно людей с непогашенной судимостью выступает публично и не стесняется; вон хоть тётушку Омния спроси... Хотя, конечно, дело твоё. Не хочешь славы, мы тебе что-нибудь другое дадим. Можем сделать тебя богатым. Дадим тебе баксы, бриллианты, недвижимость ценную — и заживёшь как в сказке. Все девушки на тебя вешаться будут...

- Вообще-то, я хочу, чтоб девушка меня полюбила за душу, а не за богатство.

- Ишь, и не угодишь на тебя! Любой другой от таких предложений уже на седьмом небе был бы от счастья, — нахмурилась тётушка Омния.

А Консюм спросил:

- Даниил, а по какой конкретно причине ты отказываешься от наших суперпредложений?

- Я не могу вас работать: я уже в другом месте договор заключил!

- С кем же, позволь узнать? — недобро прищурилась тётушка Омния.

- Ну, заключил и заключил... Мало ли в Москве всяких организаций... — Данилу тяготил этот разговор.

- Скажи уж прямо, что работаешь на конкурирующую фирму! — пошла в атаку тётушка Омния. — Ты же ещё на Земляном валу об этом проговорился: сказал, что мы не первые, кто называет себя богами и при этом предлагает тебе работу! И не надо делать вид, будто тебе не знакомы имена: Нума, Тенгри, Юмала...

- Ну, даже если и знакомы... Вам-то что?

- Все знают, какая в наши дни цена договорам, — ответил Консюм. — Тебе ничто не мешает его расторгнуть и перейти к нам. Из нашей беседы мы поняли, то тебя не устраивают наши обычные условия. Но мы подберём для тебя индивидуальные.

- Всё равно я отказываюсь.

- По какой же причине, позволь спросить?

- По морально-этической! — в тон собеседнику ответил Данила.

- Ответ не принимается! — возразил Консюм. — Все так называемся этика и мораль во все века были обусловлены только вопросами выживания. Нравственным всегда считалось то, что помогало выжить, причём в разные времена это было разное.

- Ну, тогда отвечу по-другому. Потому что хочу оставаться человеком. Надеюсь, это уважительная причина?

- Ну вот, Даниил, сейчас ты сказал такие высокие слова: оставаться человеком. А что ты вкладываешь в это слово? Что, по-твоему, делает человека человеком?

- Понятно, что: гуманизм, культура...

- Примерно такого ответа я и ожидал. Ну, хорошо, а что́ для тебя культура? Канал по телевизору с таким названием?

- Мужик, если ты спрашиваешь очевидные вещи, то ты либо сам нифига не понимаешь, либо меня держишь за круглого идиота!

- Не, ты всё-таки скажи: вдруг окажется, что кто-то из нас по-другому это понимает!

- Ну, культурный человек не будет делать другим, чего не желает себе самому, а ещё он интересуется вещами выше, чем просто набить утробу.

- Какими же, позволь уточнить?

- Науками всякими, искусствами... Историей... Бережёт память прошлого...

- Да-да-да... - тон у Консюма сделался как у преподавателя, экзаменующего троечника. – Примерно нечто такое я и ожидал услышать. Прошлое! Вся культура человечества базируется на прошлом! «Любовь к отеческим гробам» и далее по тексту. Всю актуальную информацию о прошлом археологи и историки черпают из древних могильных комплексов. Оцени парадокс: люди прошлого думали, что они удалили то, что умерло, из мира живых, делитнули его, закэнселили, - а оказалось, наоборот, сохранили!

Тётушка Омниа возразила:

- Нет, не совсем так: они как раз думали, что только в смерти всё и сохранится: жизнь такая коротенькая, а вечность длится вечно! Поэтому то, что предназначено для вечности, для смерти, должно быть прочнее, чем то, что для жизни. Мертвецам – мавзолеи, пирамиды, а живым людям – халупы! И то, что ты и такие, как ты, пафосно называете культурой, на самом деле – культ смерти! Историки утверждают, что человек вышел из обезьяны тогда, когда появились первые похоронные обряды... Другими словами, человек «стал человеком», как ты выражаешься, когда стал почитать смерть, а не жизнь! И всю эту, извиняюсь, некрофилию принято считать каким-то достоинством!

- По-моему, тут как раз наоборот, - Данила почувствовал, что собеседники загоняют его в ловушку, но пока не чётко понимал, где именно она может таиться. – Люди древности как раз любили жизнь гораздо больше, чем смерть, – но также они острее, чем мы, осознавали хрупкость и быстротечность бытия, поэтому старались, чтоб их умершие продолжали жить хотя бы в памяти, в преданиях. Память и культура – это способ не полюбить смерть, а преодолеть её! Люди смотрели на этот мавзолей или курган – и вспоминали, каким усопший был при жизни и что сделал для своих потомков: скажем, покормил их, чтоб с голоду не погибли, от опасности защитил, дом для них построил или что-нибудь полезное изобрёл. И люди чтили не гибель, не уничтожение, а как раз вот эту преемственность поколений: что прошлое даёт возможность для жизни будущему, и именно за это надо быть ему благодарным.

- Я был не в курсе, что ты такой неисправимый романтик, - призадумался Консюм. – Твои взгляды – это какой-то махровый девятнадцатый век! Патриархальная идиллия сплошная. Мол, кто помнит предков, тот продлевает жизнь в будущее. Если бы все так рассуждали, то ни одна цивилизация бы не погибла. Нет, друг мой, воля к жизни имеет мало общего с культом предков! Кто хочет жить, хочет жрать – тому не до предков, у него голова занята только настоящим, теми проблемами, которые надо разруливать в текущий момент! А если в текущий момент имеет место быть голод, то всякие старики, не способные пахать на провиант – лишние рты. Если не хватает земли под строительство домов и офисов – раскапывают и застраивают старые кладбища...

- В Москве, я слышал, несколько окраинных районов возвели на бывших сельских погостах. Но жителям это что-то радости не доставило...

- Это как раз иллюстрирует плоды воспитания в русле так называемой культуры! У смерти конфисковали гектары, чтобы расчистить место для жизни – а люди этому не радуются! Потому что их приучили, что смерть важнее! Это вбито в прошивку воспитанием! Но там, где рулят не воспитание, а инстинкты, человек решает по-другому. Вот отвечай, не задумываясь: если бы в море стали одновременно тонуть старик и ребёнок, то кого бы ты первым побежал спасать: возрастного гражданина, отжившего своё, или того, у которого вся жизнь впереди? Отвечай!

- Я про этот тест читал где-то. Его признали несостоятельным: там условие неполное, что ли...

- Тебе удалось выкрутиться! – поморщился Консюм.

- Но зачем вообще вы подняли эту тему, о культуре и смерти? Вам стало скучно и захотелось потрепаться на интеллектуальные темы – или у вас есть какая-то конкретная цель?

- У нас, богов, всегда есть конкретные цели! - воскликнула тётушка Омниа. - Одна из них – открывать людям глаза. Ты думал, что когда ты прилепился к этой компашке из мифов народов мира, ты выбрал возвышенное: культуру там, историю. А правда такова, что ты выбрал угасание и смерть!.. Ты выбрал то, что заведомо обречено!

Консюм прибавил:

- Строго говоря, все эти божества должны не отмахиваться от нас, а благодарить: мы сделали для них больше положительного, чем все их так называемые поклонники. Мы спасли их от забвения. Кто бы сейчас помнил Тора, Гермеса и Перуна, если бы не бог Телевидения?

- Что-то ты, дядя, лажу гонишь. Фригг мне недавно говорила про «книжных богов» - а книжки по-любому гораздо старше телевидения!

- Твоя Фригг засиделась в своём университете и не видит реального положения вещей! Книг никто не читает, ну, разве что какие-нибудь лузеры и нищелюбы из студгородка!.. Но вернёмся к абстрактным материям. Сказать «он выбрал жизнь» можно только про того, кто живёт текущим моментом и не заиклен на прошлом.

- Вы всё ещё не оставляете желания переманить меня к себе?

- Так ведь для твоего же блага!

- Ну, и для собственной выгоды? Вы же не можете, чтоб без выгоды?

- Я смотрю, ты уже просёк, каков наш менталитет.

- Вот я и спрашиваю: вам-то от меня выгода какая? Я обычный человек, боевой магией не владею, вселенских тайн не храню.

- Не корчи из себя невинность: актёр из тебя аховый, - ответила тётушка Омниа. — Наш Дедушка, конечно, старенький, но лица и места ещё различает хорошо... Не будем играть в пятки: явочная квартира - у тебя, так? И эти божества народов древности, - последнее слово она произнесла нарочито неразборчиво: то ли «древности», то ли «вредности», - у тебя на кухне собираются? Если честно, для саммитов такого уровня конспирация у тебя никудышная: ты бы перед собранием, что ли, телевизор выключил, а ещё лучше — завесил покрывалом каким-нибудь! А до тебя дошло только тогда, когда вы уже налили и стали какую-то философию разводить. Да только философия — это так, флуд. А нас интересуют только конкретные планы и конкретные факты: кто куда поехал, что замышляют...

- Вы хотите, чтоб я прямо сливал вам всю информацию о богах?

- Поражаюсь твоей сообразительности, - съязвил Консюм.

- Нам позарез нужен свой человек у старых богов, - настаивала тётушка Омниа.

- А я поражаюсь вашей несообразительности! — парировал Данила реплику Консюма. - Я никогда не стучал и не крысятничал – и не собираюсь.

- Ну, всё бывает в первый раз, – прищурился Консюм.

- Ты, мужик, эти свои шуточки брось. За такое и в морду можно схлопотать, - Данила показал жизнерадостному толстяку кулак.

- Ты, милмой, не понимаешь, на кого сейчас наехал, - оживилась в предчувствии назревающего скандала тётушка Омниа. – Перед тобой же один из самых могущественных богов современного мира!

- Был бы такой могущественный, не нуждался бы в шпионах! – буркнул Данила. – Вон Тенгри никого в шпионы не вербует, а сам везде попевает.

- Вижу, старик успел тебя очаровать. Но это временно... Да уж, с тобой говорить без толку! Но мы не оставляем надежды, что ты всё-таки передумаешь.

- Мужик, ты слово «нет» понимаешь?

- Что же мы тогда время зря теряем! — Тон у Консюма по-прежнему был сдержанный, но было ясно, что сдерживается он с огромным трудом. - Но ты сам себе злобный баклан: присоединился бы к нам, был бы тебе профит.

- Ещё раз повторяю для тупых: я не из тех, кто ищет выгоду!

- Ну, ты и сказанул! Пафос, пафос... Ты такая наивная няша, что всерьёз полагаешь, будто нам не известно, как ты живёшь? Или, может, ты мазохист, и тебе по кайфу снимать жильё в убитом бабушатнике в пятиэтажке в лузерском районе, не иметь нормального источника доходов, никаких перспектив на сколь-нибудь успешное будущее, да ещё с этой твоей судимостью? Не знаю, что тебе успели наплести про нас Тенгри и Фригг, но мы – Новые Боги – всегда желали людям исключительно добра, всегда стремились максимально облегчить человеческую жизнь. И если ты бы согласился на наше предложение, то жизнь у тебя была бы вообще тип-топ...

- Да не бывает у предателей хорошей жизни, - возразил Данила.

- Ну, и кто же тебя научил таким сентенциям? — скривилась Омниа. - Юмала-Юмалий, этот лопух, который по недогляду продолбал свой народ и уже 870 лет не может из-за этого успокоиться! И даже сделать карьеру в качестве христианского святого у этого лузера не получилось!

А Консюм произнёс:

- До этого момента мы ещё рассматривали тебя как потенциального союзника: всё-таки у тебя есть эдакий базис, хотя ты резковат и склонен к романтизму. А сейчас — всё: ты переходишь в список наших врагов.

Данила, в тон собеседникам, через силу улыбнулся, хотя больше всего ему хотелось оскалиться и щёлкнуть зубами:

- Что ж, для меня это большая честь. А теперь позвольте откланяться. Да, и за гамбургер спасибо.

- Всегда пожалуйста, - отстранённым тоном проговорил дядя Технократ, до тех пор молчавший. — Хотя нам будет жаль, что ты сделал ставку на ходячие анахронизмы, которые не сегодня-завтра аннигилируются.

- А ну как не завтра? Вам-то откуда известно? — не сдержался Данила.

- Уж что известно, то известно! — огрызнулась Омниа.

— Так или иначе, а мы в обозримом будущем постараемся решить проблему старых богов, - безэмоциональным — и от этого пугающим — тоном произнёс Консюм.

- Но чем же старые боги провинились перед вами, что вы так крепко их ненавидите?

Общественное Мнение ответила не допускающим возражений тоном:

- Жрут. И бесполезны.

- Понятно... Тогда до свидания. - Данила поднялся с монументального гобеленного стула с высокой спинкой, бросил тяжёлую тканевую салфетку на пустую тарелку и гордо зашагал к выходу.

- Я не прощаюсь, - донёлся вслед голос Консюма.

Данила вышел из арки на улицу — из серой тесноты на простор. Было светлее, чем он предполагал: до темноты ещё оставалась пара часов. Он нырнул в уличную толпу и, двигаясь в ней, быстро дошагал до ближайшей станции метро. Он даже не отдавал себе отчёт, какая именно это станция: все его мысли занимало только одно: надо непременно рассказать Нуме или Фригг о только что произошедшем разговоре! Но где их искать? Он собирался ехать домой — но, коль скоро могущественные новые божества назвали его своим врагом — безопасно ли ему будет дома?

Данила был в смятении, его сердце сильно билось... Но в следующий миг он почувствовал, сколько же сил отнял у него разговор с Консюмом и Общественным Мнением. Ему захотелось сесть на лавку в сквере возле павильона метро, прийти в себя... Ещё почему-то у него в желудке ходили волны как у голодного, несмотря на съеденный гамбургер.

Он выбрался из потока людей, спешащих к стеклянным дверям, дотащился о сквера, плюхнулся на студёную скамейку с островками подтаявшего льда, уставился на бледное небо, посылающее на город снег с дождём. Бытие встало на «паузу»...

Из забытья Даню вывел знакомый голос, окликающий его по имени. Парень быстро открыл глаза. На противоположном конце длинной скамейки сидел Нума.

Разговор с Нумой

Данила, разумеется, поспешил рассказать северному демиургу о том, какой разговор у него состоялся только что:

- Короче, они сперва меня пытались переманить к себе. Райскую жизнь обещали, блага всякие. Причём я знаю людей, которые бы ради таких предложений родную мать бросили и побежали... А мне даже слушать об этом противно!.. А потом я с ними и вовсе цапнулся. Нет, не как осенью на Земляном валу — хуже! Они мне предложили продолжать наши чаепития, а самому за вами шпионить... Я же в прошлый раз телевизор выключил не сразу — вот придурок! — вот они нас через Дедушку и засекли... Короче, сейчас они меня объявили своим врагом — за то, что я выбрал вас, а не их!

- Ты, Даня, культурный человек...

- Знаешь, Консюм и тётушка Омния это тоже отметили. Но они в эти слова вкладывают негативный смысл... Вот ведь дожил! Назвался культурным человеком — прогневил неких могущественных богов! И куда только мир катится?

Нума стал словоохотливее:

- Некоторые философы, и старые, и новые, говорят: Мир благ. А другие говорят: Мир плох. А ещё другие говорят: Человек плох, а мир хорош. Кто-то говорит: всем миром и людьми правит одна сила. Кто-то — что в мире борются какие-нибудь две силы, но только две, не больше. Но это всё ненужные упрощения. На самом деле мир многогранный и... этта... много-факторный. То есть, связи в нём тоньше и сложнее, чем обычно считается. Что при одном раскладе — гибель, при другом благо.

- Так что же это выходит, - удивился Данила, - если всё зависит только от конкретных ситуаций, значит, этика и мораль тоже относительны? То есть, их как бы и нет? Но тогда получается, что прав Консюм?

- Почему Консюм не прав, я объясню позже. Я сказал, что связи в мире тонкие и сложные. Но людям некогда или лень задумываться над сложностями; для них удобнее простые и чёткие противопоставления: верх — низ, чёрное — белое. Но даже у белого много оттенков: снег не всё время одинакового цвета...

После тошнотворной смеси офисного жаргона и канцелярских штампов, на которой изъяснялись недавние собеседники Данилы, слушать величавую степенную речь Нумы было большим удовольствием. Данила с удивлением отметил, что наслаждается самим звучанием слов. В его голове зашевелилась мысль: «Вот расплююсь со всем этим — надо будет взять в библиотеке какой-нибудь древний эпос, буду читать и балдеть от такого языка!» Но тут он спохватился: «Расплююсь? Ишь, размечтался! Оно ещё, небось,

много лет не закончится! У богов же всё долго... Тот же Нума с подземным богом Нга сколько веков враждовал – и до сих пор они до конца не выяснили отношения!»

- Но что следует из всего сказанного в нашей всей ситуации?

- А вот что. Если бы все старые боги были добрые и благие, а все новые творили только зло, люди бы не сомневались, на чью сторону встать. Но ты же сам видел: Новые часто одевают людей всяческими милостями, делают их счастливее, а среди наших есть и деспоты, и жадины, и вспыльчивые особы, которые гnevаются по пустякам... Есть и те, кто настолько погружён в себя, что совсем перестал обращать внимание на людей... Но все они – боги! И даже если у них характер не сахар, они выполняют свою задачу как богов: поддерживать мироздание. От многих богов людям нет никакой выгоды, но если их убить или изгнать – мир полетит под откос.

- Да он уже, по-моему, и так летит...

- Эх, паря, я бы мог сейчас тебе сказать – таким назидательным тоном: «А это всё оттого, что люди ленятся почитать богов!» В наших краях так говорили шаманы, когда выдавался голодный год, а им хотелось полакомиться своей законной долей жертвенного оленя... А я не буду так говорить. Я другое скажу: уважающий себя бог – добрый, кровожадный, какой угодно, - мыслит веками и тысячелетиями, спрашивает себя, какие последствия будут иметь наши действия через сто или там двести лет. А Новые мыслят только очень короткими промежутками и ищут лишь краткосрочной выгоды. Они её всегда жаждали. Но средства сильнее воздействовать на людей у них появились только сейчас.

- Если б только на людей! Они ещё и на вас воздействовать хотят! Они в самом конце нашего разговора обмолвились, что хотят, как они выразились, «в обозримом будущем решить проблему старых богов»... Наверно, надо было прямо с этого и начинать; но они это как-то вскользь упомянули, даже и не сразу поймёшь: это серьёзно или просто угрозы...

- Люди говорят: мол, Нума устал от дел, совсем не следит за миром. Но они думают, что богам просто: пальцами щёлкнул – и дурное стало хорошим, испорченное ладным. Они не принимают во внимание, что если что-то было испорченным тысячу лет, его в одночасье не наладишь... - Он поднял глаза на дерево у скамейки и долго смотрел на вертящегося на ветке воробья. - Возьмём, скажем, человека и природу.. У таких богов, как мы, принято карать за хищническое, потребительское отношение к природе. Оно и понятно: кто сам принимает обличье волка или кого сопровождают волки, тот не захочет истребления волков забавы ради. Для кого небо – его собственная кожа, а лес – его собственные волосы, тот не пожелает, чтоб небо пачкали дымом заводов, а лес обрекали пожарам...

- Новые – враги природы?

- Прямо об этом заявлял из них один лишь дядя Технократ. Он действительно лучше всего чувствует себя там, где нет ни одного дерева, ни одной птицы, а солнце и ветра подчинены климат-контролю. Остальные считают, что природа нужна, пока приносит прибыль и не доставляет хлопот...

Данила собрался что-то ответить, но заметил, что к скамейке приближается женская фигура. Блеснули из-под вязаной шапки, усеянной блестящими небесными каплями, знакомые пронизательные, слегка печальные серые глаза...

- Фригг? Как ты узнала, что мы здесь? Ведь тебе и позвонить нельзя...

Свой телефон – простенький кнопочный мобильник прошлого десятилетия – Данила потерял ещё, когда возвращался с Земляного вала. Но это ему не мешало: тётю Зою он мог всегда застать дома, а с богами разговаривают отнюдь не по телефону. А другого круга общения у Данилы сейчас и не было...

- Я почувствовала, что мне непременно нужно в этот район.
- Ты как раз вовремя! — обрадовался Нума. — У Данилы только что состоялась одна встреча, о которой тебе будет важно узнать.
- Короче, я опять Консюма послал, - отозвался парень, стараясь придать своему тону небрежность. — В этот раз уже по-серьёзному...
- Я хочу услышать подробности, - забеспокоилась Фригг. — Только давайте не здесь: на ветру, на проходе... Вон через дорогу есть «Ростикс», давайте сядем там и пообщаемся в спокойной обстановке и без посторонних ушей! Тем более, я после пяти пар в университете голодная!

Встреча с Перуном

В длинном палевом зале было тепло, пахло курицей и приправами. Но назвать царящую там атмосферу спокойной было сложно: сновали люди с гремящими бумажными пакетами; шлёпали пластмассовые подносы по пластиковым столешницам; хлопали двери; перекрикивались сотрудники; взрывалась кофе-машина. А из невидимого динамика где-то под потолком разливалась бодрая попсовая мелодия, которая, очевидно, была призвана заглушать весь этот шум, но на самом деле лишь усугубляла его. Данила вспомнил массивные стулья и тяжёлые ткани в подвале глянцевого здания, где его угощал обедом Консюм. Что-то в мире неладно, шиворот-навыворот, если бог потребления поводит встречу в дорогом ресторане, а боги, хранящие высокую культуру человечества тысячелетиями, довольствуются точкой быстрого питания...

- Зачем мы пришли для серьёзного разговора в эту забегаловку? - удивился Даня. - Тут же народу полно и музыка гремит!

- А вот как раз именно поэтому, - объяснила Фригг. - В этом кафе так шумно и многолюдно, что даже если б Новые подослали своих соглядатаев, те бы нас не увидели и не услышали. К тому же, я точно знаю, что именно в этом помещении мало технических устройств. А там, где они есть, особенно телевизор, теоретически могут оказаться шпионы Новых. Дядя Технократ не дремлет, а бог Телевидения и вовсе в лепёшку готов расшибиться ради этой парочки – Консюма и Общественного Мнения.

- Это тот дедушка с тросточкой? – уточнил Данила.

- Да, они же так и зовут его: Дедушка, - отвечала Фригг. – Только в это прозвище они вкладывают издевательский смысл: этому дряхлому старику всего 80 лет, а тем – сотни или даже тысячи. Уж на что малютка Реклама выглядит ребёнком – а ведь и ей много веков.

- А вот я не понимаю: если Новые – ровесники других богов, тогда почему они называют себя Новыми?

- Потому что они утверждают, что стоят за обновление и прогресс. А нас считают поросшими мхом консерваторами...

Все трое заказали еду, с трудом нашли свободный столик в углу у окна... Данила осознал, что после Консюмова гамбургера был настолько голоден, словно не ел по меньшей мере неделю. А сейчас, после нескольких незамысловатых кусков курятины он приободрился.

Он подробно рассказал Фригг всё, что уже рассказывал Нуме: о том, как Консюм чуть не сбил его своим джипом, о разговоре в ресторане, о том, как он отказался сотрудничать с Новыми и как выяснилось, что Новые «вычислили», где он живёт...

припомнил он и то, что предшествовало встрече с Консюмом: короткий разговор с бизнесменом (или олигархом) на крыльце Нефте-Газового Альянса.

- ... А главное, в нашем разговоре ничего особенного по сути не было: он предложил мне у них работать, а я отказался. А вот ощущение от этого такое поганое осталось, как будто он мне в душу наплевал...

- Я не удивлён, - ответил Нума. — Именно такое ощущение и возникает, когда заговоришь с демиургом... бывшим демиургом, который отрёкся от всего, что у него было, во имя сомнительных благ... А обо мне он не спрашивал?

- К счастью, нет. Но ведь он тогда ещё не знал, что мы с тобой знакомы...

- Теперь, наверно, уже узнал: тётушка Омния не могла ему не рассказать немедленно!

- И что это значит для нас? — забеспокоился Данила.

- Судя по всему, то, что нам, богам, нельзя терять бдительность, - ответила Фригг, и лицо её стало суровым, - скоро Новые предпримут по отношению к нам какой-нибудь шаг. Может, вызовут на переговоры, но, может, и устроят провокацию. Если вспомнить моё видение, то логично ждать второго...

- Тогда я пойду предупредить об этом наших, - Нума поднялся из-за стола.

- Да, это необходимо, - Фригг тоже поднялась и взялась за шапку. — А я... а мы с Данилой пойдём предупреждать обо всём того, кто почему-то уже давно не появлялся на собраниях богов и вообще замкнулся в своей скорлупе...

Все трое протолкнулись к выходу и шагнули за порог навстречу сырости и снегопаду. После этого Нума (которому, кажется, была по нраву такая погода) направился налево, по большой улице, а Фригг и Данила пошли вправо, завернули в тесный переулок, где не ездили машины. Они шли молча, лицо у Фригг по-прежнему было напряжённым, и молчание стало тяготить Данилу. Он заговорил:

- Я тут давно хотел спросить вот чего... Вот к примеру, ты, Фригг, с Запада, Тенгри – из Азии, Нума – с Севера... Короче, у вас тут полный интернационал. Но где же в нём наши отечественные боги?

Фригг улыбнулась:

- Ты хочешь познакомиться со славянскими богами? Я рада, что наши намерения совпадают. Ведь к одному из них мы сейчас и идём.

Данила и Фригг свернули в арку, прошагали дворами и вышли в другой, такой же тихий переулок. Снег сыпал и сыпал — словно перед глазами моталась бесконечная тюлевая занавеска.

- Славянским богам непросто живётся, - говорила Фригг. – Но я надеюсь, что тот, к кому мы сейчас идём, всё поймёт и поддержит нас.

Они дошли до просторного двора, который обступили длинные кирпичные девятиэтажки, словно отвесные скалы – уединённую долину. Снегопад перестал, и дальние углы дворов просматривались чётко. Дания и Фригг пересекли детскую площадку – старую, без глянца современного «благоустройства», с большими качелями, расставившими на вытоптанном промёрзшем глинозёме тонкие железные ноги, покрытые чешуйчатой масляной краской. За площадкой стоял скромный оштукатуренный домик довоенной постройки: с длинной трубой котельной в торцовой стене и широкими крыльцами – казалось, он нарочно создан, чтоб снимать в нём какое-нибудь кино по рассказам Зощенко. На фоне окружающих домов эта постройка выглядела крошечной конуркой, даром, что насчитывала целых три этажа и обладала двумя подъездами. На левом подъезде висела табличка, возвещавшая, что там находится ДЭЗ.

Фригг позвонила в домофон:

- Добрый день! Мне хотелось бы поговорить с электриком!

- Оставьте заявку по телефону, и мы рассмотрим её в течение суток, - раздался в динамике грубоватый женский голос.

- Мы ждём у вашего подъезда, - настаивала Фригг. – Ваш электрик сейчас на месте?

- Если вызовов не было, значит, не уходил, - ответила грубоватая женщина в домофоне. И в следующий миг раздался скрип двери, сопровождаемый заунывным писком запирающего устройства. Из подъезда вышел мужик лет пятидесяти в заношенной спецовке и тяжёлой обуви. Его жёсткие короткие волосы имели неопределённый светлый оттенок; на лбу поблёскивали раздолбанные очки с замасленным шнурком вместо одной дужки; прокуренные усы топорщились; из-под кустистых светлых бровей пристально смотрели строгие глаза. Про такие глаза писатель старых времён сказал бы, что они «мечут молнии».

Электрик брякнул засаленным чемоданчиком с инструментами, пронзительные глаза сверкнули из-под кудлатых бровей-туч:

- Что у вас...? Ой, это ты, хозяйка? Извиняй, не признал.

- Перун Сварогович, поговорить надо!

- Серьёзное что-нибудь?

- Очень серьёзное.

- Тогда давайте не прямо на крыльце. Отойдём подальше!

Все трое направились к купе деревьев, росших за детской площадкой в дальнем углу двора. Нетолстый дуб широко раскинул голые ветви над округой; нижняя ветка была досветла отполирована коленями многих людей, забиравшихся на неё, чтоб сфотографироваться или просто посидеть. Гулкая утоптанная земля под дубом была усыпана окурками и обрывками упаковки. В двух шагах от ствола выглядывала из снега, словно пробка из стенки бочонка, крышка люка, и на ней, как на сервировочном столике в постапокалиптическом стиле, красовались бутылки, целые и надбитые.

- Ты не мог найти другого места? – поморщилась Фригг.

- Здесь надёжнее, - заверил Перун. – Не услышат, кому не надо.

Действительно, если двор был долиной среди высоких скал, то этот замусоренный уголок – уединённой пещеркой в долине. Окружающие звуки сюда не долетали.

Перун поставил сумку под деревом, выбрав место почище:

- Ну, хозяйка, давненько же ты к нам не заглядывала! А это, что ли, сынок твой?

- Нет, Перун, ты знаешь, участь моего сына так и остаётся без изменений... А это Данила, человек.

- Вот оно что, – кивнул Перун.

- Но он посвящён в наши дела, - прибавила Фригг. — От него у нас секретов нет.

– Понятно... - пробормотал пшеничноусый бог. - Так для чего ты меня вызвала? Что стряслось?

- Мы хотим тебя предупредить...

- Неужто Велес опять против меня замышляет? Я-то думал: больше не полезет с тех пор, как я его тогда проучил...

- Да-а, помню, что вы устроили! – ответила Фригг. – Во всём городе электричество отключилось, а в некоторых районах канализацию прорвало! И на нефтезаводе в Капотне что-то загорелось!

- Вот-вот: век помнить будет! – самодовольно пробасил Перун.

- Всё бы вам с Велесом отношения выяснять! – вздохнула Фригг. – Как будто вы – мальчишки-подростки... Нет, насколько мне известно, он сейчас ведёт себя тихо.

- Ну, вот видишь...

- Сейчас беда серьёзнее: нам угрожают Консюм и его компания.

- Ах, эти... Попсытники? Ну, пошумят и перестанут, как обычно... Было б, из-за чего огорчаться!

- Поверь, они не так безобидны, как кажутся.

- Так они же, вроде, только людьми интересуются?

- Уже нет. Данила недавно имел с ними весьма неприятный разговор.

- Мы с вами, типа, товарищи по несчастью, - сказал Данила. (Ему казалось глупым молчать, когда речь шла о нём самом). – До меня Новые докапываются. Так и норвят достать.

- А зачем ты им нужен?

- Сперва я просто столкнулся с ними случайно, а им показалось, что я за ними шпионил. Потом они на меня рассердились за то, что я поговорил с ними резко. Ну, а когда узнали, что я с вами, решили меня, типа, перевербовать.

- А к нам ты как попал? – удивился пшеничноволосый электрик.

- Его Тенгри с Сосланом привели, - ответила Фригг за замаявшегося парня.

- Вообще-то, на самом деле к Сослану и Тенгри меня привёл Нума. А Нуму я встретил совсем случайно: шёл по переходу и увидел, как какие-то отморозки надираются к старому человеку; ну, я их и шуганул. А остальное как-то само случилось. Нума говорит, что я ещё пригожусь. Но я пока сам не пойму, для чего я нужен богам: мы с ними только сидели в тёти Зоиной квартире, чай пили и разговаривали. А теперь, наверно, и собираться не будем: Консом нас выследил...

- У Данилы только что состоялся разговор с верхушкой Новых, - произнесла Фригг.

- Судя по всему, они решили взяться за нас.

- За вас?

- За нас всех, за богов.

- А что именно они сказали?

- Сказали, что собираются «в обозримом будущем решить» нашу «проблему».

- Небось, просто воздух сотрясают.

- Тебя не пугает, что это могут быть не пустые угрозы?

- Хозяйка, абсолютно не пугает. Даже если мне запретят быть богом, я проживу.

Рюмку водки и бутерброд с колбасой мне и так дадут, без всякого почитания, если я кому проводку почию. Хорошего электрика везде с руками оторвут. Мне же молнию укротить – раз плюнуть! Хотя почитатели-то у меня есть – но что с того? В последнее время их количество даже подросло – да только во что на самом деле верят все эти люди? Они не слушают лично меня, не умеют читать в изгибах молний на грозовом небе, а предпочитают досужие домыслы каких-то старинных учёных, читают какие-то, с позволения сказать, книжки. А зачем их читать, если всё, что нужно, уже написано в небе? Электричество, токи которого пронизывают материю – основа жизни и мироздания; танец молний на небосводе – источник и корень всякого искусства...

Слушая рассуждения работяги в очках об электричестве и искусстве, Данила невольно представил, как жесткоусый молниеглазый электрик в свободное от работы время слушает дома хард-рок – а может, даже сам наигрывает на электрогитаре мелодии собственного сочинения...

- Я больше не хочу почитания, я хочу лишь покоя, - подытожил Перун потускневшим голосом. – Лучше не иметь вовсе никаких поклонников, чем поклонников, которые верят вздору.

- Про моего мужа тоже пишут и говорят много вздора, - поспешила возразить Фригг. – И даже гораздо больше, чем про тебя. Однако он не впал в уныние.

- Твой муж сильный...

- Да и ты не слаб.

- А кстати, где твой муж? – бог-электрик поспешно сменил тему разговора.
- Отправился в другие миры искать абсолютное знание. Ну, как он иногда делает.
- А вдруг он погибнет в пути?
- Не погибнет: в царстве мёртвых его считают за своего.
- А почему он покинул свою супругу в такое трудное время, когда ей досаждают попсытники?
- А он ушёл раньше, чем всё это началось. И я ещё раз повторю: если то, что они сказали Дане, не пустые угрозы, то нам следует быть начеку. Всем богам на территории Москвы и ближайшего Подмосковья!
- Всем? - недоверчиво спросил электрик.
- Всем-всем, до последнего лесного духа! - отрезала Фригг. — Ведь если начнётся что-нибудь серьёзное, уже никто не сможет спрятаться в глуши в дальнем районе или найти прибежище в церкви, как наш Юмала...
- Юмала? - Перун вскинул жёсткие пшеничные брови. - Он здесь? Давно от него вестей не было, я чаял — он уже сгинул! Мы с ним раньше много общались, а потом он куда-то пропал...
- Это ты просто в церковь не заглядывал. Он там много веков на свечи смотрел.
- Знаете, Юмала очень много помнит о стародавних временах, совсем-совсем древних, когда Москвы ещё не было, - сказал Данила.
- А в новое время он, кажется, не вписался, - прибавила Фригг. Данила не понял, был ли её тон ироничным или грустным.
- Но, если что, он сможет сражаться? - осведомился Перун.
- Сложно сказать. Он хандрит постоянно.
- Ну, если ситуация такая, как вы говорите, то тут есть, от чего захандрить.
- Мы как раз к тебе и пришли, чтоб предупредить тебя.
- Хозяйка, если потребуется сражаться, только позовите — и я примчусь к вам с быстротой молнии!
- До Солнцеворота они точно ничего предпринимать не станут, - заверила Фригг. — У богов не принято устраивать эксцессы под Солнцеворот, и этого обычая даже Новые не смеют нарушить. А вот после Солнцеворота от них можно будет ожидать каких-нибудь выпадов...

Зимний солнцеворот

Двадцать первого декабря с утра Даниле приснилось, будто тётя Зоя пришла из церкви, стоит в кухне и делится впечатлениями: священник вышел к народу в спечовке и сказал, что теперь, мол, всё по-новому, и черти в аду отныне будут называться хелл-менеджеры, а ангелы в раю – хевен-менеджеры, а свечи будут только электрические. Она негодовала: «Не позволю, чтоб живым людям такое предлагали!» - и банки с соленьями, стоящие рядами под столом, позвякивали в такт её голосу. Потом прибежал Тошик – но шерсть у него была почему-то чёрная.

На этом сон обрывался.

Встав с постели, Данила вспомнил: сегодня Солнцеворот. И вечером боги ждут его в лесу.

Когда стемнело, и улицы стали янтарными от фонарей, а сугробы покрылись синеватыми и бордовыми тенями, Данила оделся потеплее, вышел из дому и зашагал туда, где за белёсыми советскими девятиэтажками чернел ельник. С опушки доносился собачий лай: был час вечерних прогулок. Мимо низкой ограды, отделяющей лес от дворов и переулков, сновали человеческие фигуры. Там, где ограда заканчивалась, и над утоптанной бежевой тропкой, ведущей в пахнущую хвоей черноту, кивал заснеженной головой куст, стояла безмолвная компания. Курчавились косматые воротники, высились меховые шапки, посверкивали металлические застёжки, побрякивали подвески. Данила ещё издали узнал, кто ждёт его: Нума, Сослан, Тенгри, Фригг. Без лишних слов они вошли под лесной свод.

Атмосфера в лесу ночью была таинственная и немного жуткая (потому что в эту ночь духи ходили по ельнику, не таясь) - но не тревожная. На просеках попадались прохожие, некоторые даже с собаками, но они не обращали внимания на странную компанию. С широкой просеки Данила и его спутники свернули на едва заметную стёжку в густом подлеске и пошли петлять среди упругих ветвей, одетых снежным пухом. Светила яркая полная луна, и это позволяло забраться глубоко в чащу без риска переломать ноги.

- Мне так чудно, - удивился Данила. - Я самый обычный человек — и вдруг праздную солнцеворот с богами!

- А что тут удивительного, - ответила Фригг, легко перепрыгивая через поваленный ствол с высоким гребнем снега. - На Солнцеворот все люди, даже самые что ни на есть обыкновенные, всегда пировали с богами!

Боги лёгкой походкой шли впереди, а Данила плёлся в хвосте — а ведь он считал себя не последним скороходом. Лунный свет щедро лился на тропку, и парень то видел впереди себя тёмные спины спутников, то вдруг терял из виду, хотя лишённый листьев подлесок был не настолько густым, чтоб полностью скрыть рослую фигуру от глаз.

- Почему вы то появляетесь, то исчезаете? - удивился Даня. - Вы что, плутаете по кустам?

- Мы всё время идём по прямой, - повернулся к нему Нума. - Просто разные участки пути пролегают по разным мирам.

Такой ответ показался Даниле исчерпывающим, - хотя, если б его спросили, что именно он понял, он не смог бы объяснить.

- А далеко нам ещё? — поинтересовался парень.

Нума ответил:

- Как ты знаешь, у этого леса есть светлая и тёмная часть. Мы будем разжигать наш костёр на том месте, где они сходятся.

Вскоре они вышли на небольшую уединённую поляну. Потоптанная тропинка здесь как-то сходила на нет, дальше простиралась снежная целина. Боги перестали идти след в след и, расположившись шеренгой, направились прямо по глубокому снегу к середине поляны, каждый своим путём. Данила, замешкавшийся у края поляны, взглянул на них — и увидел, что на каждого из богов освещение падает по-особому, не как на других. Вначале он принял это за игру луны в тучах, но, присмотревшись получше, понял, что дело не в лунном свете.

«Они освещены по-разному, потому что сейчас каждый из них в своём измерении!»

- догадался Даня.

Но вот боги сошлись в центре поляны. Даня поспешил к ним и тоже встал рядом.

Тенгри воткнул в снег невесть откуда взявшуюся слегу, и на её вершине что-то заискрилось синевой.

- Никогда раньше не праздновал Солнцеворот при луне, - светским тоном заметил Данила. (Сказать по правде, он до сих пор вообще никогда не праздновал Солнцеворота).

- Это самый лучший расклад, - сказала Фригг. - Тогда тебе придадут силу оба светила!.. Но нам нужен и костёр: без него не обойтись.

- Нам надо будет натаскать дров? — с готовностью спросил Даня, но в следующий миг чуть опустил глаза и увидел, что на поляне уже откуда-то появилась немаленькая куча хвороста. Все ветки выглядели сухими, и на них не было ни снежинки.

- Ничего себе! — вполголоса произнёс юноша.

- А теперь надо зажечь, - продолжала Фригг. - У кого-нибудь есть, чем выбить огонь?

У Данилы в карманах не оказалось ни зажигалки, ни спичек.

- Придётся по старинке, - вздохнул Сослан. Он скинул свою громоздкую меховую куртку. — А ну-ка, разойдись! — и он легко подпрыгнул вверх — как показалось Даниле, до самых вершин елей.

Когда он приземлился, разбрызгивая вокруг снег, рядом с ним покатило что-то небольшое, искрящееся позолотой.

Сослан поймал в ладони сверкающий предмет.

- Вот, сбил с небосклона звезду, - пояснил он. - Сейчас я положу её среди хвороста, и из неё разгорится костёр.

Заплясал весёлый огонь. И чёрные стволы вокруг поляны надёжно защищали его от посторонних глаз.

Хозяин Неба вынул из-за пазухи своего необъятного тулупа глиняную флягу в кожаной оплётке, отпил из неё сам, затем передал Нуме и Фригг, а после, чуть подумав, Сослану.

Данила попросил:

- Мужики, дайте и мне хлебнуть! А то я сегодня лопухнулся и собственную выпивку купить не успел.

- Смотри: под твою ответственность, - сказал Тенгри, протягивая ему фляжку. — Это напиток богов; говорят, люди после него начинают видеть мир в ином свете. Но не все способны осилить такие впечатления, и некоторые сходят с ума. Не боишься?

- Судя по тому, что я уже целых два месяца общаюсь с богами больше, чем с обычными людьми, я либо уже сошёл с ума давным-давно, либо мой рассудок вообще ничто не способно поколебать.... Ну, за Солнце!

Данила припал к глиняному горлышку и ощутил пряный травянистый вкус густого отвара. Пил он, запрокинув голову, и луна лила свет прямо на его лицо сквозь тучи.

Небеса превратились в песню, снега превратились в песню, лес превратился в песню. Луна была большим палевым шаманским бубном, и из её центра плыли в чащу напевы:

*Пёстрый век суеты
праздник не стёр.
Мы среди темноты
ладим костёр.*

*Разгорайся, огонь!
Ночь не права!
Золотая ладонь
гладит дрова.*

Даниле казалось, что эти слова и этот напев сейчас возникают впервые как порождение именно этой ночи и этого леса, - но при этом будто бы он уже слышал когда-то в далёком детстве — или вовсе до появления на свет.

*Всё, что было в сердцах -
больше не врозь.
На холодных камнях
солнце зажглось.*

*Ни преград, ни оков -
- небо, светлей! -
это время стихов,
время огней.*

*Ход безумных планет,
синь-синева.
Будет день, будет свет,
ночь не права!*

*Сгинет скорбь, сгинет страх -
и вознесёт
нас на ярких крылах
Солнцеворот!*

Когда песня закончилась, заговорил Нума.

Звучание языка, на котором он держал речь, было диковинным для Данилы, и тем не менее, он понимал каждое слово:

Огонь теплится. Он тихо пожирает дерево. И со всех сторон наползают к огню различные существа: без имён, без кличек, без номеров. Некоторые из них еще не имеют

четко оформленной души. Но она вот-вот родится. Вот-вот из огня родится солнце – и оно будет во всех мирах.

Пламя горит. И дерево пьянеет от раскаленной огненной крови. Дерево горит. Дерево становится огненным, становится величиной с целый мир, устремляется ввысь. Там, где-то за облаками его самые верхние ветви соединяются с его корнями, и оно становится бесконечным деревом: то алым, то белым, - словом, такого же цвета, какого цвета огонь. А безымянные существа смотрят из темноты: призрачные, вымышленные. Их, вроде бы, и нет, но их присутствие ощущается, и скоро они проявятся. Древо Предела раскинуло свои ветви во все стороны...

Дерево бесконечно. И корни его соединяются с его ветвями. Пламя пожирает дерево. Дерево превращается в пламя. Древо Предела есть солнце, - как высший вселенский белый огонь.

Огонь горит. Он соединяет собою миры. Наверно, он – единственное, что может их соединить, потому что огонь и солнечный свет не отличаются друг от друга и наяву, и в сновидениях, и во всех мирах.

— А когда отзвучала чарующая иномирная колдовская речь, огонь заплясал веселее — и лес наполнился звуками музыки.

Данила посмотрел на своих спутников: у всех, сидящих вокруг костра, были в руках музыкальные инструменты: Нума сидел с бубном, Фригг перебирала струны небольшой арфы, Тенгри играл на домбре, Сослан на свирели. Среди стволов двигались тени: кто-то в облики большого волка ритмично подвывал.

*Вот бледнеет, вот светает.
Старый год стремительно тает.
«Тик-тик-тик», - стрекочут спицы
солнечного колеса.
И совершаются незримые чудеса:
солнечный год из сырости и мглы родится!*

Песня летела дальше, ширилась и росла. Казалось — из её нот соткан весь небосвод, вся вселенная. Мелодия была проста, но не убога: каждая нота в ней была словно бы величественнее и крупнее, чем обычно.

*До Солнцеворота десять минут.
Молчат деревья в снежной броне.
Светилу — не изменить маршрут!
Невздам — сгореть в огне!
А я — среди этих стволов
строю лестницу к небу из слов,
воздвигаю в лесу — и в сознании —
множество
солнцеворотных костров.
«Тик-тик-тик», - стрекочут спицы*

*в солнечном колесе.
Солнце скоро родится,
и это узнают все.*

И всё слилось. Уже не было ясно, кто в каком мире, и сами деревья кивали заснеженными ветвями из нездешнего измерения. Над землёй ещё царила ночь — но вдруг иссиня-чёрный небосклон со звёздными блёстками посветлел — ночь не ушла, но синий цвет небесного купола стал более ярким, лёгким, - и одновременно в душе словно тоже повернулся выключатель, и что-то зажглось:

Вот и канул, канул ночи лихой оскал...

Солнцеворот —
настал!

Вместо третьего чаепития

Уже пять дней прошло с той поры, как небесное колесо повернуло на летнюю половину года — а на старой московской окраине с патриархальными пятиэтажками из тёплого бурого кирпича и глянцевыми, как бы пластмассовыми, новостройками — по утрам по-прежнему царил темнота.

Данила не любил вставать до свету, но сегодня его разбудила возня в коридоре. Поскуливал Тошик, брякал карабин поводка, шелестели шаги хозяйки. Тётя Зоя собиралась вывести своего любимца на утреннюю прогулку на час раньше обычного, чтоб уйти на весь день: она ещё позавчера говорила Даниле, что в этот день собирается в поликлинику и ещё в какие-то учреждения.

Возня в коридоре становилась всё более сильной; шелест шагов сменился сухим стуком — очевидно нога ударилась о мебель, - затем раздался «ох!» и послышалось истеричное щёлканье выключателем и недовольный голос тёти Зоя: «Фу-ты ну-ты! А чего это света нет!»

Данила вскочил с постели, нажал выключатель в своей комнате, но там по-прежнему было темно. Он посмотрел в сторону незанавешенного окна: темнота во дворе была не привычного бордового оттенка, а густо-синего: ни один фонарь во дворе не горел.

И вдруг на улице громко зашелестело, загрохотали удары по наружному подоконнику. Данила метнулся к окну — а за окном было не видать ни двора, ни домов из-за струй слепого дождя.

- Нет, Тошечка, сейчас мы никуда не пойдём, потерпи немного, - раздался из коридора растерянный лепет старой женщины. — Смотри, какой дождь зарядил — чисто всемирный потоп. Да ещё в это время года — обалдеть! Вот какие нынче погодные аномалии!

Надо отдать должное маленькому пятнистому кобельку: он был терпелив.

Через полчаса «аномалия» закончилась так же резко, как и началась. Над Москвой забрезжил день: вроде бы, он обещал быть солнечным, да только небесный свет был какого-то не того оттенка, какой обычен в этом часу в это время года в умеренных широтах.

Разумеется, заметить перемену в нюансах освещения могли только те, кто не спешил в этот час на работу и не прикипал взглядом к экрану — а всматривался в небосвод...

Именно этим сейчас и был занят Данила. Он стоял во дворе среди обширных луж в ледяных чашах и оседающих сугробов, чувствовал, как влага пробирается в не по сезону тонкие кроссовки (непромокаемой обувью он так и не успел обзавестись), а Тошик рядом обнюхивал полупрозрачный крупитчатый снег и кусты с внимательным выражением глаз, словно читатель, попавший в библиотечный зал с очень интересными газетами. Тётя Зоя, задержанная внезапным ливнем, рисковала опоздать в то место, где её ждали, и поручила

выгул кобелька своему жильцу, а сама быстро выбежала из квартиры, впрочем, не забыв сменить зимние ботинки на резиновые сапоги.

- Ну и освещение! - удивлялся Данила сонно-абрикосовому оттенку небес. - Прямо как на станции «Улица академика Янгеля»!

Переведя взгляд вниз, парень заметил в противоположном конце двора фигуру в длинной шубе, очертания которой показались ему знакомыми.

Тошик тоже заметил приближающегося человека; сперва насторожился и наострил уши, а потом завилял своим хвостом-пионом.

- Нума? - воскликнул Данила. - Здравствуй! Сейчас закончу выгуливать собаку, поднимемся ко мне: хозяйка как раз ушла... А где остальные?

- Я как раз пришёл сказать, что остальные сегодня не придут. Да и я скоро уйду: мне надолго задерживаться нельзя.

- Ох, я и забыл: мою хату же засветили! - парень непроизвольно притянул поводок Тошика к себе, словно желая заслонить кобелька от неведомой угрозы.

- Хата — это ещё не такая беда, - ответил Нума. - мест для встречи в Москве много. Тут кое-то похуже... Скажем так: у нас, богов, дела, скажем так, не очень весёлые. Ты сегодня с утра заметил что-нибудь необычное?

- Ну, сейчас в небе оранжевость странноватая какая-то. А перед рассветом электричество пропало, а потом вообще ливнище хлынул — теперь весь двор в лужах, и я, кажется, уже ноги промочил.

- А ты представляешь, из-за чего так может быть?

- Да наверняка техногенное что-нибудь.

- Почти угадал. Консюм сегодня ночью вызывал старых богов на встречу с Новыми. Чтобы, как он выразился, «до конца календарного года закрыть вопрос о потенциальном конструктивном диалоге».

- Да, узнаю его стиль. Но, помнится, я от него другое слышал. При мне он грозился «в обозримом будущем решить проблему старых богов». А тут вдруг «конструктивный диалог»! Неужто передумал и решился на мировую?

- Вот, и мы понадеялись, что нам всё-таки удастся договориться о мирном сосуществовании. Ведь любители выгоды могли подсчитать, что вечная ссора невыгодна... На встречу пошли: я, Тенгри, Сослан, Перун и Афина Паллада.

- А Юмала с вами был?

- Юмала сейчас лежит и никуда не выходит: депрессия у него... А встречу Консюм нам назначил на территории «Нефтехимии» в Капотне.

- Это, что ли, в офисе Нга?

- А вот слушай дальше... По началу мы как будто начали договариваться, как нам всем вместе жить в Москве и при этом не мешать друг другу, - как вдруг тётушка Омниа начала настаивать, что мы будем обязаны ежедневно отчитываться ей о том, с кем из людей общались, а иначе она ни за что не согласится мириться с нашим существованием. Когда её попытались урезонить, она устроила скандал, не слушала ни своих, ни чужих. Консюм сказал, что переговоры сорваны, и что произошло это по нашей вине. А потом дядя Технократ электричество вырубил.

- На нефтехимическом предприятии? Он вообще бог или самоубийца?! Если там электричество рубануть, то системы безопасности встанут, и всем придёт хана!

- Мне сперва тоже показалось, что он так поступил сгоряча: вскипел как электрочайник. Но потом я смекнул, что нас заманили в ловушку и пытаются погубить. Нам бы раньше смекнуть, когда он назначил такое необычное место встречи...

- А как же те, кто провидит грядущее? Разве они вас не предупредили?

- В том-то и дело, что они, по какому-то несчастливому стечению обстоятельств, не успели заглянуть в будущее. Гуаша накануне улетела в Адыгею, чтоб срочно рассудить ссоры каких-то горных духов. Фригг тоже не может прийти, она в университете сессию принимала. Ну, и другие, кого ты не знаешь, тоже почему-то именно тогда оказались заняты...

- Но как вам удалось спастись? - нетерпеливо спросил Данила.

- Электроснабжение восстановил Перун.

- От молнии, что ли, запитал?

- Если вкратце, то примерно так он и сделал.

- И никто не погиб?

- Ни мы, ни наши противники. Хотя последнее тебя, наверно, не так сильно обрадует... Когда электроснабжение восстановилось, они замкнули проводку и чуть не устроили пожар. Пришлось срочно вызывать дождь, чтоб потушить его.

- Так вот почему с утра ливень был!

- А как же! - с ноткой самодовольства ответил Нума. Но в следующий миг его лицо стало печальным. - А Сослан ранен. Когда он увидел, что собирается сделать Технократ, то помчался оттаскивать его от электрощитка.

- Это Технократ его? - Данила сочувствовал бесстрашному кавказскому полубогу.

- Нет. Верхушка Новых ведь туда не в одиночку явилась; они же часто со свитой ходят. К Сослану подбежали Технократовы подручные. Уж не знаю, как их зовут: одеты как он, а на вид моложе и лица раболепные — очевидно, какие-то мелкие индустриальные духи. У одного из них оказалась отвёртка — и он ему прямо в плечо!

- И где теперь Сослан?

- Точное место никому, по понятным причинам, знать не велено. Но сейчас Гуаша лечит его. Мы срочно вызвали её в Москву.

- А что в итоге? Вы Новым наваяли как следует? Отомстили за товарища?

- То, что я сейчас рассказываю, - помрачнел Нума, - касается судьбы человечества. А ты как мальчишка: «наваяли»! У нас с Новыми не футбольный матч, и цена победы — не пластмассовый кубок!

- Ну, пожалуйста, не обижайся! Я признаю: я, дурак, в очередной раз брякнул не то! Но Сослана мне реально жалко, ты не думай!

- У меня и в мыслях не было, что тебе может быть наплевать на его судьбу... Когда мы отбили его и стали выводить за территорию завода и уже подходили к воротам...

- А телепортироваться по-быстрому вы разве не могли?

- С обессиленным товарищем на руках это сложновато даже богам... Так вот, когда мы подходили к воротам, нас догнал один низший банковский дух и передал записку от Консюма и тётушки Омнии.

- А им самим запаadlo было к вам выйти?

- Видимо, да. В записке сообщалось, будто мы продемонстрировали, что, цитирую, «проведение конструктивного диалога» с нами невозможно, поэтому остаётся разговаривать с нами только с «позиции силы». Другими словами, Новые, поняв, что нас не удалось ни обхитрить, ни погубить, решили вызвать нас на бой!

- И что же теперь делать?

- Теперь только и остаётся, что готовится к сражению. Но нам, богам не привыкать.

- Блин; ведь Новый год скоро! Хотя, если честно, настроения праздничного нет после таких новостей!

- Битва состоится не прямо сейчас, а в феврале.

- Ещё не легче: у них же столько времени на подготовку будет! И пока я буду под куранты шампанское распивать, они будут держать совет, как нас вернее сжить со свету!

- Насколько я знаю наших противников, по крайней мере до середины января им точно будет не до того. Вот после середины месяца уже можно готовиться к серьёзным провокациям, но не раньше. Новые тщательно соблюдают новогодние праздники: ведь именно в этот период люди угождают им с особым усердием.

- Ну да, Консюм, небось, расцветает от предновогодних распродаж!

- Не только он один. В эти недели много внимания достаётся и Рекламе, и Дедушке, и Дяде Технократу. Даже Пропаганда находит отраду в разнообразных общественно-полезных акциях.

- Но у них ещё Экономический Кризис есть. Этот, кажется, не склонен долго развлекаться. Да и потом, собаки же в принципе Новый год не любят — из-за петард!

- Не забывай, Экономический Кризис — не простая собака, а бог! И ему по душе любые мероприятия, лишь бы Консюм после них хорошо его кормил.

- А вы, боги, что собираетесь делать: готовиться к обороне или отмечать Новый год?

- Самый главный новый год природы мы с тобой уже отметили пять дней назад в лесу. Но в конце декабря и первой половине января мы всё время наготове: выслушиваем мольбы людей, исполняем их желания и принимаем от них подношения: сейчас ведь не все помнят о Солнцевороте, а чудес и разговоров с богами ждут именно в ту пору, когда зажигаются ёлки... А Юмале надо будет по возможности не отлучаться из своей церкви: ведь грядёт Рождество.

- А мне-то что делать?

- Пока ничего: когда боги вступают в битвы, смертным лучше держаться подальше. Но на всякий случай, пока не едешь в центр и старайся пореже появляться в общественных местах. Сиди дома, гуляй в лесу, веди хозяйство. Помогите тётке Зое сделать предновогоднюю уборку и нарядить ёлку. Порежь овощи для салатов. Телевизор не смотри: всё-таки разумнее лишний раз не попадаться на глаза Дедушке. Лучше уж, если будет нечем заняться, перечитай классиков мировой литературы: в твоей комнате, я видел, книжная полка стоит, на которую с советских времён никто не заглядывал.

- А если, неровен час, что случится?

- Мы сами дадим тебе знать.

- То есть, мне пока залечь на дно и ждать указаний?

- Именно так.

- Ясно... Честно, я просто в ауте, какая у вас с утра хрень чудовищная произошла!

Вы там держитесь... - Данила осознал, что этот беспомощный лепет не годился в качестве ободрения для богов, держащих в руках судьбы небес и земли, - но он был настолько выбит из седла новостями, что ему не пришло в голову никаких оригинальных фраз.

Северный бог сделал несколько шагов прочь и скрылся из виду.

Данила повёл Тошику в дом.

***

Для Данилы это был первый за пять лет Новый год на свободе, и он, - даром, что утверждал, будто у него нет праздничного настроения, - окунулся в предпраздничные хлопоты как изнемогающий от палящего зноя пустынный - в прохладный водоём в оазисе. Тётю Зою не удивляло, что жилец проводит всё время с ней: она отлично знала, что у него нет родни и уже больше нет друзей. (Лишь один раз она походя бросила: «А ты со своими коллегами-то по работе отмечать не собираешься?») - но, кажется, даже не стремилась получить ответ).

Данила благодарил судьбу за то, что она послала ему пару недель мирной обыденности. Он с нетипичным для молодого парня энтузиазмом выскребал пыль в дальних углах квартиры, чистил картошку для оливье, развешивал по ветвям пластмассовой ёлки старые верные новогодние игрушки советских лет. Но всё же какая-то частичка его сознания всё время была настороже и не давала ему окончательно забыть, что блаженная обыденность — лишь временная передышка перед новыми испытаниями и трудностями, очевидно, ещё большими, чем прежние. Когда он во время генеральной уборки передвигал какой-нибудь комод, то вчуже думал: «А ведь этот комод будет точно так же стоять в комнате, если я сгину во время какого-нибудь столкновения богов». Когда он помогал тётке Зое нести из магазина сумку с продуктами для праздничного стола, ему в голову приходило: «Хорошо, что на праздники удастся досыта наесться вкусных блюд: в будущем может начаться такое, что потребует много сил и энергии». Когда он брал в ладонь ёлочные игрушки, изготовленные за много десятилетий до его рождения, то стеклянный бородач в халате и тюрбане казался ему похожим на Тенгри, а толстобёдрая барышня в аляповато раскрашенной шали напоминала тётушку Омния. Когда он успокаивал Тошику, испугавшегося грохота фейерверка во дворе, то говорил себе, что петарды в руках подростков — это всё-таки не то же, что молнии, которые порой мечут боги.

Данила хорошо помнил наказ северного демиурга. Он избегал общественных мест, насколько это было возможно, и при походах за продуктами выбирал крошечные магазинчики в своём квартале. В новогоднюю ночь он отказался смотреть с тёткой Зоей «Голубой огонёк», сославшись на то, что ему не нравится такая музыка. К счастью, выяснилось, что тётке Зое она тоже не нравится, и пожилая хозяйка с радостью выключила телеэкран и достала из шкафа антикварный, но ещё рабочий плёночный магнитофон и пару кассет, а потом трогательно рассказывала о праздниках своей юности. Впрочем, она даже в новогоднюю ночь предпочла лечь спать не слишком поздно.

Погром у тёти Зои

В тот год новогодние выходные длились почти до самого Старого Нового года.

Несмотря на то, что зима была в самом разгаре, оттепель в городе стояла такая, что, казалось, на землю снизошла некая январская весна, жаркая и буро-зеленоватая. Высокие пышные сугобы по обочинам в одночасье обглодал сырой ветер.

За окном почти каждый день раздавались звуки дождя — словно кто-то катил по асфальту дребезжащую тележку.

На календаре было 12-е число, за окном небеса над крышами соседних домов уже давно приобрели густой синий оттенок. Тётя Зоя на кухне нагнулась возле раскрытой дверцы стиральной машины, чтоб положить туда бельё, - как услышала в коридоре возню и топот.

- Даня, ты? — крикнула она. - Чтó, уже купил сигарет своих? - (Данила пятнадцать минут назад ушёл в табачный ларёк). — И как ты входную-то дверь открыл, что она не скрипнула и замок не щёлкнул?

Но в ту же секунду в коридоре раздался цокот мелких когтей по полу, а потом тётя Зоя услышала, как Тошик разразился яростным лаем. В ответ на этот лай от входной двери донеслось глухое басовитое рычание. Недоумевающая пенсионерка выглянула в коридор. Тошик неистово облаивал незваных гостей. Их было трое: ражий детина с необыкновенно крупным питбультерьером на коротком поводке, дебелая бабища с вульгарной причёской (такими иногда изображают рыночных торговков на карикатурах) — и коренастый мужичок в заношенной клетчатой рубашке. Не успела тётя Зоя удивиться, как мог кто-то проникнуть в квартиру сквозь крепко запертую дверь — а они уже ввалились на кухню. Кобелёк прибежал туда впереди них и встал за спиной у хозяйки.

- Ну, старуха, выкладывай! — рявкнул парень с питбулем.

- У меня, ребята, грабить нечего, - глядя на обувь вошедших, произнесла тётя Зоя. — Ценностей нет, а пенсию уже истратила всю.

- Очень нам нужны твои копейки, - буркнула баба. — Этого добра у нас у самих навалом. Нам твоего квартиранта надо — Данилку Тенюхина!

- Данилы нет, - с каждой фразой голос тёти Зои всё больше выдавал испуг. — Чем он перед вами проштрафился-то? Должен он вам, что ли?

- Ну, может, и должен. — Ответ тёти Зои почему-то вызвал у парня с питбулем брезгливое раздражение. — Столько должен, что в триста лет не расплатится. Куда он ушёл?

- Откуда же мне знать?

- А если подумать? – с издёвкой произнёс парень и дёрнул питбуля за поводок, от чего тот оскалил клыки.

- Говорю же: не знаю! Он мне не отчитывается.

- Допустим, мы тебе поверили. Но может, ты знаешь, кто к нему ходит? У него же гости бывают, да? Так вот кто они?

- Ну, не знаю... Эти, с которыми он работает, наверно...

Баба отвернулась от тёти Зои и обратилась к парню с питбулем. (Мужик в клетчатой рубашке участия в разговоре не принимал, а просто стоял у дверей кухни и обводил всё вокруг тяжёлым взглядом). Она говорила так, словно тётя Зоя не сидела здесь же в углу на табуретке:

- А вдруг мы всё-таки ошиблись?

- Исключено. Старуха же телевизор смотрит. Вот Дедушка через него и наблюдал. Они точно собираются здесь.

«Торговка» призадумалась, затем сменила грозный оскал на слащавую улыбку и вкрадчиво пропела тёте Зое:

- Бабушка! Твой квартирант – очень опасный человек.

- Да что вы! Данилка – такой добрый парень! Да, я в курсе, что он сижалый – но сейчас с прошлым завязал, честно живёт.

- Он водит сюда подозрительных личностей, и они вместе затевают что-то непопозное, - тем же вкрадчивым тоном продолжала баба. – Когда он придёт, ты нам сразу сообщи, телефончик мы тебе дадим; ночь-полночь, а всё равно немедленно телеграфируй нам, мы сразу и прибудем!

Тётя Зоя вскочила с табуретки и впервые посмотрела своим визави прямо в лицо: отважно, гневно:

- Вы за кого меня принимаете, прохвосты! Чтобы я да на живого человека стукнула! И как у вас язык повернулся такое мне предлагать!

- Не согласишься, тебе же хуже.

- Да я Данилку уже три месяца знаю, и ни разу мне от него никаких подлостей не было! А вас я вижу в первый раз, и вы войти не успели – как сразу лаяться!

- Делай, что тебе велят, дура старая!

- Как вы себе позволяете разговаривать с пожилым человеком!

- Это ещё вопрос, кто из нас старше! – зыкнула баба. При этом моложавая «торговка» на мгновение обернулась иссохшей мумией с безумными пылающими глазами, а в следующий миг вновь приняла свой прежний вид и процедила:

- Ты, бабка, сама не представляешь, на кого сейчас наехала. А если ты сейчас не ответишь на наш вопрос, то все сбережения, которые у тебя отложены на похороны, ты можешь использовать по назначению уже сейчас. Мы тебе устроим! От тебя все отвернутся! Тебе водку в магазине продавать не будут даже по паспорту! Мы на тебя Экономический Кризис напустим!

- Хватит мне угрожать! – осмелела тётя Зоя. – Ишь, вломились, ругаются, запугивают! Да ещё собаку свою науськивают!

Действительно, в этот момент Экономический Кризис наострил купированные уши, оскалился и зарычал. Его морда была обращена под ноги тёти Зои, где стоял Тошик.

Один кинолог говорил про породу японский хин, что в груди у этих крошечных собачек бьётся сердце льва. Тошик почуял, что хозяйке грозит нешуточная беда – и атаковал первым. Короткий поводок питбуля туго натянулся, строгий ошейник врезался в шкуру – и страшные клыки Экономического Кризиса щёлкнули всего в паре сантиметров от бока Тошика. Кобелёк отступил из-под ног хозяйки под стол; было слышно, как он протискивается там между банок с соленьями. В это время «торговка» ударила тётю Зою

по лицу. Рука у бабы была мощной, и хозяйка полетела на пол вместе с табуреткой. Парень тяжело и грозно шагнул к ней, громыхая башмаками. Тётя Зоя не могла подняться. Питбуль глухо рычал, торговка бранилась и угрожала, Тошик яростно и звонко облаивал незваных гостей. Мужик в клетчатой рубашке тем временем по-прежнему стоял в коридоре и деловито вытаскивал что-то из незамысловатого кнопочного мобильного хозяйки, отыскавшегося на тумбочке, отсоединял провода от старого городского телефона...

Но вот Тошик подскочил и вцепился «торговке» в ногу.

Та взвизгнула, охнула, парень дёрнулся, питбуль рванулся... Визг, скачущие тела. Звон банок, грохот падающих предметов.. Тётю Зою, с большим трудом поднявшуюся было с пола, опять сбили с ног. Она увидела, как её любимец с истрёпанной, потемневшей от каких-то жидкостей шерстью, опять бросается на тётку, но та вытягивает руку по направлению к нему, издаёт зычный рёв (что-то вроде «Злыезыкистрашнеепистолета!») – и собачка, обмякнув, рухает на пол, в размазанные лужи огуречного рассола, где мокнут осколки стекла, газетные листы и рассыпанные приправы.

- Ироды! Тварь бессловесную не пощадили! – захлёбывалась тётя Зоя.

- И с тобой так же будет, если не подчинишься нашим требованиям! – куражится компания и уходит, не стукнув дверью.

Когда Данила в благодушном настроении отпер квартиру своим ключом, он ещё из прихожей увидел разгром на кухне и тётю Зою, которая сидела на полу в луже слякоти, прижимая к груди замызганную шкурку – и голосила...

***

Данила попытался отыскать валерьянку, но то ли её не держали в квартире, то ли пузырьки разбились и растоптали при погроме. Тётя Зоя билась в истерике и рыдала; он уложил её на кровать в маленькой комнате. Он обнимал пожилую женщину за хрупкие плечи. Лепетал слова утешения, как умел. Она всхлипывала: «Вломились... подрались... не пощадили... ироды... в полицию на них подать...»

Данила послушно подошёл к городскому телефону, поднял трубку, но в ней была мёртвая тишина.

- Не надо в полицию! – вдруг послышался за спиной знакомый голос.

Данила обернулся. В прихожей стоял Нума. Данила не слышал звука открывающейся двери и хорошо помнил, что запер за собой.

- Нума! Ты пришёл! Тут с тётей Зоей беда: кто-то приходил, её напугали, избили, кухню разнесли, а бедного Тошика вообще... Ну, блин, отморозки! Собачку убили, на пожилого человека руку подняли!

- Она говорила, кто это был?

- Она не в том состоянии... Успокоительного бы... Я валерьянку найти не могу.

- Зачем валерьянка? Водка у неё есть?

- Уж это у тёти Зои всегда есть!

Нума взял из рук Данилы налитый до краёв стакан, высыпал туда немного зеленовато-коричневой лиственной трухи из мешочка, вынутого из-за пазухи, размешал и передал Даниле:

- Пусть выпьет. Потом заснёт. Сон лечит душевные раны.

Когда рыдания на кровати сменились ровным дыханием спящей, Нума вышел на кухню, потянул носом воздух и подозвал к себе Данилу:

- Плохо дело. Здесь были Новые. Они искали тебя. Это значит, что тебе больше нельзя оставаться здесь ни минуты!

- Как же я брошу тётю Зою в таком состоянии!

- Поручи её мне. Сегодня вечером я буду врачевать её душу, - и Нума тряхнул откуда-то взявшимся в его руке белым бубном с мехом на обечайке, - а завтра она встретится с подругой, которую много лет считала пропавшей, и они вместе поедут на родину этой подруги в далёкую деревню. Там нет телевизора и магазинов, так что её там не выследят.

- Эх, вот не вовремя же всё это произошло! Все, кого я знаю, или заняты, или не здесь! Тенгри в Киргизии, Сослан тоже где-то в отъезде, Фригг экзамены у студентов принимает, а Юмала вообще не в кондиции! Хорошо хоть, ты пришёл!

- Спасибо. Но слышишь, уходи немедленно. О тётё Зое я позабочусь. А тебе здесь оставаться опасно! Быстрее беги к моему побратиму Лезе. Переночуешь у него. Запомни: Леза. Он тебя укроет.

- А как я его узнаю? Кто он?

- Я же сказал: мы с ним побратимы. Он демиург и я демиург. Я на небе и он на небе. У меня голос – гром, и у него голос – гром. Я насылаю бурю, и он насылает бурю. У меня подол радуга, у него глаза – молнии. Но он грознее меня и повелевает мощными ливнями. Он царюет в тех краях, где не знают снегов и буранов, а люди черны и стройны...

- Ты меня, что ли, в Африку посылаешь? Не время сейчас для шуток!

- Разве я сказал: в Африку? В общежитие РУДН. Лезу всегда там можно найти.

- Да, там же студенты тропические учатся!

- Вот-вот. Адрес – улица Миклухо-Маклая... - и он назвал номер дома и номер корпуса общежития.

- Но разве Новым не составит труда выследить меня в таком месте, да ещё в довольно оживлённом районе?

- Как раз Консюм и компания понимают, что залучить на свою сторону студентов им будет не так уж просто. Денег у студентов, как правило, мало, телевизор им смотреть некогда, над рекламными роликами они смеются. Разве что Пропаганда может к ним найти подход: студенты ведь могут интересоваться политикой. Но сейчас идёт сессия, и им не до того. К тому же, в этом общежитии много иностранцев, а из них многие стремятся вдали от родины усерднее чтить своих родных богов.

- А Общественное Мнение? Разве тётушка Омния к ним не заходит?

- У студентов обычно свои мнения! А если увидишь что-нибудь подозрительное, сразу зови Лезу, он тебя защитит. Я вызову такси, ведь метро уже закрыли; езжай в Беляево. А я покуда похлопочу о тётё Зое.

Данила в общежитии РУДН

Несмотря на поздний час, массивная входная дверь на крыльце общежития была открыта, а внутри за стойкой не было видно ни вахтёра, ни охранника. Данила прошмыгнул на первую попавшуюся лестницу, пешком пробежал несколько этажей, затем вышел с лестничной клетки в гулкой сумрачный коридор и, осторожно ступая, начал двигаться мимо длинного ряда закрытых дверей.

Среди них оказалась одна открытая; за ней горел свет и взгляду представала общежитская кухня с потёртой светло-голубой штукатуркой на стенах. Умиротворяюще журчала вода в обшарпанном кране, побулькивал чайник на плите. На стене красовалась крупная рукописная табличка «Ком. 403, верните кастрюлю!» У стола молодая негритянская девушка в обтягивающем сарафане проворно резала овощи. «Фигура как у Афродиты!» - оценил мимоходом Данила. А дальше его мысли бесконтрольно поползли по привычному руслу: «А кто знает, может, это как раз замаскированная Афродита и есть. В Москве боги ведь могут встретиться где угодно...» И тут он спохватился: оказывается, он уже так давно общается с богами, что отвык от обычных людей (не считая, конечно, тёти Зои). Он надеялся, что хоть в общежитии его ждут простые студенты, бытовые разговоры и лёгкие шутки – всё человеческое, домашнее – а не архисерьёзные рассуждения о судьбах мира и тысячелетних распрах...

Но вот в коридоре раздались шаги и смех, и по-ночному таинственное пространство тотчас сделалось обыденным. В кухню вошли трое весёлых черноволосых студентов с бутылками и пакетиками чипсов в руках. Они поздоровались с негритянкой на русском языке с мягко шелестящим акцентом, затем самый рослый и весёлый из них (очевидно, заводила в этой компании) заметил у дверей Данилу:

- Добрый вечер. А ви, наверно, кь Альперу?

- Нет, я к Лезе... - ответил слегка растерянный парень, не задумываясь.

- Не знаю таких, он, навьерно, со второго этажа. Они там дисциплинирные, спать рано ложатся и всё учатся. А мы — отмечаем! Фредерико экзамены хорошо сдал, - он указал в сторону своих товарищей, которые вынимали из кухонного шкафа тарелки и какие-то банки со съестным.

- А пошли к нам в комнату! — предложил один из парнейков у шкафа. — У нас выпивки на всех хватит, и еда есть.

По дороге до комнаты, расположенной в дальнем конце коридора, Данила узнал, что один из студентов был из Венесуэлы, а двое — из Ирана, а учатся они на пятом курсе. Они посчитали, что Данила пришёл в гости к другу, тоже с целью отметить успешную сдачу сессии, и он не стал их разубеждать.

В комнате двое студентов-иранцев мигом переставили высокую стопку книг и тетрадей со стола на пол, расставили тарелки и банки, а после этого принялись

подвешивать под потолком натянутую простынь. «Чтобы Аллах не увидел, как мы сейчас вино пить будем!» - пояснили они ему.

«Лучше бы они телевизор этой простыней завесили, чтоб нас Дедушка не выследил!» - подумал Данила и оглядел комнату.

Но телевизора среди предметов обстановки не было. Нума был прав.

Даниле щедро налили полусладкого вина в эмалированную кружку, потом снова налили, и через некоторое время он, как был в куртке и ботинках, так и задремал на общежитской койке под гомон и бряканье посуды.

Ему снился бескрайний высокоэтажный город – он казался современным, но освещение в нём было таким, словно его зеркальные здания и многоуровневые эстакады были засняты на старую выгоревшую плёнку. Данила дошёл глухими переулками до подвального магазинчика с вывеской «Вино. Мясо. Книги», спустился по разбитым ступенькам. Но изучить ассортимент магазина оказалось непросто: вещи были текучими, превращались в руках совсем не в то, чем казались в начале. Увесистый фолиант оказывался стопкой белья, новёхонький синтезатор – дедовским картотечным ящиком с бумажками вместо клавиш, грозный револьвер – игрушечным бегемотом с глупыми нарисованными глазами. Содержимое некоторых полок было невозможно рассмотреть, потому что они были сплошь завешаны плакатами:

«Мы научим вас мечтать правильно!»

«Покупайте нити судьбы только в ателье «Три парки!»

«Все на борьбу с лишними сущностями!»

«А ты записался в отряд эйнхериев?»

- и многое другое, чего Данила не запомнил. Но во сне вся эта нелепица казалась ему осмысленной. Он постоял-потупил на красную плексигласовую табличку (такие можно увидеть в советском кино на дверях кабинетов или в общественных местах, где детали старой обстановки превращены в украшения). Золотистые буквы на ней были разлаписты, многогоги и напоминали осьминогов и других морских существ.

Данила стал перелистывать лежащую под руками книгу: что-то об истории культуры. На иллюстрациях жрецы, похожие на беглых каторжников, рыцари, будто напаявшие на туловище гигантские самовары, учёные с плутоватым прищуром, окружённые свитками и колбами, почему-то корова с крыльями... Данила почувствовал, что по таким иллюстрациям он уже может предсказать, что содержание текста ему совсем не понравится. Книга производила впечатление, будто её издали с опозданием лет на двести...

- Нет ли у вас более нового издания? – вежливо спросил он лупоглазую девчонку-продавщицу. – Это уже устарело.

- Значит, не устарело, понимаешь, раз его ещё не всё распродали! – зазвенела она в ответ и пустилась в пляс под музыку.

В реальном мире звенел и играл танцевальную мелодию чей-то телефон, оставленный у Данилина изголовья на подзарядке. У окошка венесуэльский студент взволнованно рассказывал товарищу: «Понимаешь, они всё распродали, чтоб послать меня на учёбу!»

Данила с минуту лежал с полуприкрытыми глазами, пытаясь сообразить, что может значить такой сюрреалистический сон. Слово «распродать» навевало неприятные мысли о Консюме. Может, мир сновидений хочет о чём-то предупредить Данилу или от чего-то предостеречь? Но, скорее всего, во сне оно попросту словил мысли общежитских студентов – порой остроумцев, порой тугодумов, – которые жаждут вина, мяса и увлекательных книг, потому что им за семестр набили оскомину кофе, доширак и

занудные книги... А могут ли влезть к человеку в сны Консюм, Омния или, скажем, Пропаганда?

Мало-помалу Данила полностью проснулся. Голова работала ясно, но вставать ему не хотелось. Он продолжал лежать на узкой общежитской кровати — и наконец собрался с мыслями. Вчера рассуждать было некогда — да и не нужно, так как всё было предельно просто: у тёти Зои случилась беда — её надо было защитить и успокоить, ему самому грозила опасность — надо было бежать. А сейчас он наконец задался вопросом: почему всё, случившееся вчера, вообще произошло? Другими словами, зачем Новым понадобилось врывать в квартиру, запугивать хозяйку, требовать, чтоб она его выдала? Судя по обрывочным описаниям «бандитов», которыми поделилась с ним и Нумой потрясённая женщина в промежутке между приступами рыданий, в квартиру вломились отнюдь не мелкие низшие духи — это были ни кто иные, как те, кого Консюм причислял к «головной организации»! Не иначе, Новые переоценивают Данилу, считая его какой-нибудь важной птицей. (Ведь с точки зрения их представлений о взаимоотношениях, могущественные боги будут ходить в гости лишь к обладателю высокого статуса, а не к обычному человеку). Но, может, всё гораздо сложнее, и этот погром — лишь хитрый манёвр, призванный отвлечь богов — и самого Данилу — от каких-нибудь судьбоносных предприятий. Что там говорил Нума в то утро, когда неожиданно полил дождь, а небеса стали оранжевыми? Что Новые вызвали старых богов на битву и после Нового года будут к ней готовиться? Значит, им надо было устроить так, чтоб их подготовке точно никто не помешал — а самый лучший способ сделать это - выбить противника из колеи...

Однако каковы бы ни были причины вчерашних безумных событий, результат всё равно один: он, Данила, сейчас на противоположном конце Москвы, в Беляеве, в студенческом общежитии, и домой ему нельзя. А как долго ему быть здесь? Нума говорил только о том, чтоб переночевать. А ещё он упоминал незнакомого Даниле бога Лезу. Наверно, у него и имеет смысл спросить, что делать дальше — только вот где его искать?

Кровать стояла у открытой настежь двери. Данила бесшумно вертанулся в продуваемый сквозняками коридор (беседующие у окна не обратили внимания) и крадучись стал пробираться по коридору к лестнице и лифтам.

Он нашёл санузел, сходил в туалет, побрызгал лицо водой под краном в ванной и осторожно выглянул в коридор. Время было уже не раннее, и мимо то и дело пробегали студенты, - впрочем, немногочисленные, видимо, большинство обитателей этажа в это время было на сессии или на занятиях.

Данила решил, чтоб будет благоразумнее не попадаться общежитским на глаза: всё-таки, он пробрался сюда тайком, а лишних расспросов не хотел. Он стал наблюдать за проходящими мимо из-за приоткрытой двери. Вот стройная негритянка (не та ли, которую он видел вчера на кухне?) прошествовала со стопкой книг. Вот худощавый парень дальневосточной внешности пронёс кастрюлю, источающую аромат рыбного супа. Данила подождал, пока они скроются в комнатах, собрался было выходить — но тут в середине коридора замаячила приметная пара, явно не иностранцы: женщина в годах монументального телосложения с шапкой завитых волос, и невысокий мужчина с волевым лицом и аккуратной модной бородкой, одетый в клетчатую рубашу и нейлоновые брюки.

Данилу бросило в жар: как эта двоица похожа на тех, кто не так уж давно - до Солнцеворота — сидел с ним за одним столом в том ресторане с тяжёлой мебелью и плотными портьерами — на тех, кто, о словам тёти Зои, вчера так беспардонно вломился в квартиру! Конечно, может, он обознался и на самом деле это всего лишь какой-нибудь местный айтишник и вахтёрша... Но с другой стороны, что мешает богу техники и богине

общественного мнения появиться в этом месте? Сплетни и технический прогресс — такое сочетание вполне ожидаемо там, где люди смотрят соцсети — а здесь ведь у студентов были свои компьютеры... Конечно, Дедушка не мог выследить его, Данилу, с экрана, потому что телевизора в комнате иранцев и венесульца не было — но вдруг та двоица умеет шпионить за людьми через какие-нибудь гаджеты? Даже если предположить, что они не знают, что Данила здесь, а просто заглянули сюда, пытаясь завладеть умами студентов, — в любом случае, попадаться им нельзя!

Подозрительная пара завернула в какую-то дверь в середине коридора: видимо, на кухню. Пока коридор был пуст, Данила со всех ног рванул к ближайшему выходу на лестницу. Там также было пустынно, уныло, тянуло сквозняком из раскрытого, несмотря на холодное время года, окна. Но когда он собрался поставить ногу на верхнюю ступеньку и помчаться вниз, то заметил, что посреди лестничного марша разлёгся леопард огромного размера. Как ни привык Данила за последние месяцы к чудесам и странностям, а сейчас опешил. Он понятия не имел, как обращаться с живыми хищниками, особенно, если они лежат на твоём пути, когда ты пытаешься бежать из здания, куда пробрался ночью тайком. Пройти мимо было невозможно физически, да и опасно. Даня собрался было вернуться в коридор — но увидел, как в дверном проёме промелькнула приметная клетчатая рубашка... Значит, туда лучше не возвращаться: вдруг там всё-таки те, с кем встречаться сейчас нельзя! Парень в отчаянии метнулся к окну.

- Не прыгай, дуралей. Ещё ноги переломаешь: тут высоко! — неожиданно пророкотал леопард.

То, что леопард оказался говорящий, не испугало Даню, а скорее, обрадовало: это означает, что с ним можно будет договориться! Он спустился на середину лестницы, встал почти вплотную к зверю, касаясь краями одежды плотного тёплого меха. Он по-прежнему сильно нервничал и оказался способен лишь косноязычно пролепетать:

- Я... этта... мне вниз нужно... срочно, пока эти не засекли...

- Кто? — удивился леопард.

- Ну, Технократ и эта... хабалка... то есть, это, может, и не они... но они меня вчера искали... у меня дома... не знаю, для чего... - Данила пытался собрать разбегающиеся мысли, поглядывал на дверной проём, ведущий на этаж, и то расстёгивал, то застёгивал молнию куртки.

Леопард немного помолчал, задумавшись.

- Ты, что ли, от Нумы? — осведомился он. — Ко мне глубокой ночью прилетела птичка и принесла от него весть, что, мол, сюда ожидается человек. Но я тебя ночью не видел. Ты, что ли, только сейчас добрался?

Даня тотчас понял, кто перед ним, хотя Нума и не предупреждал, что его побратим может принимать облик зверя.

- Я ночью и приехал. Просто меня студенты к себе затащили пить вино.

- Понятно. С ними это бывает. А сейчас ты что собираешься делать?

Отвечать Даниле не пришлось. Из дверного проёма на лестничную клетку вышли «вахтёрша» и «айтишник». Опасения Данилы оправдались: это действительно были те, с кем он не хотел встречи! При виде его тётушка Омния издала возглас, исполненный злорадства.

- Садись ко мне на спину и держись крепче, - велел леопард.

Данила влез на зверя, обнял его руками за шею. Леопард поднялся, напряжился, бросил всаднику: «Пригнись пониже», - и выпрыгнул в окно.

Вокруг стало зябко и ветрено. Данила сидел, плотно прижавшись к спине огромного зверя, уткнувшись лицом в его загривок, вдыхая слабый аромат меха и пуха. Он чувствовал, как ходят мощные мышцы под шкурой, как сгибается и растягивается

позвоночник зверя. В какой-то миг он всё же решил выпрямиться и посмотреть вокруг. Белёная громада общежития давно осталась за спиной, впереди был сероватый простор и облака. Леопард мчался по облакам: там, где они были плотными, он бежал по ним широкими прыжками, как по полю, там, где были редкими, сжимался как пружина и перепрыгивал с одного облака на другое. Далеко внизу виднелись крыши — то покатые железные, то плоские толевые, — кроны деревьев, узкие ленты трасс, рассеявшиеся серые сугробы и унылые столбы... Сзади слышался навязчивый ровный шум. Данила осторожно, чтоб не свалиться, повернул голову. Далеко позади он увидел мерцающий светлый круг с двумя горизонтальными палками по сторонам; но вот Леза-леопард чуть повернул вбок, и стало видно, что странный предмет позади — это малолитражный самолёт.

Облака становились всё более редкими, на прыжки между ними у леопарда уходило много сил, и зверь начал утомляться. Расстояние между ним и самолётом стало сокращаться, и вскоре за стеклом кабины стало возможно разглядеть лицо дяди Технократа.

Леопард стоял на небольшом светлом облачке, — а дальше небо было ясным. Бежать было некуда. Самолёт подлетел сбоку по чистым небесам, Данила увидел, как дядя Технократ высовывается из кабины, держа в руках нечто, до безобразия напоминающее увеличенную страйкбольную винтовку, наводит ствол то ли на зверя, то ли на Данилу...

И неожиданно это зрелище скрылось за пеленой ливня. В неистовом ритме запрыгали градины. Там, где секунду назад небосвод с маленьким облачком напоминал лазурный океан с единственной льдиной, теперь была сплошная густая белёсость. Леопард нырнул в толщу облаков, и Данила почувствовал, как они медленно снижаются. Преследователь остался где-то вверху, потеряв их из виду.

Перед битвой

Леза опустился на землю перед небольшим старинным зданием, выкрашенным в изумрудно-зелёную краску. Этот дом Данила видел и раньше и знал, что он находится у метро «Октябрьская», недалеко от Нескучного сада. Леопард толкнул лапой высокую дубовую дверь, они вошли в просторный подъезд, поднялись на крыльцо и попали в широкий коридор с окнами в мелкий переплёт и лакированным паркетом. Миновав открытую каморку с холодильником и электрочайником, они приблизились к ещё одним высоким деревянным дверям. Из-за них раздавался гул голосов и выкрики: там располагался довольно просторный зал, в котором сидели на стульях, стояли и даже лежали на полу самые разнообразные божества.

- Тут совет богов, - объяснил Леза. — Обычно он не в это время года проводится, но сейчас его созвали экстренно. Кажется, они уже давно заседают, мы опоздали к началу.

Они тихонько вошли и встали у дверей.

- Что они обсуждают? — поинтересовался Данила у Лезы.

- Предстоящую битву с Новыми.

Данила стал искать взглядом знакомых.

Первой он увидел Фригг: её заметить было проще всего — она стояла у боковой стены, опираясь на небольшой стол, и обращалась к собранию с речью:

- Боги! — гремел на весь зал её хорошо поставленный преподавательский голос. - Не мне вам рассказывать, каково наше положение. Новые вызывают нас на бой, и сейчас у нас нет другого выбора, кроме как принять этот бой. Если мы будем просто сидеть и горевать о прошлом, как некоторые, мы ничего не добьёмся, а Новые тем временем окончательно завладеют сердцами и душами людей. Но мы объединимся против них, все как один! Все как один, я сказала! Марс, хватит разглядывать Венеру, прошу внимания к тому, что я говорю! Перун, оставь свои распри с Велесом, потом довоюете! Сейчас не это важно! - Данила обернулся в ту же сторону, куда посмотрела Фригг, и разглядел у дальнего окна Перуна; здесь же виднелись меховой воротник Нумы и белый колпак Тенгри. Данила стал тихонько пробираться к своим приятелям сквозь толпу; леопард последовал за ним на мягких лапах. Добрые друзья обменялись радостными приветствиями.

- ...Итак, объединиться, - продолжала взывать Фригг. - Все боги всех ныне живущих и исчезнувших народов, находящиеся на территории Москвы и ближайшего Подмосковья! Все: милосердные и кровожадные, мудрецы и простофили, разумники и самодуры! Мы соберёмся и дадим бой Новым! Да, нам может прийтись несладко, но нас всё-таки много...

- А один полководец прошлого сказал: Воюют не числом, а умением! — раздался голос из толпы.

- Должно быть, он ученик Афины. Умения, то есть, воинского искусства, нам, кстати, тоже не занимать... - ответила ораторша.

- Вот Афина, - указал Нума Даниле. - Смотри, вон там, в углу, где собрались все боги войны: Арес, Тюр...

- А разве Афина не науками занимается? Ведь обычно её изображение бывает на всяких университетах.

- А как ты думаешь, почему в вузах бывают военные кафедры? — парировал Леза.

- Как же их много!

- Да... И они, надо сказать, не бедствуют: недостатка в почитателях у этих божеств нет... А вот, кстати, ещё одна из них! — воскликнул Леза, выглянув в окно. - Тоже опоздала!

Данила тоже посмотрел за стекло. По тротуару шла косматая худая женщина в рваной одежде и с перекошенным от ярости лицом. Её руки и лохмотья выглядели так, словно она только что копошилась во внутренностях на скотобойне. Над её головой вилась стая воронов.

- Блин, вот же стрёмная! — ахнул Даня.

- Это Беллона, - пояснил Нума. — Ух, грозна! Раньше она была в древнеримском пантеоне, а сейчас идёт за всяким, кто кормит её любимцев.

- И что, она прямо в таком виде по городу разгуливает? — удивился Даня.

- Её видят далеко не все. А вот она сразу чувствует, когда дело пахнет дракой, - ответил Леза.

- Вот такие существа, - Нума проводил Беллону взглядом, - как раз и отвращают от старых богов людей... да, пожалуй, и демиургам в её присутствии не по себе.

- А почему тогда Консюм её на свою сторону не переманил? Как этого Нга? — поллюбопытствовал Данила.

- Так он её сам боится.

Беллона вошла в зал, но не скоро, и по дороге, видимо, успела привести себя в порядок, так как вид у неё стал более опрятный, - но выражение лица так и осталось диким.

Речь тем временем продолжалась:

- ...Но хотя цель у нас общая, мы, боги, сами разные, поэтому необходимо ещё организовать всё так, чтоб это устроило всех. Ведь, согласитесь, у Аполлона и Кереметя, век просидевшего в чаще, запросы и ожидания очень разнятся. Про какую-нибудь Беллону я вообще молчу. А необходимо организовать всё так, чтоб боги не поссорились между собой на пути к общей цели, ведь многие из нас, скажем так, отнюдь не ангелы во плоти...

- Конечно, не ангелы! — хихикнул кто-то из толпы. — Бери выше — мы боги!

- А где будет битва? - шёпотом осведомился Данила у Тенгри и Нумы. — Где-нибудь в небесах над Москвой?

- Если битва такого множества таких могущественных богов будет над Москвой, - ответил Тенгри, - то от города камня на камне не останется. Нет, мы по старинке сойдёмся в чистом поле...

- Это за городом, что ли?

- Да, в ближнем Подмосковье. В самом ближнем: возле Поварова, на поле за лесом.

- А почему именно там? — спросил Даня.

- Эти края издавна притягивали всё сверхъестественное. Там мы и сойдёмся в честном бою...

- А когда назначена битва?
- Уже завтра в полдень.
- А мне куда?
- Поедешь с нами. — ответил Тенгри. — Будешь с нами рядом: сейчас нам лучше не разлучаться по многим причинам. В каком доме тебя устроить на ночлег, мы придумаем. А мы сами спать не будем, будем к бою готовиться...

Вскоре торжественная часть собрания закончилась, и началось обсуждение сугубо практических вопросов. Даниле отпустили на кухню пообедать тем, что найдётся в холодильнике: о том, как именно боги готовятся к битве, смертным знать не положено. Но их подготовка явно повлияла на атмосферу в городе: в этот ничем не примечательный пасмурный январский вечер было замечено - всеми москвичами вдруг овладело молитвенное настроение. В квартирах, в лесопарках, в проулках, в студенческих общежитиях люди всех возрастов и национальностей, как образованные, так и не очень, вдруг оставляли свои дела, сосредоточенно замирали, их сердца сильно бились, а губы шептали имена богов — родных, чужеземных, книжных — всех, которые живут в Москве, которые пришли на собрание.

- Аса-Тор, к тебе взываю...
- О Элберет Гилтониэль...
- Перун великий, трижды славен будь...
- Афина Паллада необорная...
- О Крылатый, сердце моё в ладонях твоих...
- Тенгри, вечно синее великое небо...

Даже трезвые материалисты, с детства убеждённые, что всё объяснимо одной физикой да биологией, поднимали глаза к небу, созерцали бесконечные облака, восхищались величием мироздания и думали: «Ну, что-то там, наверно, есть...»

Старушка, следившая за свечами в старинной церквушке в центре Москвы, приподнявшись в своей постели, ёрзала голыми локтями по расписанной бледными цветами наволочке и шептала: «Святой Юмалий, услышь мою молитву...». И эта малая искра живого человеческого внимания сотворила чудо: забытый бог сгинувшего племени, уже много недель напролёт терзавшийся чёрной меланхолией, воспрянул и засобирался на подмогу друзьям...

Поварово

Известно, что местность между Солнечногорском и Зеленоградом богата на всяческие аномалии. В местных лесах неоднократно падали метеориты, а в одной деревне недалеко от небольшого городка Поварово местные жители рассказывают о контакте с настоящими инопланетянами.

Но сам городок выглядел как царство самой что ни на есть серой обыденности. Дома в нём были незамысловаты: на окраинах – избушки за штaketниками, ближе к станции – советские кирпичные малоэтажки, не всегда свежестроенные, не всегда отремонтированные, чем-то напоминающие немолодых работяг, только что вернувшихся со смены в небогатом регионе.

Данила провёл ночь в небольшой кирпичной избе, которая не выглядела заброшенной (даже печка в ней была тёплой), но почему-то пустовала. Полночи он думал о том, что будет, если боги вдруг проиграют битву, и как ему тогда быть. (Он так и не придумал другого ответа кроме: «Тогда я достойно встречу свой жребий»). Он читал найденный у печки советский литературный журнал, засыпал и просыпался, и в конце концов, когда начало светать, решил, что пора вставать. Ему захотелось как следует позавтракать перед предстоящим трудным днём, - но в избе не обнаружилось ничего съестного кроме крошечного пакета с каким-то прогорклым печеньем. Парень надел свою куртку, запер двери и направился на поиски продуктового магазина.

Искомое нашлось быстро: сетевой супермаркет на соседней улице среди избушек и пятиэтажек. А рядом с магазином располагался дом, который тотчас привлёк внимание Данилы: он сильно выделялся на фоне остальных местных зданий. Он не отличался от других построек в округе архитектурным стилем – но был настолько безупречен в своей опрятности, словно был не домом, а рекламой дома.

Одно из окон на первом этаже было открыто, так как утро было тёплое. А из-за окна раздавался голос, казавшийся знакомым...

Данила встал в оседающий крупитчатый сугроб под окном и осторожно заглянул внутрь.

Судя по всему, в этом доме происходило собрание, совсем как вчера в особняке возле «Октябрьской». Виднелись за стеклом лица, головы. Высокая дородная женщина с кудрями вещала:

- В общем, всю эту компанию из «Мифов народов мира» надо устранить. Подозреваю, многие возразят, что с ними так нельзя, потому что они, типа, связаны с великим культурным наследием прошлого. Но вы только посмотрите на это прошлое: там же одна кровища, страдания... Тоже мне, культура – жестюха одна! Ну, я не отрицаю, при

нас люди тоже гибнут (а как же им не гибнуть, если такова их природа?), но это происходит чистенько, аккуратно и на позитиве!

Данила инстинктивно отпрянул и чуть не свалился с верхушки сугроба. Здесь штаб Новых! Интересно, знают ли боги, где он располагается?

Он хотел было уйти, пока его не заметили, но тут до его слуха донеслось:

- И какой метод ты предлагаешь? — разговаривали в доме громко.

- Метод как бы напрашивается сам собой, - слышалось в ответ. — Они ведь сюда приехали драться с нами, так? Вот как только они соберутся для битвы, мы тут и предъявим на них обвинение в немотивированной агрессии и организации беспорядков. А ещё — в экстремизме! И тогда им велят выматываться отсюда в полном составе.

- Остроумно! А кому жаловаться?

- В самую высшую божественную инстанцию!

- Это паркам и мойрам, что ли?

- Ага, им.

- Так у них же на жалобы всегда ноль реакции. В лучшем случае один ответ: это, типа, судьба, и, типа, ничего не попишешь. А когда уточняешь, доколе такой мрак будет продолжаться, то ответ у них: судьбы, мол, знать никому не велено.

- Но если у нас будет жалоба сразу на большую группу — они не смогут это проигнорировать. Ладно бы на одного-двоих. Но если жалоба составлена разом на тысячу или сколько там богов — это уже серьёзно.

- Ну, ладно, а вдруг «Мифы народов мира» не поведутся на нашу провокацию?

- Ещё как поведутся! У них же такой контингент!

Тут к окну подошло бледное существо и захлопнуло его. В окне стояли стеклопакеты, и голоса изнутри дома тотчас перестали быть слышны. Данила задумался: увидело существо его или нет? Кажется, оно не смотрело вниз, но, может, он плохо разглядел... «Вот ведь забавно вышло, - подумал он. — Когда я встретился с Новыми впервые, им с какого-то перепугу померещилось, что я их подслушивал. И вот — сейчас я действительно подслушиваю их!.. Похоже, они всё-таки накликали на свою голову!»

Как бы то ни было, надо предупредить богов, что их оппоненты готовятся отнюдь не к честному бою! Время в запасе у него ещё есть, так что он успеет сначала подкрепиться: от голода подводит живот, а сил ему сегодня понадобится явно много.

И парень поднялся на крыльцо продуктового магазина и шагнул в раздвижные двери.

Данила угодил в плен

Данила выходил из магазина, где купил себе незамысловатый провиант: полбуханки чёрного хлеба и банку сайры. Он спустился с аккуратных бетонных ступенек, смотря под ноги, чтоб не угодить ботинком в какую-нибудь из многочисленных матовых луж бурого и песочного цвета, раскинувшихся среди тротуара – как услышал откуда-то сбоку возглас:

- Молодой человек! Вы можете мне помочь?

Данила поднял глаза. Перед ним стояла растрёпанная женщина средних лет с простецким лицом; её куртка была сверху донизу забрызгана и заляпана чем-то рыжеватокрасным.

- Молодой человек! Помогите мне, умоляю! Меня избили, вон там, неподалёку, в переулке!

- Сейчас? – удивился юноша. – Средь бела дня?

- Ага. Деньги, телефон – всё отняли...

- А Вы в полицию обращались? У них сейчас открыто...

- Да толку в этом! – скривилась женщина

Данила кивнул: он и сам на её месте не захотел бы обращаться в правоохранительные органы.

- А Вы запомнили, как они выглядели? – спросил он, имея в виду нападавших.

- Я даже не поняла сколько их было. Они сразу убежали.

- А где Вы живёте?

- Да тут рядом...

- и женщина назвала какой-то адрес. Всё время разговора она, не останавливаясь, шла, и Данила шёл за ней. Всклокоченная причёска и растрёпанная одежда женщины говорили о том, что она и впрямь побывала в беде и, вероятно, нуждается в помощи – но в её виде было какое-то несоответствие, а какое именно, Данила всё же не мог толком уяснить.

Они зашли в безлюдный переулок, где из-за некрашенных дощатых заборов выглядывали разномастные крыши частных домов, а кое-где в углах сохранились полупрозрачные крупнозернистые сугробы.

- Как же мне Вам помочь? – недоумевал юноша. – В полицию Вы идти не собираетесь, деньги на проезд Вам не требуются, потому что Вы живёте близко. Побить

этих отморожков я, по ходу, тоже не смогу: как их искать, если они удрали, причём непонятно, как они выглядели?

Женщина не отводила от Данилы цепкого взгляда... Её щёки были румяны.

«Ну, может, и не неизвестные в переулке, - пытался парень объяснить для себя поднимающееся из глубин души сомнение. – Может, её побил собственный муж или любовник, а она не хочет это афишировать. Ведь бывают такие жертвы семейного насилия, которые всё терпят, лишь бы любой ценой «спасти брак». Может, она под «помощью» подразумевала, чтоб я купил ей бутылку – залить горе – а я не догадался!.. Но ведь мы отошли уже далеко от магазина!»

Сейчас Данила и женщина в заляпанной куртке стояли возле оштукатуренного кирпичного домика, выставившего на улицу два заколоченных окошка. Женщина распахнула облезлую входную дверь. Повеяло тоскливым запахом отсыревшего картона; под ногами заскрипели подгнившие половицы, захрустел песок.

- Вы здесь живёте? – только и успел вымолвить Данила. Его спутница расправила плечи, распахнула какую-то дверцу в боковой стене и ловко втолкнула Данилу в тёмное помещение. Не успел он опомниться, как услышал стук задвигаемого засова, топот удаляющихся шагов – и уже знакомый голос – приглушённо - с другого угла дома: «Передайте тётушке Омнии: задание выполнено!»

Данила готов был отдать что угодно, лишь бы это происшествие оказалось сном. Но он бодрствовал, ощущал запахи, чувствовал фактуру вещей вокруг, и хлеб и консервная банка у него за пазухой были самыми настоящими. Парень внезапно понял, что именно подсознательно настораживало его в невесте откуда взявшейся спутнице: хотя она плакалась на то, что её избили, лицо у неё было нетронутым: ни синяков, ни ссадин! Да и брызги на её куртке, долженствующие изображать кровь, были не того оттенка и выглядели, словно мнимая пострадавшая облилась томатным соком. И жить в этом домике она никак не могла: он явно уже давно стоял заброшенным! Юноша разозлился на себя: какого же дурака он сваял, дав заманить себя в такую незамысловатую ловушку, рассчитанную на наивных подростков!

Помещение, куда его заперли, очевидно, было кладовкой: тесное, заставленное шкафами и ящиками. Из крошечного пропылённого оконца напротив двери падала капля серого света, которой едва хватало, чтоб различать контуры предметов. Здесь к запаху сырости примешивался запах пыли и ржавеющих железок. Дверь была сделана из массивных тяжёлых досок. Внезапно со стороны оконца в кладовку донеслись другие голоса:

- Не забудьте отчитаться головной организации!

- Нет, фотоотчёт скинуть — это не роляет; сегодня до них надо своими ногами топтать.

И после эти голосов, имевших незапоминающийся будничным тембр - не по возрасту строгий голос девочки-подростка:

- Я правильно поняла, что как только они соберутся всем кагалом, начнут в ожидании боя шуметь, – мы тут на них и заявим за экстремизм и немотивированную агрессию!

Этот голос ни с чем невозможно было спутать: он принадлежал Пропаганде!

В ответ послышалось что-то неразборчивое в одобрительном тоне.

- А этого куда? - спросил один из будничных голосов.

- Пока пусть тут посидит, - вызванивал голос Пропанды на улице. — Никуда он отсюда не денется. Эти старые халупки только с виду такие хлипкие, а на самом деле в них замки крепкие и двери непрошибаемые!..

- Сейчас-то понятно... А потом-то что с ним делать? — спросил другой голос.

- Как — что? В расход! Я шефу, между прочим, ещё в прошлом году говорила: этот человек нас подслушивает! Разве я оказалась не права? Только у меня пока нет информации, сделать это до или после изгнания «мифов народов мира» из Москвы...

Голоса стали неразборчивее, послышалось шуршание шагов, потом всё смолкло...

Злость на себя сменилась у Данилы тупым отчаянием: из-за того, что он так глупо попался, он не сможет вовремя принести богам весть о том, что их хотят заманить в ловушку! И к тому же, сам того гляди погибнет!

За стеной снова послышалось гудение голосов. Даниле показалось — это опять Новые переговариваются на улице, но вскоре он понял: голоса доносятся из соседней комнаты в домике. Разговаривали старуха и молодой юноша, временами лепетал ребёнок.

- Тётъ Шур! — басил голос юноши. — А может, всё не так страшно? Может, наш домик покрасят, отремонтируют да и оставят в покое?

- Мечтать не вредно! — надтреснуто звенел в ответ голос немолодой женщины. — Реновация — это такая штука! — Слово «реновация» невидимая тётя Шура произнесла таким тоном, словно это было имя драконихи. — Снесут всё подчистую! Избы поломают, сады спилят. Будет на нашем месте какая-то не то жека, не то жекеха.

- Ваше кошмар! А жить как?

- Помню, был советский мультфильм один; там были водяной, леший и, кажется, домовый, и они попали в положение вроде нашего: из родных мест их прогнала стройка. И пошли они куда-то, не помню, куда, то ли в библиотеку, то ли в музей...

- Что ты, тётка, своими доисторическими мультфильмами мозги паришь? Я спрашиваю, нам-то жить как?!

- Нас припишут к отделу по работе с демоническими силами города Москвы.

- Ишь ты, москвичами заделаемся! Хотя ведь это и неплохо: никто деревенщиной дразнить не будет!

- Вот всегда ты так: какие бы беды ни навалились, Ванька Пиксель всё своё: боится только, что *его* дразнить будут! Не этого надо бояться! А ты вот о чём подумай: где нам тогда жить? В жекехе? Да в таком месте жить можно только в наказание! Чисто пчелиные соты! И деревьев во дворе нет, зато будка с охранником и шлагбаум! О Тишке с Тинкой подумай — как они расти-то будут в такой обстановке: они же там не выучатся ничему, что полагается!

Данила вслушивался в старомодное просторечие невидимых спорщиков за стеной. Он уже понял, что они не люди (впрочем, людям бы никто не позволил остаться в доме, идущем под снос), не боги, а какие-то другие существа. Он отвлёкся, а разговор стал звучать тише, но потом невидимые за стеной снова повысили голос:

- Тётъ Шур! Гля, чего в тырнете пишут, в зарубежных-то новостях: в Исландии тоже каких-то существ выселяют! Я не понял, как они по-ихнему называются — в камнях живут. А там трассу прокладывали, и этот камень помешал...

- Его разбили? — в голосе тётки Шуры было искреннее сочувствие заморским существам.

- Да нет. Пишут вон — на другое место перенесли. А сперва нашли на каком-то хуторе старушку-духовидицу, чтоб она этим существам объяснила ситуацию, и их камень подъёмным краном перетянули... Так то Исландия... У них там, наверно, ничего другого нет, одна музыка да вулканы...

- Вот я сейчас сама взорвусь как вулкан! Детей-то мне как воспитывать! Как вообще порядочному домовому теперь на свете-то прожить!..

Сидеть взаперти, слушая жалобы подмосковных домовых на свои проблемы, в то время, как Консюм и его присные, вероятно, изобретают тебе казнь — довольно бездарное

занятие! Данила решил попробовать вышибить дверь: отошёл на пару шагов (размер кладовки не позволял взять нормальный разбег) и со всей силы наподдал ногой. Из пазов посыпалась земля и кусочки штукатурки, с верхней полки съехала какая-то пропылённая коробка со ржавыми шурупами. Но дверь не подалась. Данила ушиб ногу и с досады выругался.

Тут раздался детский голосок:

- Бабушка, бабушка, а там за стенкой человек! Ты слышала слова? Так только одни люди разговаривают! Значит, мы спасены? Нас не выгонят? Ты же говорила: дома, в которых живут люди, не сносят – только те, которые без людей.

Голосок, судя по всему, принадлежал Тишке или Тинке. Вот он стал громче: домовёнок кричал в кладовку через стену:

- Привет, человек! А ты теперь тут будешь жить? Прямо всегда-всегда?

Обезоруживающая наивность этого вопроса заставила Данилу сразу, без вступлений и проволочек, поделиться своим горем:

- Милый ребёнок, я даже не знаю, сколько мне вообще осталось жить! Может, сегодня вечером уже всё...

За стеной заохала тётя Шура:

- Батюшки, что за страсти-то такие!

- Меня заперли здесь враги, - объяснил Данила. – Может, вы слышали шум и разговоры у дома? Вот это были они. А мне нужно к своим... я спешил... предупредить, что их заманивают в ловушку... Мне нужно отсюда выбраться! Вы можете отодвинуть засов?

В ответ тётя Шура нечленораздельно заохала.

Но вот слово взял сочный грубоватый голосок Ваньки Пикселя:

- Не, у нас ни сил, ни росту не хватит такую махину своротить. Но тебе ведь надо вон из дому, так?

- Да, - рьяно засоглашался Данила. – И подальше!

- В этой кладовке есть люк в подпол, - крикнул Ванька Пиксель.

- Да, да, люк, дверка такая в середине пола, с кольцом, - поддакнула тётя Шура.

- А в подполе коридор такой земляной, и он ведёт прямо в лес, - инструктировал Ванька. – Я не так давно смотрел: он не обрушился, и его не затопило.

- Да, ход такой длинный, в лес выводит, - опять захлопотала тётя Шура. – Ты как, в земле-то испачкаться не боишься?

- Мне сейчас надо других вещей бояться, - подумал вслух Данила.

- Вот и полезай.

- Спасибо. Знаете, у меня есть банка сайры и полбуханки хлеба. - Данила знал из книг: домовых полагается кормить. – Мне хотелось бы передать их вам в благодарность, да только как? Тут же закрыто наглухо.

- Положи в правом углу у мышинной норы, мы потом приберём. Нашёл нору? Отлично!

- Да, и ещё: если вам в Москве будет некуда идти, попробуйте постучаться к моей хозяйке, - он назвал адрес тётки Зои. – Она добрая. А в квартире у неё целых три комнаты. Правда, в одной пока что ремонт.

И под разноголосые слова благодарности из-за стены Данила нашарил люк в полу, разгрёб песок на досках, потянул толстое железное кольцо... Если в кладовке был полумрак, то в подполе темнотица как в фотолаборатории. С одной стороны дохнул особенно сырой и холодный воздух, и Данила понял: подземный ход там.

Идти приходилось ощупью: рука соприкасалась то с шершавыми кирпичами, то с холодной сырой глиной, то с корнями растений. Данила старался не думать, какие твари

ползают в этой темноте. Да и глупо было бы бояться каких-нибудь земноводных или насекомых, если где-то около домика поджидают настоящие враги.

Вот под ногами зачавкало, в ботинки начала стремительно просачиваться сырость. Вот голова и плечи упёрлись в толщу земли; сверху посыпались холодные комки. Дальше продвигаться стало можно только ползком. Данила не знал, как долго он пробирался под землёй, - но вот по глазам резанул дневной свет, коридор резко начал подниматься вверх, а затем – расширяться, глаз различил кое-где в стенах опоры из серых неошкуренных стволов средней толщины... Вот и выход: сложенный из таких же стволов дверной проём, ничем не закрытый; по бокам и сверху его опушают палевые стебли пожухлой прошлогодней травы. Перед проёмом и вокруг него – свалка. Пока Данила прокладывал себе путь среди металлолома, истлевшего тряпья и пластиковых бутылок, противно похрустывающих под ногами, он порвал промокший ботинок.

Возле свалки просматривалась полузаросшая тропинка, уводящая в чашу. Парень поспешил по ней, пробежал порядочное расстояние, перескакивая через толстые корни и огибая лужи, - но потом спохватился и свернул вбок, под спасительную сень вековых елей.

Он вовремя скрылся. Совсем близко послышались голоса — он узнал их, они раздавались возле домика под снос, - замелькали за стволами фигуры. Он вжался в липкий смолистый ствол под завесой густых еловых лап — и увидел за деревьями троих или четверых, одетых в тёмное. Они сошлись в одно место из разных сторон. До него долетел их взволнованный разговор:

- Было бы не погано всё-таки попрердержать этого, которого мы в расход хотели...
- Не суетись, Кредитка, он под замком сидит.
- Какое там «сидит»! Я его в лесу видела. Он к полю топаёт.
- К какому полю?
- Где битва намечается.
- Ишь, смылся! Неужели смекнул, что его ждёт?
- Да тут особого ума и не надо, чтоб понять, что мы его не чаем поить собрались.

Ну, и банально мог услышать... Да тут не то, что он – на другом конце Поварова бы услышали! Пропаганда же тихо говорить не умеет от слова совсем.

- Ну, далеко он не утóпает! В момент перехватим!

Данила поплотнее вжался в широкий серый ствол вековой ели. Но при этом он задел плечом торчащий сухой сучок, и тот с громким хрустом разломился. Существа на тропке обернулись на шум и тотчас начали приближаться, на удивление легко передвигаясь среди валежника и зарослей. Данила не стал ждать, пока они приблизятся, и рванул в чашу. По лицу хлестали еловые лапы, по ногам — гибкие ветви кустов. Он слышал за собой топот погони. Чем дальше, тем подлесок становился гуще, и вскоре бежать стало совсем невозможно: впереди вздымались два выворотня, образовывавшие как бы глухой угол; толстые длинные стволы убегали в густую поросль. Данила с трудом вскарабкался на один из них, чтоб перелезть, но поскользнулся на сырой коре, сорвался, покатился и упал в широкую яму по ту сторону выворотня на гниющую листву и остатки талого снега. Он поднял глаза — над краем ямы возвышался кто-то широкоплечий...

«Всё, кранты! — подумал парень. — Кто-то из них с этой стороны зашёл... Хотя нет, те, вроде, в пиджаках были... А этот в какой-то бежевой овчине... и с бородой... Прямо леший!»

Беглец поднялся на ноги и, не отряхивая с одежды приставшую грязь, принялся выбираться из ямы. Она была не очень глубокой, но края были крутыми, сплошь из скользкой глины, и он пару раз поскользнулся и сорвался вновь. В чаще похрустывали сучки, слышались выкрики: погоня приближалась. «Леший» в палевых потёртых овчинах

продолжал стоять над ямой, рассеянно глядя голубыми глазами, - но оставался безучастным...

«Ну, всё, сейчас точно схватят! — бежали мысли в голове у Данилы. — И тогда мне точно не жить... Глупо как получилось: из-под замка удрал, а в лесу, где любой дурак в два счёта спрячется, попался... И ещё этот, бородатый, стоит над душой — хоть бы руку протянуть догадался, а просто так пялиться на чужую беду — это не дело!

«Это не дело!» - захотелось крикнуть Даниле, но голос у него пропал, и из охрипшего горла вырвалось только: «Эло!»

И тут лицо бородача, стоявшего как истукан, вдруг оживилось, тусклые до сих пор глаза заблестели. Он наклонился к яме:

- Ты звал?

- А? — удивился парень.

- Эло — это я! Меня уже лет девятьсот никто не называл по имени!

В голове у беглеца всплыло: «Эло» - это не обрывок слова, а целое слово — это имя. Так звали одного из двух помощников Юмалы, с которым он ходил по селениям живых, - а как звали второго, ходившего по ельникам мёртвых, Даниле было недосуг вспоминать. Треск кустов и голоса приближались... «Эло!» - ещё раз повторил он.

- Да, я тут!

- Помоги мне отсюда вылезти!

Бородач протянул руку, Данила ухватился за шершавую как кора ладонь и теперь уже без труда выскочил наверх. Он поблагодарил обладателя овчинных одежд, - а тот, выслушав благодарность, спросил с надеждой в голосе:

- Юмала жив?

- Да.

- А где он? Почему не ищет меня?

- Потом расскажу. Слышишь: за мной гонятся. Мне срочно нужно спрятаться!

- Тебе надолго, или немного отсидеться, а потом дальше бежать? — по-деловому осведомилось существо.

- Дальше. Предупредить своих об опасности. Мне нужно на поле за городом.

- Я тебя проведу. Человеку, который первым за девятьсот лет вспомнил моё имя, я рад помочь. Я его и сам уже забывать стал.

Шорох шагов и голоса преследователей были уже совсем близко — судя по всему, они уже подходили к выворотню. Эло поднял голову к вершинам елей и взмахнул руками. В следующий миг вверху громко зашелестело, хвоя пришла в движение — и мимо неподвижных вертикальных стволов с огромной скоростью промчался вниз другой ствол, хлынул сухой зелёный поток, - и высокая толстая ель с громким треском и шорохом рухнула на прель и кусты. В чаще раздался визг и ругань, шорох быстрых удаляющихся шагов.

- Я их задержал, - быстро произнёс Эло и подал Даниле руку. — А теперь скорее за мной: я проведу тебя на поле тайными тропами! Он нырнул в гущу молодых ёлочек, растущих поодаль, увлекая Данилу за собой.

Даня не вполне понял, как именно они шли: перед глазами было то зеленое: хвоя или мхи, то бурое: кора, листва, земля, то грязно-белое. Видимо, тайная тропа древнего духа пролежала через самую густую чащобу. Но вот лес стал более редким и сквозным, среди елей стали появляться полосатые берёзы с кронами, напоминающими чёрные растрёпанные волосы, и сероватые клёны. Впереди замаячил просвет.

Эло указал рукой:

- Здесь опушка. Беги по тропинке — придёшь прямо на поле. Твои преследователи не догадаются, что мы вышли здесь... И сами, поди, нескоро отыщут дорогу...

- Спасибо за помощь! А ты со мной пойдёшь?
- Нет, ты дальше сам иди...
- Блин, я же про Юмалу обещал рассказать... Но не успею.. Хотя он же наверняка тоже сейчас на поле! И ты тогда сможешь его увидеть!
- Мне надо остаться в лесу.
- Как знаешь... Я ему тогда передам, что ты мне помог! Если успею, пока там не началось!

Битвы не будет

Данила что есть духу мчался от опушки леса на поле, где собрались для будущей битвы боги, чтоб рассказать им о том, что услышал за окном домика. Ноги топали по тропке, где растрескавшийся асфальт скрывался под слоем глины. По сторонам качались голые толстые берёзы, из-под стволов которых веяло сыростью. Пространства то летели, то ползли. Мышцы гудели. Сердце прыгало в груди в такт быстрому бегу. Единственным в мире звуком был только гром тяжёлого дыхания бегущего. Данила не мог дать себе передышки, хотя сильно запыхался. Надо предупредить богов о готовящейся для них западне, пока битва не успела начаться! Каждая секунда на счету!

Он прибежал на опушку – успел!

Вот и условленное поле: под бледным предвесенним небом за березняком простирается ровная земля, частично развороченная, частично заросшая прошлогодними травами, поблёкшими или почерневшими за зиму. Среди борозд и трав белеют мелкие лепёшки подтаявшего снега.

Поле всё заполнено богами в самых разнообразных костюмах... Кольшутся полы туник и халатов, вьются ленты, топорщатся меха, гремят доспехи, звенят подвески. Сверкают глаза, раскрываются рты - и из них вылетают возбуждённые крики, - а им вторит рёв: некоторые божества пришли на поле в образе животных, и среди человеческих фигур мелькают шкуры: белые, пятнистые, чёрные... (Данила краем сознания отметил, что, пока он общался с Новыми, никаких зверей вокруг никогда не бывало (если не считать Экономического Кризиса), и даже птицы, без которых не обходится ни один московский пейзаж, исчезали).

Боги шумели, роптали, бряцали разномастным оружием, скалились, щетинились – готовились к бою. Напряжение росло...

И тут над толпой раздался охрипший срывающийся голос:

- Боги! Стойте! Вас подставили!

Толпа сразу замолкла – словно кто-то невидимый повернул регулятор и отключил звук. Боги все как один повернулись в сторону высокой кучи земли в дальнем конце поля – а на ней, как на трибуне, стоял замордованный юноша с перепачканным лицом, в рваной рубахе и разбитой обуви, махал руками и орал из последних сил:

- Боги! Не начинайте битву! Это ловушка!

Оратор охрип и зашёлся в кашле, не успев произнести до конца последнее слово. Какая-то сердобольная вила, а может, дриада с зеленоватыми косами поднесла ему воды.

Все зароптали:

- Что за странные слова? - Кто это? - Это же Данила. – А разве он не погиб? – Видать, жив, раз с трибуны вещает. – Это не показатель: мёртвые также прекрасно умеют произносить речи!- А это точно он?

Освежившийся оратор кричал дальше:

- Боги! Я узнал планы Новых! Они хотят спровоцировать вас, а потом осудить за экстремизм и изгнать из столицы! Не вступайте в бой!

Опять толпа зашумела:

- Что это значит? Боя не будет? А я-то уже настроился! – А откуда это он узнал про Новых?

- Почему ты так осведомлен об их планах? – проворчал чувашский бог Кереметь, зло хмуря брови.

- Я только что от них... Меня брали в плен... Еле добежал...

- А чем ты докажешь, что САМ от них сбежал? Может, тебя завербовали?

Подозрительность старого лесного бога распространилась по толпе как огонь по сухим стеблям:

- Да, точно: завербовали! Люди нестойки, любят всякие блага, стабильность, и чтоб у телевизора поваляться! – звенел из середины толпы гневный женский голос.

- Чем ты докажешь, что тебя не завербовали?

- Подождите его спрашивать: вдруг это и не Данила вовсе! Вдруг это кто-нибудь из них принял его облик: они-то умеют!

- Смотрите-ка: и лицо в грязи вымазал! Чтоб сразу не узнали!

- Боги! – надрывал голос Данила. – Боги, одумайтесь! Я говорю правду! И я – это я! Я вас не предавал!

- А чем докажешь? – крикнул в ответ Кереметь.

- Ну, не знаю... Мысли вон мои почитайте или в душу загляните. Вы же боги, вам такое несложно.

- Эти Новые с душой и мыслями такое могут сделать, что там и не разберёшь ничего... - буркнул Кереметь. Остальные зашумели, поддерживая его.

Затем толпа расступилась, выпуская статную женщину средних лет кавказской внешности. Она вскарабкалась на высокий бугор, положила растерявшемуся юноше руку на лоб, заглянула в глаза и сообщила изнемогающей в ожидании толпе:

- Да, это он. И он не врёт.

Лишь когда она вновь скрылась среди толпы, как среди стволов в шумливом лесу, Данила вспомнил, кто это: Гуаша – мать Сослана! Он видел её всего раз, в первый день знакомства с богами. Данила подумал: «Надо будет спросить у неё, как здоровье Сослана. Судя по тому, что я его сегодня не вижу, рука у него до сих пор не зажила; но раз Гуаша здесь, а не с ним, значит, он уже вне опасности».

Данила спустился с возвышения и скромно встал на краю поля, в старой размытой борозде, курчавящейся засохшими комьями земли. Он поискал глазами Юмалу, заметил знакомые русые кудри и остроконечную тёмную шапку на противоположном конце поля. — и напомнил себе, что надо передать ему весточку от Эло как-нибудь потом. Сейчас это было не очень уместно: страсти накалялись. Толпа гомонила. Несколько сотен божеств действительно способны поднять крик до небес. Каждый спешил поделиться своими соображениями,

- Если Новые действительно хотели нас спровоцировать, биться с ними нельзя! – раздался громкий голос Фригг.

Ответом ей были возмущённые крики с той стороны поля, где стояли боги войны.

- Я не вижу в этом решительно никакой логики! - кипятилась Афина. - Зачем же мы тогда стягивали войска, продумывали стратегии! Всё потрачено впустую!

Беллона неистовствовала:

- Как это боя не будет?! А как же трупы врагов?! А вороны как же?! Так и не пообедают?! Мне воронов кормить нечем! Вороны голодные!

- Если биться с ними нельзя, придётся по-другому...

- Надо мирным путём! – воскликнули разом древнегреческая Ирена и стоящая рядом с ней худенькая славянская богиня в венке из васильков.

- Переговоры с Новыми? — пожал плечами Кереметь. - Сомнительное, надо сказать, удовольствие! Им же повернуть всё в свою пользу – раз плюнуть! Те ещё манипуляторы!

- Да, мы манипуляторы! Но в сфере управления это незаменимый навык! — прогремел над полем властный голос.

Данила обернулся. На импровизированную земляную трибуну, с которой он слез только что, поднимался сам Консюм.

Диспут

Новые всё-таки пришли на поле боя в полном составе, включая духов нижнего звена. Тут Данила (и, возможно, некоторые боги) впервые увидел, как же их на самом деле много. Вот возвышается над толпой корпулентная фигура тётушки Омния, завитые кудри колеблются. Вот помахивает тросточкой Дедушка. Вот виднеется рубашка дяди Технократа. Вот снизу доносится порывивание Экономического Кризиса.. Вот ярким пятном — крашенная шевелюра Эйджины... А вокруг этих знакомых лиц — десятки и сотни фигур: кто в строгих офисных пиджаках, кто в сценических костюмах с блёстками, а кто и в клетчатых рубашках, в подражание дяде Технократу... Очевидно, это были те, кого Консюм упоминал в том самом разговоре в ресторане: духи банкоматов, кредитных карточек, гаджетов, форумов, СМИ, моды... Вот от опушки леса бегут со всех ног четверо опоздавших; их дорогие тёмные костюмы измазаны глиной и древесной гнилью. Данила вздрогнул: это же существа, от которых он убегал в лесу! Он насторожился — но те, перепачканные, казалось, не замечали его: их взоры были устремлены на холмик-трибуну.

Данила всё гадал, заметит ли его Консюм. Успели ли подчинённые доложить ему обо всём, что произошло? Парень понимал, что раз уж стоит в первых рядах, у «трибуны» то он явно заметен - но прятаться казалось ему глупым.

Консюм в отглаженной белоснежной рубашке и светло-серых брюках, явно не предназначенных для прогулок по вспаханным полям, встал на вершине и обратился к старым богам с речью. Данила ожидал, что он скажет что-нибудь о нём, но в речи не было ни слова о незадачливом любителе подслушивать или о сбежавшем пленнике — то ли низшие духи не успели отчитаться о происшедшем своему начальству, то ли, когда боги выясняют отношения между собой, в их мыслях нет места отдельному человеку... А Консюм, в своей узнаваемой манере, сочетающей канцелярские штампы с офисным жаргоном и модными молодёжными словечками, говорил о том, что прогресс не стоит на месте, что цивилизация движется вперёд и люди не могут вечно цепляться за отжившее прошлое, а коль не могут, то не надо их и заставлять, - а значит, те, кто воплощает собой отжившие ценности, должны уйти на заслуженный покой вместо того, чтоб продолжать владеть душами и умами тех, кто уже давно жаждет всего современного и не желает оглядываться на замшелую старину... Чем дольше он говорил, тем угрюмее становились боги, стоявшие поблизости. Данила заметил, что Кереметь что-то раздражённо бормочет, Тенгри хмурит брови, Аполлон всё крепче сжимает свой лук и явно борется с искушением достать стрелу, глаза Перуна мечут молнии, а у Фригг лицо такое, словно она выслушивает самоуверенного двоечника... Им всем хочется окоротить зарвавшегося оратора, но они помнят предупреждение о возможной провокации — и молчат...

- Господа боги! — воззвал под конец Консюм, с несвойственной ему патетичностью воздев руки. — Признайте уже, что в столице ваше влияние де-факто давно сведено к минимуму. Уступите нам её окончательно – и можете спокойно разъезжаться по своим амтам и улусам!

Тут не выдержал Тенгри:

- Ты хочешь сказать, по музеям и могилам! – осерчал он.

Жители степи могут рассказать, что Тенгри порой бывает чрезвычайно грозен.

Старый бог вышел из толпы неспешной величавой поступью и встал перед «трибуной». Он расправил плечи – и стал поистине богатырского роста. Из-под белоснежного киргизского колпака на его голове взметнулась под невесть откуда взявшимся порывом ветра грива пышных волос, сизо-чёрных как грозовые тучи. Полы его халата затрепетали, и стежки золотой вышивки на них начали посверкивать подобно молниям.

Воздух вокруг стал предгрозовым, по толпе пробежал электрический разряд. Небесный бог заговорил величественным гулким басом, обращаясь к Новым:

- Кто претендует на то, чтоб называться самыми главными в мире богами, должен и вести себя по-божески! Вызвать противника на бой и вместо честного поединка попытаться вероломно заманить в ловушку – это не божеский поступок. Так даже последний джанголос не поступает, - рокотал Тенгри. – Как вы собираетесь ставить законы людям, если сами не в состоянии исполнить собственную договорённость?

- Вы, старые боги, ещё будете говорить нам о вероломстве! – воскликнула тётушка Омниа. – Чья бы жирафа мяукала! Сколько в мифах примеров тому, как какие-нибудь боги обламывали людей или друг друга и считали, что так и надо! Кто-то из ваших, вон, даже пословицу придумал: «Чё, типа, дозволено Юпитеру, не дозволено быку!»

- Вот насчёт быков попрошу аккуратнее! – взревел из заднего ряда Апис, прискакавший в Поварово с какой-то кафедры египтологии.

- Не надо переводить стрелки туда, где их не должно быть! – буркнула тётушка Омниа. – Я хочу сказать... то есть, *все* хотят сказать, что ваши претензии на единоличную власть над человеческими умами совершенно не обоснованы!

- Разве за все бесчисленные века, что вы властвуете над умами людей, вы сделали их хоть чуточку счастливее? – зазвенел над полем хорошо поставленный голос Пропаганды. – Люди искренне молились вам, приносили жертвы, строили роскошные храмы, при этом сами прозябая в голоде, в нищих лачугах, - но слышали ли вы их молитвы, спешили ли исполнить их просьбы? А ведь они просили не несбыточного, а основополагающего: кусок хлеба, мирного неба, здоровья. Но вы, вместо того, чтоб снизойти к их скромным и совершенно оправданным просьбам, занимались лишь выяснением отношений между собой, любовными похождениями и сомнительными развлечениями вроде охоты на чудовищ. При таком положении вещей нет ничего удивительного в том, что в двадцатом веке большая масса людей сделала выбор в пользу атеизма...

Даниле показалось, что речь Пропаганды почти дословно повторяет «Страничку атеиста» в пожелтевшем советском календаре, который он в детстве нашёл у матери и со скуки прочитал.

- Вы показали себя несостоятельными в деле заботы о человечестве, - продолжал звенеть голосок. – Таким богам надо решительно и радикально сказать «Нет!»

Из толпы богов вышел Леза. Сейчас он был уже в облике не леопарда, а стройного чернокожего мужчины в богатых бисерных украшениях, с посохом дождя в руке. После выступления Пропаганды по собранию катился ропот, и Леза величественным жестом призвал публику к тишине.

- Звёздный полог прекрасен, - торжественно начал он. – Но кто-то видит не сияние мириад звёзд, а одну дырку с краю. У богов бывают те же недостатки, что у людей – но это из-за того, что боги творили людей и не избежали сходства. Мы сотворили людей и сотворили им место для жилья, пропитание, орудия, музыкальные инструменты, и даже некоторые законы физики. Мы – демиурги! Ну а вы, господа, так безапелляционно именующие себя Новыми, хотя на самом деле вы ровесники первобытных пещер? Вы что создали? Каков ваш вклад в первотворение? Судя по тому, что я сегодня услышал, единственное, что вы создали – это манера всё на свете критиковать...

«Хорошо он их поддел! – восхитился про себя Данила. – Прямо сказать, в точку! Ай да Леза! И сражаться умеет, и в диспутах не промах! Повезло Нуме с побратимом!.. Стоп! А почему я нигде не вижу Нуму?»

- Я бы хотел обратиться конкретно к Нуме, но я его здесь не вижу, - теперь слово от Новых взял уже Нга, явившийся в Поварово в чёрном костюме, к которому не успела пристать ни соринка, ни пылинка. – Что ж, это характеризует его как труса. А именно ему я хотел адресовать мои слова насчёт всяческих демиургов. Я сам когда-то был таким же, как они. Я помогал Нуме творить людей, - правда, они у меня получились смертными. Я помогал ему судить души умерших. Я попросил у него в подарок Солнце и Луну, - но он хитростью выманил этот подарок обратно... Что бы я ни делал – все мои поступки и даже просьбы истолковывали превратно. Я попросил выделить мне столько земли во владение, сколько займёт кончик моего посоха – и получил семь слоёв вечной мерзлоты... Мой жизненный опыт позволил мне сбросить пелену с глаз, и я осознал, что же во всём этом не так... Дары, которыми наделяют людей т.н. «демиурги», все как один требуют тяжёлого кропотливого труда: если демиург дарит людям растения, то их надо выращивать, возделывать поля; если животных – о них надо заботиться; если музыкальные инструменты – на них надо долго учиться играть. Таким образом, дар, вроде бы, призванный облегчить людям жизнь, на самом деле создаёт ещё больше хлопот. В таком случае это получается не дар, а ловушка... А я дал людям нефть! Её не надо ни выращивать, ни возделывать – просто качай себе из-под земли, и всё! И в отличие от «даров» разных, с позволения сказать, демиургов, богатство она приносит сразу! У меня всё. Спасибо за внимание. С вами был президент Нефте-Газового Альянса, бывший бог Нга.

«Нума говорил, что нефть – это слюни Нга, - припомнил Данила. – И если их тронуть, потом не оберёшься неприятностей. Очевидно, нефтепромышленники этого не знают».

Следующим выступал Аполлон. Он вдохновенно говорил о свободном творческом союзе людей с богами, о дарах, ниспосланных богами людям, о том, как в седой первобытности боги учили людей ремёслам и искусствам, помогали постигать законы, по котором течёт жизнь на земле и бытие в надзвёздных просторах... Все заплодировали пылкому оратору.

После него на возвышение поднялся сам Консюм.

- Вообще, если по Гамбургскому счёту, не путать с индексом гамбургера... - начал он.

(«Гамбургер-то у вас тощий оказался, - подумал Данила. — Это он только с виду был большим, а сытости от него не прибавилось. Да и с вашей жизненной философией точно так же: выглядит помпезно, а пищи для ума нет»).

- ..мы здесь собрались не для того, чтоб мериться списками патентов, - продолжал Консюм ледяным тоном. – И не для того, чтоб рассказывать басни о звёздах в небесах. У нас есть совершенно конкретная практическая цель: сделать людей счастливыми. И не в каком-то абстрактном будущем, а в моменте, то есть здесь и сейчас. Заметьте, мы готовы

сделать это без всяких дополнительных условий. Но в осуществлении этой цели нам мешает ваша *трансцендентность*, - последнее слово Консюм произнёс таким тоном, словно это было название стыдной болезни. – Когда люди заражаются всяческой метафизикой в вашем стиле, - тут его взгляд скользнул по тому флангу толпы богов, где стояли Афина и спустившийся с трибуны Аполлон, - они органически теряют способность стать на сто процентов счастливыми. Смотрите, базово мы можем дать людям то же, что и вы: материальный достаток, удачу в делах (будь то – я не знаю, - охота на динозавров с пластмассовым копьем или там нефтяной бизнес), семью, славу... Но мы даём их быстрее, чем вы. А во-вторых, вы помимо этих полезных вещей сулите людям ещё и совершенно бесполезные: стремление к какому-то абсолюту, жажду познания, интерес к каким-то иным измерениям.

Аполлон принял этот выпад на свой счёт:

- Возражаю! Без трансцендентности человек не стал бы человеком! Он бы так и ютился в пещере и боялся грозных сил: природы, судьбы, жизни, собственного сознания – вместо того, чтоб научиться с ними говорить. Он бы не испытывал потребности в решительных поступках. Если б он не общался с демиургами-творцами, он сам не стал бы творить произведения прекрасного искусства.

- Вот-вот: «прекрасное искусство», - заскучал Консюм. – Людям в прошлые века не всегда было, что хавать – а тут «искусство»! Вместо счастья – ещё дополнительный повод для страдания: что у одного есть, а у другого нет, что у одного талант, а у другого не получается. А сколько поэтов-художников в жизни без хлеба сидело – и что, помогли им боги «прекрасного искусства»? Нет, все эти заоблачные стремления ни к чему! Человек будет вечно куковать в пещере, говорите? Вот честно, не вижу в этом никакой трагедии. Ну пусть в пещере – так ведь в *своей* пещере, счастливый и сытый! А не рваться в неизведанное, рискуя всем и всё теряя!

- Не кажется ли вам, что, заявляя, будто вы хотите осчастливить человека, вы на самом деле стремитесь его обеднить? – пошёл в наступление Аполлон.

- Не обеднить, а избавить от балласта!

- Но действительно ли это принесёт счастье людям?

- Кто свободен от ненужного – всегда счастлив.

- По-настоящему счастлив тот, кто стремится к непознанному...

- Наш опыт общения с людьми говорит, что как раз наоборот.

- Значит, Вы, Консюм, общались только с крайне приземлёнными людьми. А наш опыт, наоборот, говорит, что жаждущих трансцендентности в мире очень, очень много!

- Любая статистика... - начала своё возражение Реклама низким властным голосом, диссонирующим с её ребячьим обликом. Но она осеклась. И вся толпа вдруг замерла, ропот смолк. Все повернули головы в одну сторону. Над полем, примерно на высоте двух человеческих ростов, материализовалась небольшая фигурка, стоящая на облаке. Она была облачена в серые одежды; глаза у неё сияли как небольшие изумруды. Ветерок шевелил кудель на побуревшем от времени веретене, которое она держала в руках.

- Норна! Мойра! Парка! – раздались голоса в толпе богов. – Уже давно такого не бывало, чтоб кто-нибудь из них бросал пряжу и покидал свою светёлку. – Такое бывает только в исключительных случаях! – Значит, сейчас всё крайне серьёзно!

- Боги старые и новые! – раскатился над полем голос норны. – Мы, Хозяйки судьбы, вынуждены вмешаться в вашу распря, потому что её дальнейшее развитие угрожает миру и человечеству! Чем больше у вас взаимных претензий, тем больше в мире раздоров, тем сильнее распад, тем человечество ближе к гибели!

Все опять зароптали при этих словах.

- Вы, конечно, согласитесь, боги, - продолжала норна, - что и у божеств, и у людей наиболее ожесточённые столкновения происходят из-за вопросов, не имеющих ответа. Именно по их поводу ломают больше всего копий...

- Вот уж неправда, - пробурчал Арес. – Лично я сегодня ни одного копья не то, что не сломал, а даже в руки не взял!

- Это метафора, солдафон, - одёрнула его Ирена с несвойственной ей грубостью. Она искренне радовалась, что бой не состоялся, и не могла стерпеть, чтоб кто-нибудь омрачал её радость.

- А на вопрос, о котором вы сегодня спорите не на жизнь, а на смерть, - говорила норна, - на сегодняшнем этапе развития мира ответа не существует. То есть, конечно, существуют маленькие частные ответики: отдельно взятые люди решают для себя самих, что им важнее: текущие практические потребности или выход за пределы будничного мирка в иные измерения. Но единого глобального ответа, который годился бы для всего человечества – такого ответа нет.

- Небось, она сейчас всех, кто этот спор завёл, из столицы высылит, - заохал Дедушка. – Как в эпоху моей молодости, за сто первый километр! А как же бог телевидения будет без столицы!

- ...Поэтому от имени всех Хозяек судьбы, - звучал дальше голос норны, - я требую от вас прекратить вашу ссору и заключить перемирие. Выселять никто никого никуда не будет, все останутся в Москве. Но отныне от вас требуется неукоснительное соблюдение нескольких условий. Битва за главенство в сердцах и умах всего человечества, а также любые связанные с такими целями действия, способные повлечь за собой фатальные последствия для мироздания, отныне будут вам строжайше запрещены! Вы по-прежнему можете спорить за господство в душе отдельно взятого индивидуума, но созывать войско и нападать друг на друга, - увольте. Все подробности и нюансы будут описаны в договоре, с которым я скоро дам вам ознакомиться. А чтобы никто из вас не посмел его нарушить, он будет скреплён самыми крепкими в мире ключом и замком, - заключила норна.

- Фу-ты ну-ты! – раздался из толпы богов грубоватый мужской голос. – А я-то думал: договоры печатями скрепляют!

Ему возразили из задних рядов:

- А когда ты сам после последней битвы скреплял договор с великанами, - у тебя была печать?

- С великанами проще: молотом по башке – и готово дело! А тут, видите ли, дипломатия...

- Эти ключ и замок будут крепче любой печати, - продолжила норна. – Если скрепить ими клятву: ключ воткнуть в небо, а замок бросить в море, то клятва будет нерушимой. А хранятся эти ключ с замком у трёхликого духа в подземном царстве. Чтобы добыть их, кто-нибудь должен спуститься туда.

- Дураков нет! – раздался зычный голос тётушки Омниа. – Наши не пойдут ни за какие коврижки. Ишь, чего выдумали! В этом Подземном царстве такая публика – просто мрак!

- А вы туда и не пойдёте, - ответила норна. – Потому что вы боги. Хоть и «новые», как вы сами себя величаете, а всё-таки боги. А где вы слышали, чтоб боги сами спускались в подземное царство? Тем более, чтоб выходили оттуда обратно?

- Ах, мой сын отправился в подземное царство, - вздохнула Фригг. – Но вызволить его оттуда не удалось даже всему миру сообща! Ни к чему хорошему ни для него, ни для мира это не привело!

- Итак, боги в подземное царство не пойдут, - отрезала норна.

Толпа зашевелилась: двое существ в меховых куртках с капюшонами пронесли к центру носилки, на которых лежал укрытый оленьей шкурой бледный мужчина. «Есь хочет говорить», – зашептали в толпе. «Бедняга Есь; он так ослабел: в него уже мало кто верит, мало кто помнит». – «У Еся семь мыслей, как известно... если он решил поделиться какой-то из них с окружающими, даже будучи в таком состоянии, значит, это будет что-то крайне важное. Слушайте внимательно!»

Есь с трудом приподнялся на носилках и проговорил – тихо, но отчётливо:

- Сходить в подземное царство и вернуться оттуда способен только человек.

- Про то, как в подземное царство спускался человек, а потом приходил обратно невредимым, историй как раз немало, – согласились все.

- Мой сын однажды спускался в подземный мир, – сказала Гуаша. – А он, как известно, не бог, а герой.

- Но Сослана здесь нет!

- Он всё ещё лежит раненый после той стычки на нефтехимзаводе.

- Значит, сходить в подземное царство некому? Мы останемся без договора? – заволновались боги.

И снова Есь приподнялся на своих носилках и слабым, но необычайно твёрдым голосом проговорил:

- По всему выходит, что из здесь присутствующих сходить в Подземное царство может только Данила.

- Вот и ответ на твои давешние вопросы: «Что может человек и не может бог» и «Как ты можешь нам пригодиться», – заметил Тенгри.

Данила почувствовал на себе десятки и сотни взглядов – словно его одновременно укусило множество комаров. Он шагнул вперёд – но шагнул как бы не сам: ему показалось, что его подтолкнула упругая волна.

- Я готов! – сказал Данила. – А в каком именно подземном царстве мне искать эти ключ и замок? В русском, германском, зауральском?

В толпе богов то тут, то там вспыхнули полупечальные улыбки: словно бледное солнце сквозь тучи.

- На земле народов столько, что отдельных подземных царств на всех не напасёшься, – поспешила объяснить Гуаша. – Конечно, оно одно для всех. Ведь попасть туда можно только одним способом.

- Попасть-то легко. Но ведь тебе ещё и выйти оттуда надо, – проскрипел Кереметь. Он уже перестал испытывать недоверие к юноше.

- Там будет страшно, но ты не бойся, – напутствовал Тенгри. – Если тебе будут давать советы, слушай внимательно.

- Доверяй своей интуиции, – волновалась Фригг. – Там много странного, и далеко не всегда разум скажет тебе, кто твой друг и чью пищу безбоязненно можно есть, – зато тебе безошибочно подскажет сердце... Да, и ещё... Если встретишь там моего сына Бальдра – а скорее всего, ты его встретишь, – передай ему, что отец и мать помнят его, а в городе есть люди, которые его почитают. Такая весточка порадует его в заточении... Ты сразу узнаешь его при встрече.

- Когда вернёшься — разыщи Нуму и передай ключ и замок ему! — проинструктировал Леза.

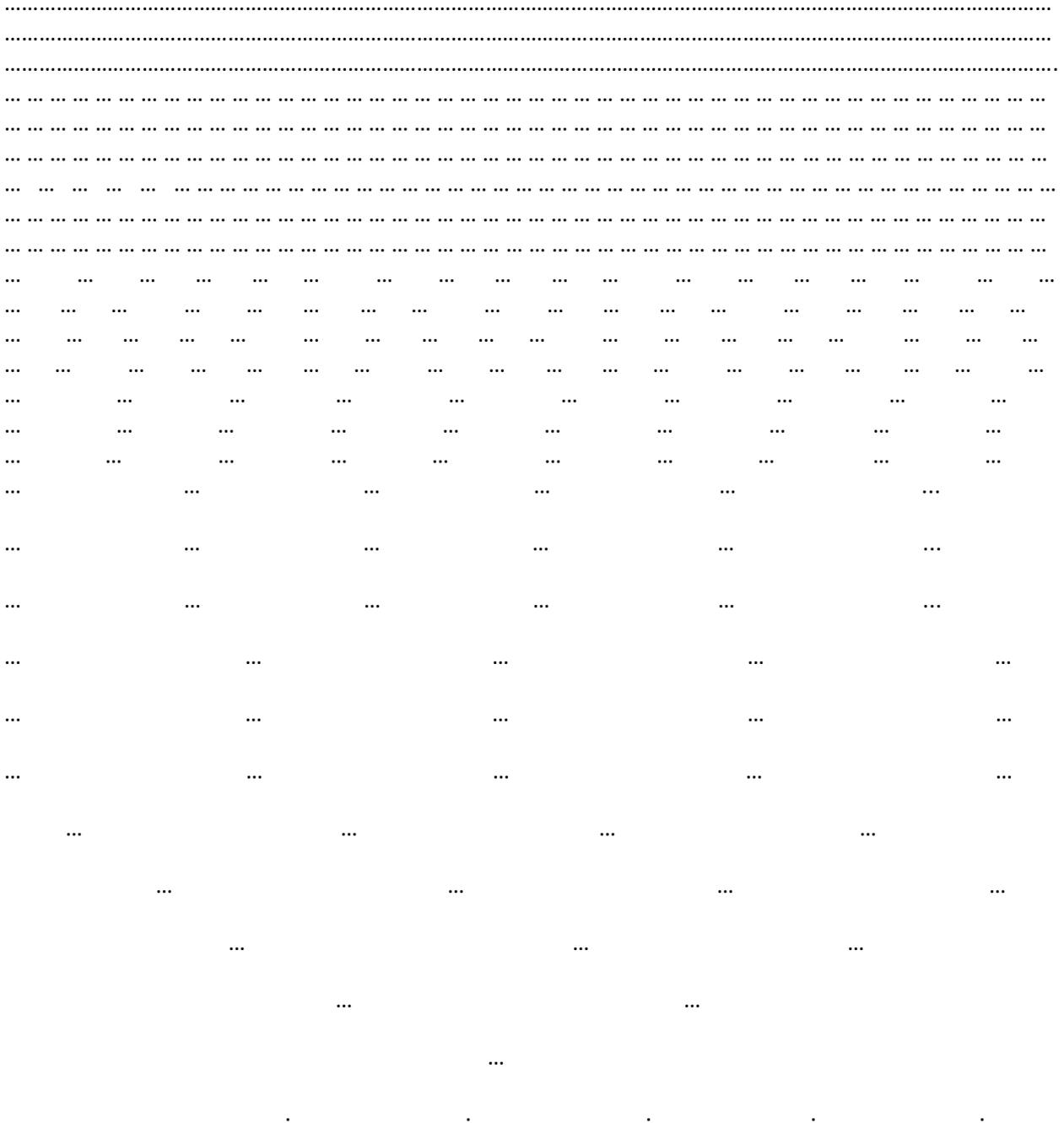
- Вот тебе чистая рубашка, – подала белую домотканую одежду юная славянская богиня, – та самая, которая не так давно говорила о мире. (Данила до сих пор не выяснил, как её зовут).

- А вот тебе ещё необходимые вещи в дорогу! – и несколько рук с разных сторон протянули юноше горсть старинных медных монет, ножик, маленькую зерновую лепёшку и кремнёвое кресало.

Данила переоделся в новую рубаху, поверх неё надел свою куртку, чтоб не сильно мёрзнуть, упрятал вещицы во внутренний карман и закрыл глаза.

Он почувствовал, как на веках растекается множество мелких холодных капелек: сейчас впервые за много дней пошёл снег...

Блэкаут

Подземное царство

Данила не мог понять, сон или явь окружает его. Он находился как будто в просторной пещере, свод которой уходил высоко-высоко. Под этим сводом, тяжёлым и бурым, тускло горел крохотный источник света, словно кто-то прилепил там свечку, - и тем не менее, Данила различал очертания предметов гораздо лучше, чем следовало бы при таком неважном освещении.

Он лежал во мху на пригорке, вокруг него были в беспорядке натканы какие-то столбики и колышки. Под пригорком слышался рокот: там катила свои волны мутная река шириной с Язу. На том берегу чернел ельник. Это был страшный лес – и страшным его делал не только полумрак: в самом наклоне ветвей и росте стволов было что-то зловещее, облезлые лапы вздымались как рёбра древних скелетов...

Данила спустился к реке, походил по изрытому песку, но нигде не заметил ни моста, ни брода.

Среди бордово-бурого полумрака послышался плеск вёсел. Хрипловатый голос окликнул:

- Эй! Ты чего мечешься по берегу? Тебе на ту сторону надо?

Парень оглянулся: на волнах покачивалась вместительная дощатая лодка, а в ней сидел гривастый плечистый мужик неопределённого возраста.

- Ага... - нерешительно произнёс Данила.

- Дак перевозчика покликать нужно было, - тоном полуупрёка ответил лодочник. - Здесь же так принято.

- Откуда мне знать, что у вас принято, я тут в первый раз!

- Ну, парень, ты скажешь тоже! — фыркнул лодочник. — Сюда же во второй раз и не приходят! Ну, прыгай в лодку! Надеюсь, ты хоть знаешь, что перевоз у нас платный?

- Это-то знаю...

Пока плечистый мужик рассекал вёслами бурые волны, Данила выуживал из кармана медяки, которые дали ему с собой боги, и в придачу к ним завалившуюся там современную мелочь. Когда набралась полная пригоршня, он протянул монеты перевозчику — таким жестом, каким в маршрутке передают плату за поезд.

- Ты почто так много-то даёшь? — не понял лодочник. - Или тарифов не знаешь? На такую пригоршню можно троих перевезти!

- А это авансом. Мне ещё обратно ехать.

Лодочник взглянул исподлобья и ничего не ответил.

Вот нос лодки ткнулся в траву и глину. Ни пристани, ни даже примитивных мостков нигде не было, лишь от воды тянулась тропинка, настолько исхоженная, что

утоптанная земля в том месте просела, и тропка напоминала русло неглубокого ручья с крутыми травянистыми берегами.

- А дальше куда? — спросил Данила, выбираясь на сушу.

- Дорога здесь только одна, - ответил перевозчик. — А куда уж тебе дальше, я сказать не могу, я только за переправу отвечаю.

- Ясно... До встречи! — бросил Данила недоумевающему лодочнику и быстро зашагал к сумрачному ельнику.

В лесу, как и следовало ожидать, было темно. Тропинку то и дело пересекали толстые корни. Нависавшие над головой еловые лапы напоминали хвосты ночных чудовищ с колючей шкурой. Воздух был сырым, лишённым радостных, солнечных запахов наземных ельников: не веяло ни ароматом смолы, ни травами, ни ягодами, - зато из-под стволов тоскливо тянуло гниющей древесиной и какой-то плесенью. В паре мест тропинку преграждали поваленные стволы. Через один из них Данила перешагнул без труда, а через второй, толстый, попробовал перелезть, но неловко обрушил ногой кусок коры. Под корой ствол оказался трухлявым, на землю из пробоины осыпались рыжевато-бурые опилки, а в следующую секунду вылетел рой белёсых насекомых.

Наконец показался прогал; вдоль тропинки вместо густого бора потянулась болотина с кочками и отдельными засохшими деревьями, возвышающимися среди седой травы — словно многорукие чёрные великаны выбежали на поляну.

Была ли трава вокруг них живая или жухлая, сказать было нельзя: приметы времени года в этом ельнике были стёрты. Очевидно, в подземном царстве и не бывает времён года.

Тропинка подымалась в горку, и дальше, среди примелькавшихся тёмно-серых елей, была ещё поляна, небольшая, заросшая цепкой травой и утыканная почерневшими сухими стеблями конского щавеля. Посреди неё виднелась посветлевшая от времени бревенчатая хибарка. Дойдя до неё, наш путешественник заметил, что вместо фундамента у неё две массивные трёхпалые подпорки, покрытые жёлтой кожей, больше всего напоминающие ноги динозавра.

Раздался скрип петель, отворилось единственное окошко, из черноты внутри домика показалось женское лицо; два внимательных глаза глянули на путника:

- Куда путь держишь, добрый молодец?

- Ээ... здравствуйте... Меня тут, короче... послали... Вот... — Данила ещё раз посмотрел на подпорки домика и вдруг понял, что с обитательницами подобных избушек разговаривать следует совсем не так. И он произнёс фразу, которую, как и многие, хорошо знал из книжек, но и представить себе не мог, что она когда-нибудь пригодится ему в реальной жизни:

- Ты, бабушка, сперва добра молодца накорми, напои, и что там ещё... телефон на зарядку дай поставить... Тьфу ты, я же без телефона... Короче, вот это, а уж потом расспрашивай.

Лицо в окошке просияло:

- Вот это я понимаю, парень, вот это настоящий разговор! Я так давно не встречала тех, кто знает, как меня приветить правильно! Другие приходят – ни молвить, ни ступить не умеют, такую ерунду городят! Конечно, и накормлю, и напою, за мной дело не станет... А почивать ты будешь?

- Некогда мне, бабушка, почивать.

- Ох, что-то не похож ты на тех, кто сюда насовсем переселяется. Те не спешат.

- А я и не насовсем...

- Как это — не насовсем?

- Ну, вот так... Тут долгая история...

- Проходи в избушку! Тут сзади крыльцо... А чай я сейчас мигом поставлю!

За чайным столом Данила обстоятельно рассказал хозяйке о своём поручении, назвав всех богов, с которыми общался. Старушка живо реагировала: улыбалась, услышав имена Нумы («старый знакомец, мы с ним в былые годы в надземном лесу сиживали») или Фригг («парнишка-то её у нас, всё по воле скучает взаперти»). Она морщилась и хваталась за сердце при упоминании тётушки Омнии и Консюма («эти-то больно скандалёзные, от них, бывает, тоже люди приходят: я их потчевать, а они губы кривить»).

Данила никак не мог взять в толк, какая у Бабы Яги внешность: с некоторых ракурсов она виделась юной красавицей с точёным профилем, а с некоторых – крючконосой старухой, точь-в-точь как её рисуют в книжках.

Наконец подземный путешественник добрался до описания того поручения, которое возложили на него боги и норна.

Баба Яга на миг озадачилась:

- Это какой ещё Трёхликий? Трёхрылый, что ли? Такой у нас точно есть: за лесом на горке живёт, и скобяные изделия у него водятся.

- А как его найти?

- Пойдёшь по тропке через лес до развилки; на развилке повернёшь налево, туда, где белый камень, поросший мхом. Там ещё ручей есть. Перейдёшь его по мосткам. Но ни в коем случае не пей из него, даже если будет мучить жажда, - а то заснёшь и не проснёшься. Перейдёшь через ручей, потом – через ельник, пройдёшь берегом реки, выйдешь на открытое место, и там на холме стоит избушка Трёхрылого. У него и хранятся нужные тебе ключ и замок. Но просто так он их тебе не даст: сперва надо к нему в работники наняться. Поработаешь на него три дня, а после этого он тебе скажет: «Проси за службу что хочешь», - и ты у него попросишь.

- А если он что-нибудь другое скажет?

- Нет, он непременно скажет именно это: в подземном царстве веками ничего не меняется.

- Хорошо; а на какую работу он может меня отправить?

- У Трёхрылого только одна работа бывает: коней пасти.

- Эх, вот зараза, а я же скотину пасти не умею! Я и в деревне-то никогда не жил. Всё в Москве да в Москве...

- Ну, а в Москве ты где работал?

- В фирме. Правда, недолго.

- Недолго? А в остальное время что – на печи лежал? Ты на лодыря-то не похож...

Данила приготовился было сконфузиться, вспомнив неприятные страницы своей биографии, но через миг осознал, что в подземном царстве не принято ничего стесняться и подавно не принято ничего утаивать.

- Ах, бабушка! Я ведь, знаете, в тюрьме сидел! Полных пять лет!

- Батюшки мои! За что же? Ты ведь и на душегуба, вроде, не похож.

«После этих происшествий в Поварове я, кажется, уже вообще ни на что не похож!» - заметил про себя Данила.

А вслух он ответил:

- Практически ни за что. Это мои друзья, с которыми я в фирме работал, проворовались, а я их вину на себя взял. Они меня обещали вытащить...

- И не вытащили? Таких-то друзей, знаешь, за шкуру и в музей! И как же ты там был? Настоящие-то душегубы в темнице тебя не обижали?

- Я научился давать им отпор.

- Ну, если ты в темнице сумел с каторжниками совладать, то и с работой у Трёхрылого справишься. У него, вишь, кони-то не простые, а особые подземные, у них

глаза как угли и из ноздрей дым валит. Если к ним как к обычной скотине – враз растопчут, погубят. Понял?

- Понял.

- Ну, иди. И да хранят тебя подземные силы!

Маршрут, описанный Бабой Ягой в точности соответствовал её рассказу. Более того: пейзажи на пути в точности соответствовали картинам, которые во время этого рассказа возникали в голове Данилы. Он никогда не видел тех мест — а всё равно знал, где именно идёт, когда по сторонам дороги нависали серые еловые лапы словно шерсть первобытных волков или по обочинам шуршала сухая трава, как иглы подземных дикобразов. Ритм, в котором лепетал ручей тоже казался знакомым, - но, памятуя наказ Бабы Яги, парень не стал даже прислушиваться к нему.

Вот деревья расступились, и под бурным небом показалась сырая полянка, поросшая болотными травами. Посреди неё возвышалась узкая высокая избушка без окон. Из какого материала она была построена, сказать было сложно: вроде, бревенчатая, но при таком освещении серые замшелые стволы казались каменными. Тропы к ней почему-то не было, хотя стояла она совсем недалеко от дороги. Данила, забыв про осторожность, направился к домику, прокладывая себе путь по бледным калужницам и полосатой осоке.

Вход в избушку оказался в боковой стене: тяжёлая дверь из тёмных досок толщиной с академический словарь.

Внутри не было ни сеней, ни прихожей - одно тесное помещение с довольно высоким потолком, уходящим во мрак. У дальней стены горела единственная свечка или фонарик, возле него просматривать фигура человека в белёсой одежде. Когда глаза Данилы привыкли к полумраку, он разглядел, что перед свечкой сидит на коленях юноша младше него, с тонкими руками, светлыми волнистыми волосами до плеч, в длинной рубашке, вроде той, которая была под курткой у самого Данилы. Лицо обитателя избушки было повернуто к стене, к горящему огоньку, а на вошедшего он даже не взглянул.

Сначала Даниле показалось, что юноша сосредоточенно молится. (Он даже удивился: разве молитва из глубокого подземья способна долететь до каких бы то ни было богов?). Он сделал шаг вбок; теперь ему было видно лицо юноши в профиль. Черты оказались знакомы служителю богов: обитатель избушки был похож на Фригг. А вот выражение этого полужнакомого лица Данилу напугало: это была не умиротворённая отрешённость медитации, не задумчивая сосредоточенность, в которой рождаются идеи — лицо и взгляд юноши были как бы отражением той глухой стены, на которую он смотрел: ни движения мысли, ни полёта грёзы, лишь немота и бездвижность. Это было лицо того, кто уже давно ничего не ждёт и ни на что не надеется. Казалось, даже глаза уже не хотели отражать огонёк свечи.

Когда-то Данила видел приятеля в глубокой депрессии: тот тоже сидел и равнодушно смотрел на стену...

Путешественник тотчас понял, кто перед ним.

- Бальдр! — окликнул Данила.

Юноша не обернулся на зов и даже не шелохнулся.

- Бальдр! — продолжил парень. — Я принёс привет от Фригг! Она жива. Боги живы. Я с ними разговаривал совсем недавно: все в добром здравии. Люди помнят богов: книжки про вас пишут, кино снимают... Любят вас...

Данила ещё долго лепетал что-то оптимистическое успокоительное — и вот тонкие плечи светловолосого шевельнулись. Он медленно повернулся к собеседнику всем туловищем; его лицо перестало быть похожим на стену, живо огонёк заплясал в глазах.

На устах появилась — словно выплыла из толщи тёмных вод — грустная улыбка.

Но она озарила сумрачное пространство лишь на миг. (Вспоминая это, Данила всё время представлял себе, что в тот момент тёмная каморка озарилась светом ярче электрического, хотя на самом деле улыбка Бальдра была очень слабой). А потом всё стало как прежде. Бальдр снова повернулся к стене — словно возвратился к неотменяемой обязанности.

Данила на цыпочках вышел из избушки и поспешил обратно на дорогу...

У Трёхрылого

Вот и поросшая травой низенькая горка: на мохнатом зелёном лице – два выпученных глаза-валуна и разинутый как бы от удивления рот – грот. А на вершине горушки – покосившаяся избёнка словно небрежно нахлобученный головной убор. Крыша у избушки соломенная, толстая, лохматая. Данила в очередной раз вспомнил иллюстрации к сказкам из далёкого детства. «Вот и жилище Трёхрылого», - сказал он себе.

За холмом просматривался двор: ограда, колодец, поленница, и в углу, у самой опушки здешнего чёрного леса с колючими елями — длинное низенькое строение с бочкой и копной сена у входа.

Из избёнки показалось существо. Оно было крупнее и выше Данилы, но казалось приземистым, так как ширина его плеч была чуть ли не больше, чем его рост. Шея у него была массивная, и на ней сидели вплотную друг к другу три рожи с мелкими глазами и длинными складчатыми рылами с морщинистыми розовыми пятаками. Мимика у всех трёх рыл была подвижной, причём совершенно не зависящей друг от друга.

- Эй! Чего те надо? - буркнуло левое рыло, в то время, как правое закатило глаза, а среднее осталось безучастным.

- Я, это... на работу устроиться, - кротко ответил Данила.

Трёхрылый приблизился:

- Работа у меня ох какая непростая! Местные сюда добровольно не заходят.

— А меня сюда послали! — ответил Данила.

- Посла-али! — передразнило правое рыло Трёхрылого. — Много я вас перевидал, засланцев таких!

Данила ответил в миролюбивом, но настойчивом тоне:

- Ну вот, а меня ещё не видели.

Левое рыло подземного духа насторожилось:

- Ты, парень, вообще свой?

- Ну что за вопрос! Не чужой же!

Крайние рыла Трёхрылого заgrimасничали каждое на свой лад, а среднее проговорило серьёзным тоном:

- Я спрашиваю, ты подземный? Нет? Странно... Я думал, ты подземный: вон одет-то как. То-то я удивился, что ты ко мне устраиваешься! Ты сверху, что ли?

- Ага...

- Ну, и как сейчас наверху? Небось, там не как у нас, там жизнь, небось, кипит... - среднее рыло приобрело мечтательное выражение, а левое нахмурилось.

- Кипит, - согласился Данила. — И некоторых больно ошпаривает.

- А я смотрю, ты за словом в карман не лезешь! — прищурилось правое рыло духа, в то время как левое продолжало хмуриться.

- У меня карманы и без того набиты! — и Данила похлопал себя по боку куртки.

- Ох, остряк! Ну, коли ты работать пришёл, то принимайся за работу! Можно начинать прямо сейчас. Ступай в конюшню!

- А спецодежду выдадут?
- Я на твоём месте сразу бы спросил, выдадут ли доспехи. У меня кони-то не простые...
- Карусельные? Или лошадки-качалки?
- Вот все вы такие: как наниматься, так хиханьки, а после первого рабочего дня рыдают... Если, конечно, доживают до его окончания. Короче, конюшня там под горкой, налево, вытянутая такая. Задачи у тебя будут такие: сейчас выгнать табун на пастбище, потом загнать его обратно, а в промежутке вычистить стойла.
- А на пастбище за ними приглядывать не надо?
- Зачем?
- Ну, не знаю... От хищников охранять...
- Это хищников от моих коней охранять надо! А от тебя требуется только выгнать и запустить обратно.
- А как я узнаю, когда их обратно запускать? Что у вас тогда будет: утро, вечер? Здесь же освещение не меняется и часы не ходят.
- Когда вон на ту ёлку, - Трёхрылый указал узловатым пальцем, - взлетит большая птица и трижды прокричит (ты ни с чем не спутаешь, у неё голос противный даже по здешним меркам), то загоняй коней обратно. Как ты их соберёшь — это уже твоя забота. Бить их нельзя. Сахара они не едят.
- Пока Трёхрылый говорил, он поворачивался к Даниле то одним, то другим, то третьим рылом и тарацил свои свинячьи белки.
- Понял?
- Понял...
- Ступай в конюшню!

В конюшне было темно и пахло почему-то палёным. Данила ощутил тепло, явно исходящее от живых тел, но не услышал никаких звуков, которые должны были бы доноситься из стойл: ни фырканья, ни хрупанья сена, ни перестука копыт, ни даже сопения или вздохов. Но вот — он даже не услышал, а скорее почувствовал в кромешной мгле движение — и во мраке зажглось как бы множество мелких красных лампочек. Парень понял: это глаза коней. Повеяло горячим паром.

Данила не знал, привязаны кони в своих стойлах или нет. Он распахнул дверь конюшни (бурый сумрак на дворе по сравнению с кромешной тьмой в помещении казался светлым) - и тотчас на волю рвануло множество животных. Парень едва успел отскочить в сторону — но всё равно его обдало волнами горячего воздуха от проносящихся огромных тел. Запахло гарью и серой.

Наконец последний конь промчался мимо Данилы. Табун выбежал на луг у подножия горки, на которой стояла изба Трёхрылого, и взвился в воздух, сверкая красными огнями глаз и расфыркивая вокруг себя пар и горящие угли, словно на смотре старинных паровозов. Чёрные кони вереницей возносились в бордово-бурую вышину без крыльев и без моторов. Их чёрные хвосты развевались как широкие плащи, копыта тускло поблёскивали, когда рядом с ними падала искра из ноздри соседа.

Данила проводил гигантских скакунов взглядом и взялся за навозные вилы, прислонённые к косяку двери. Сколько часов ему отведено до тех пор, пока не прокричит птица с противным голосом, он не знал, поэтому решил поторапливаться. Ему в жизни не доводилось чистить стойла, но он рассудил, что здесь подойдут те же методы, что и при обычных уборках, и решил начать чистку с самого дальнего угла. Никакой лампы или фонаря Трёхрылый ему не дал, так что пришлось довольствоваться полусветом из открытой двери.

Он поддел вилами слежавшуюся сенно-навозную подстилку в потёмках, но споткнулся о какую-то колючую копну, потерял равновесие, опёрся на засаленную бревенчатую стену... Из-за копны сверкнули два огонька — но не ярко-алых, как у больших коней, а бледных, бирюзовых. Послышался шорох: судя по звуку, маленькое тельце. Крыса? Кошка? Парень нашарил в кармане кресало. На секунду он задумался, не устроит ли пожар, но тотчас вспомнил искры и угли из конских ноздрей и рассудил, что не стоит бояться: конюшню ещё до него сто раз могли бы поджечь сами её обитатели. И он выбил искру на пучок сена. Здешнее сено, очевидно, было каким-то огнеупорным: никак не могло разгореться, даром, что сухое. Но через некоторое время на конце пучка всё же затеплился крохотный огонёк, едва озаряющий торчащие соломины, куски навоза и застрявшие в щелях досок конские волосы. В углу действительно лежал куб спрессованного старого сена, а за ним пряталось тощее большеглазое существо. Данила разглядел длинные ноги с выдающимися суставами, короткую топорщащуюся гриву, шкурку с присохшей грязью, под которой виднелся позвоночник... Жеребёнок был то ли болен, то ли от природы слаб. Данила представил себе, что, наверно, эти гигантские кони обижают его и не подпускают к кормушке. Он отыскал при входе бадью, казавшуюся чистой, зачерпнул воды из бочки во дворе, напоил жеребёнка, а затем обтёр его заляпаные бока смоченным пучком соломы. Жеребёнок потянул Данилу крупными зубами за рукав, попытался пожевать плотную материю.

В кармане у парня отыскался кусок печенья с чаепития Бабы Яги. Данила протянул его на ладони жеребёнку.

Но одним печеньем изголодавшееся животное явно не насытилось бы. Данила шагнул за порог, чтоб поискать для жеребёнка нежной свежей травы во дворе — и тут откуда-то сверху раздался пронзительный звук, вроде десятикратно усиленного скрипа ржавых шестерней. Данила схватился за уши и поднял голову. На скелет облезлой ёлки на опушке приземлилась грузная растрёпанная птица с массивным клювом. И не успел парень опомниться — как воздух огласился пронзительным агрессивным ржанием, сверху посыпались искры, и табун в полном составе вылетел из-за ельника. Кони беспорядочно кружили по небу над двором, пускали искры из ноздрей. Один уронил расхлябанную подкову чуть ли не под носом у Данилы. В конюшню лошади явно не собирались. Они начали резвиться в воздухе, самые бойкие устроили потасовку, от которой искры и уголья так и сыпались раскалённым градом на двор. Вот один уголёк угодил в бочку с водой и с шипением утонул. Вот крупный огонёк упал на крышу...

Вдруг за плечом у Данилы послышался голосок — тихий, но отчётливый: «Посвисти три раза в пальцы!»

Данила наскоро ополоснул правую руку в бочке, всунул в рот большой и указательный пальцы, сложенные колючком. Сначала выходило одно сипение, — но вот вырвался мощный переливчатый резкий свист. Кони как по команде замерли в небесах, а потом присмирившей вереницей вернулись в помещение. Данила закрыл за ними двери.

Тут из-за забора показался один из морщинистых пятаков Трёхрылого:

- Конюх! Ты жив? Да неужели?

- Как видите, кони в стойле. Правда, я там дочистить не успел, эта ваша птица рановато прокукарекала.

- Я не надеялся, что ты сделаешь даже то, что сделал. Можешь считать, твой первый рабочий день закончен. Ступай в дом ночевать, — левое рыло вытянулось в сторону избушки.

- А ужин будет? — поинтересовался Данила.

- Мы на конюхов не готовили. К чему трудиться и варить порцию, которую всё равно никто не съест?

Данила содрогнулся: значит, все, кто пытался наняться конюхом к Трёхрылому, в первый же день оказывались затоптаны этими огнедышащими гигантами и даже не доживали до вечера!

Они с Трёхрылым направились к избушке. Поднимаясь по крутому склону, Данила непрерывно думал. Подземный дух хорошо знает своих коней и должен осознавать, что человеку будет не под силу с ними управиться. Но если ни один конюх не справлялся — тогда благодаря кому кони выглядели такими сытыми и холёными? И если волшебные кони способны прокормиться сами — зачем Трёхрылый вообще нанимает конюхов? Впрочем, если б он не нанимал их, у Данилы не было бы возможности выслужить те самые ключ и замок, за которыми его послали, - а о других способах получить их он не слышал. И ещё ему не давала покою мысль о жеребёнке: он такой слабый и хилый и, по-видимому, не летающий — значит, не волшебный? А как же он тогда оказался среди этого колдовского табуна?

В избушке дух зажёл копилку, усадил новоиспечённого конюха за пустой стол, пошарил на полке и вытащил обшарпанную воблу со скрюченным хвостом, всю в кристаллах соли как в лишайниках:

- Другого съестного нет. Не обессудь, здесь ещё в прошлом веке вся человеческая еда закончилась.

Данила был голоден и с жадностью умял жёсткую пересоленную рыбину, аккуратно отодрав мясо от хребта. Трёхрылый собрал очистки. Данила похлебал вместо вечернего чая воды из кадушки в углу, и оба — и дух, и человек, - повалились на топчаны.

Данила уснул мгновенно и крепко. Ему ничего не снилось. В подземном царстве сны — редкость.

Когда Трёхрылый растолкал своего работника, за окном царил всё тот же бурый полумрак. На первый взгляд казалось, будто на дворе раннее зимнее утро — московское, в котором темнота разбавлена светом фонарей; но в Москве подфонарный полумрак был более благородного, бордового оттенка.

Рабочий день был похож на вчерашний. Данила выпустил буйных огнедышащих коней, покидал навозную труху на мусорную кучу за конюшней, натаскал свежего сена. Не забыл он и про жеребёнка-заморыша: попоил его, почистил и скормил ему обломки и крошки печенья, которые удалось вытрясти из карманов. Как ни скудно было это угощение, парню показалось, что от него у жеребёнка всё-таки прибавилось сил: по сравнению со вчерашним днём, он уже высоко подымал голову и пробовал встать на ноги. «Откормить бы его до нормального состояния!»- вздохнул Данила. Он, как и накануне, вышел во двор, чтоб поискать на выжженной земле пучок свежей травки для малыша — и, как и накануне, не успел. Проорала несладкоголосая птица, из-за леса повеял горячий вихрь, словно надвигался самум — и табун влетел во двор. Но сегодня Данила не долго думал, как загнать строптивых коней в помещение...

Заперев конюшню, он сполоснул руки и лицо в бочке и побрёл в избушку. «Надо будет жеребёнку хоть хлебца от ужина принести», — думал парень, поднимаясь по склону.

Да только ужина опять не было.

- Извини, закрутился, - оправдался Трёхрылый такой знакомой земной фразой. — Вот, воблы поешь. — И он достал с полки рыбину и кинул на стол.

Размер воблы, изгиб хвоста и расположение кристаллов соли показались Даниле подозрительно знакомыми. Но он не стал возмущаться. Ведь только после трёх дней службы у Трёхрылого он мог обрести то, за чем его послали, и скандалить с могучим

духом до окончания этого срока было некстати. И потом, кто знает — вдруг отсутствие приличного ужина — это такое испытание, и Даниле нужно достойно пройти его?

Как и вчера, он аккуратно очистил воблу, а дух собрал очистки.

После этого призрачного ужина Данила не почувствовал сытости, но это его не удивило: что́ одна рыбинка для здорового парня! Больше его огорчало, что он не мог ничего припасти для жеребёнка.

Наутро (если можно говорить об «утрах» и «днях» там, где освещение не меняется), всё повторилось. Огненные кони умчались за лес, а Данила привычно взялся за навозные вилы. Заморыш в углу явно ждал его; Даниле показалось, что даже от крошечных угощений вчера и позавчера жеребёнок заметно приободрился.

Данила в отчаянии пошарил по карманам. Хоть бы мелкая крошка завалилась! И вдруг в дыре за подкладкой нащупалось что-то твёрдое. Обломок печенья! Юноша бережно положил его на ладонь, словно крупицу самородного золота... И вдруг почувствовал соблазн сам отправить его себе в рот. Всё же два дня почти без еды давали о себе знать. Но он пересилил себя и поднёс ладонь с печеньем жеребёнку. Тот приободрился ещё больше и стал вставать на свои длинные слабые ножки.

Проорала птица. Прилетели огнедышащие кони, распутив чёрные гривы, угольки и искры засверкали среди веющих волосяных волн, словно молнии в чёрных тучах. Данила пронзительно свистнул в пальцы...

Заперев за конями дверь, он поплёлся в избушку Трёхрылого. Перед глазами у него плыло. А в памяти вставали старинные выражения «в брюхе зорю бьют» и «в брюхе девятый вал ходит».

Трёхрылый усадил конюха за стол, издевательски улыбнулся всеми тремя рылами и кинул на стол всё ту же знакомую воблу.

И тут Данила услышал за плечом шёпот — тот же знакомый голосок, который советовал ему посвистеть, чтоб собрать разрезвившихся коней. Теперь он говорил: «Не отделяй кости так аккуратно! Переломи вобле хребет в трёх местах!»

Юноша догадался, что голосок слышен только ему — и ответил мысленно: «Зачем? Трёхрылый ведь всё равно больше еды не даст!» - «А ты попробуй!» - так же мысленно пришёл ответ.

Сухой хребет рыбины затрещал под пальцами. Отодранные от костей бурые щепки солёной плоти тотчас исчезли: растаяли в воздухе как туман.

Не успел Данила подивиться злой подземной шутке (как ни плоха была еда, и ту отняли!), как удивился уже Трёхрылый:

- А ты, парень, я вижу, не прост! И как только разведал, что я рыбу обратно на хребет наколдываю!

- Да я случайно, - сболтнул Данила.

- То-то - «случайно»! Знаем мы вас! Ну ладно, раз не удалось в третий раз скормить тебе одну и ту же рыбу, то вот тебе наш подземный каравай! — и дух пошарил заскорузлыми пальцами в подстолье и вынул круглый чёрный хлеб. По виду он напоминал шматок подсохшей глины, но пах, тем не менее, хлебом. Данила отломил внушительный кусок. Вкус у подземного каравая был пресным. Парень отломил ещё ломоть, откусил пару кусочков, а остальное украдкой сунул в карман куртки. «Жеребёнку отдам! Если он от микроскопической дозы печенья так воспрянул, то от порядочного ломтя хлеба вообще расцветёт!» - подумал он про себя.

Трёхрылый пододвинул к юноше бадейку с водой. Его левое рыло лукаво ухмылялось, правое хмурилось, а среднее пыталось сохранить нейтральное выражение.

- Ну, парень, завтра у тебя расчёт! Вались на топчан спать, а с утра будем деловые разговоры проводить! — и он задул копилку.

Казалось бы, на сытый желудок спать должно лучше, но Данила ворочался. Через некоторое время, проведённое в темноте и тишине, он начал тихонько вставать. Небрежно сколоченный топчан скрипнул в истеричной тональности. Подземный дух на соседнем топчане встрепенулся:

- Куда?!

- Ну... Это... Во двор...

- У нас не как у людей, у нас удобства не во дворе! Неужто за три дня не выучил: в задний чулан идти надо!

Попытка украдкой накормить заморыша провалилась...

Наутро Трёхрылый посадил Данилу за стол, вынул из-за пазухи бечёвку со связкой щепок:

- Ты, парень, свои обязанности выполнил: стойла вычищены, навоз сгребён, кони каждый вечер все возвращались с пастбища домой, ни один не пропал, не загулял. Ну, и сам ты остался жив, что не может не радовать, - левое и среднее рыла были серьёзны, а правое корчило рожи. Значит, как мы и договаривались, я отдам тебе ключ и замок. Мы, подземные, своё слово держим. Ну, и ещё, за отличную службу, можешь дополнительно попросить себе любого коня из моей конюшни. Без коня тебе отсюда не выбраться, тем более — наверх.

- Прямо любого коня?

- Какого угодно!

- Знаете, я обратил внимание на одного маленького хилого жеребёнка. Хочу забрать его: ну, откормить там, подлечить...

Правое рыло подземного духа перестало корчить рожи и удивлённо разинуло рот. Центральное рыло продолжало сохранять невозмутимое выражение:

- Эх, парень, ты даже не знаешь, о чём просишь!

- Знаю...

- Кто тебя научил, как выбрать самого лучшего коня во всём стаде?

- Никто: я сам догадался.

- Ох, до чего нынче люди догадливые пошли! — пробормотали правое и левое рыло одновременно. - Но ничего не попишешь: мы, подземные, своё слово держим! Забирай замухрышку!

Дух и Данила подошли к конюшне. Дверь была открыта, внутри не было ни искр, ни огоньков, ни запаха гари. Очевидно, пока дух беседовал с работником, коней выпустил кто-то ещё. Данила не удивился этому, хотя никаких других существ на хуторе Трёхрылого он не видел, но не сомневался, что они там непременно должны быть.

Жеребёнка Данила нашёл в углу на прежнем месте. Он скормил ему в темноте припасённую вчера краюху хлеба. Конёк тотчас встал на ножки и бодро засеменял за Данилой к выходу.

- Вот, — сказал юноша. — я его забираю.

Левое рыло духа поморщилось, правое нахмурилось, лишь центральное не подало виду.

- А теперь я попрошу ключ и замок! — сказал Данила.

Левое рыло скривилось:

- Они у меня в дальней кузне. Я туда не побегу, а тебе по пути. Забери сам, там не запирается. Сама кузня за рекой вон в той стороне. Сразу увидишь: это там единственное строение.

- А мост через реку где?

- А его нет.

- Как же попасть на тот берег?

- А это уже не моя забота. Конь у тебя есть — на нём и поезжай. А если в дороге погибнешь — ну ты ведь уже и так в подземном царстве! — и дух решительно зашагал прочь, гримасничая всеми тремя рылами.

- Что же мне с тобой делать? — думал Данила, глядя на жеребёнка. Худенькое существо, ещё вчера почти не стоявшее на ногах, явно не годилось для поездок верхом. Что ж, раз уж он пришёл сюда пешком — то пешком пойдёт и обратно, а жеребёнка можно вести в поводу. Если через реку нет моста, то её наверняка можно перейти вброд или переплыть; он же сам видел: течение у подземных рек не быстрое. Пока он забирает ключ и замок на другом берегу, жеребёнок может подождать. Надо только соорудить из чего-нибудь привязь, чтоб вести его...

Данила принялся в очередной раз обшаривать карманы куртки и брюк. Вот ножик, вот кресало, вот измятый носовой платок, какой-то пух и крошки... а это что, плоское и колючее? Парень извлёк странную вещицу из глубины внутреннего кармана: это была очень тонкая, твёрдая зерновая лепёшка: истёртая, но не искрошившаяся. Данила вспомнил, что её, вместе с кресалом, ножом и уже израсходованными монетами, дали ему боги перед путешествием в подземье. Ни на что особо не надеясь, парень протянул лепёшку на ладони жеребёнку. Мягкие конские губы коснулись руки, крепкие зубы с хрустом принялись дробить сухие зёрна...

- Благодарствуй! — послышался за плечом голос. — Надземному коню от надземной пищи сил прибавляется!

Голос был знакомый по прошедшим дням — но ниже и полновочнее, чем тогда. Данила оглянулся через плечо. На месте тщедушного жеребёнка стоял крепкий и рослый молодой конёк светлой масти. Лишь черты морды говорили о том, что перед ним то же самое существо.

- Так это ты со мной разговаривал? Ты меня надоумил, как загнать огнедышащих коней в стойла, и как получить у Трёхрылого нормальную еду?

- Да, я. Мы умеем разговаривать мысленно.

- И ты надземный? — так же мысленно ответил Данила.

- Да. Меня украли в детстве.

- А у кого?

- Об этом я только наверху смогу вспомнить...

- Мы непременно отправимся наверх, но сперва мне надо забрать ключ и замок.

- Садись ко мне на спину!

Данила, как умел, вскарабкался на коня, схватился за гриву, и конь плавно, но быстро помчал его по дороге через чёрный ельник. У берега реки парень попросил коня остановиться и соскользнул на землю:

- Я подожди здесь, а я на тот берег — за ключом и замком.

- Как ты туда попадёшь? Моста же нет? — отчётливо раздался в голове голос коня.

- Так я вброд... Или вплавь... Тут, вроде, течение не сильное...

- Кинь в реку шишку!

- Зачем?

- Кинь и посмотри, что будет!

Данила подобрал обглоданную отсыревшую еловую шишку, из тех, что в изобилии усеяли лесную подстилку по краям дороги, и с размаху бросил на середину реки. Гладкая поверхность воды, ленивая и сонная на вид, тотчас взвихрилась огненными змеями, словно подводные духи устроили фейерверк, посреди реки поднялись алые волны, в воздухе появился успевший стать таким привычным за последние три дня запах гари.

Шишка канула обгоревшей головешкой, и когда её следы растаяли, языки пламени снова превратились в прозрачные воды, и река затихла и задремала.

- Видел? — мысленно спросил конь. — И как ты собрался вплавь?

- А как же мне? — растерялся Данила. — Тут и на плоту не переплывёшь: враз обуглится!

- Садись снова на меня и держись как можно крепче! — велел конь.

Данила снова влез на спину своего спутника. Под лодыжками он ощутил выступы, которых раньше не было, а затем услышал над головой шелест перьев. Конь оказался крылатым! Данила закрыл глаза — но он чувствовал: вот напряглись мускулы, вот копыта оттолкнулись от земли, вот в лицо ударила волна воздуха от могучих взмахов... Вскоре парень открыл глаза: они были уже в воздухе, а под ними коварная река тянула вверх языки пламени со стремнины, словно жадные руки, и волна жара доходила почти до ног Данилы... Затем конь начал плавно снижаться и опустился на землю у дверей одиноко стоящей в поле закопчённой хибарки, в стене которой черно зиял ничем не закрытый дверной проём...

Трёхкрылый не обманул: внутри, на закопчённом верстаке лежал крупный старинный ключ с затейливой витой головкой и замок вроде амбарного. Данила положил их себе во внутренний карман куртки и застегнул молнию до горла. Затем он вышел из кузницы и вновь вскарабкался на коня, в этот раз уже немного ловчее, чем в предыдущие. Конь ударил копытами и взмыл вверх, высоко-высоко, перенёсся через огненную реку и опустился на дорогу в знакомой Даниле части ельника: между хижинкой Бальдра и избушкой Бабы Яги. Конёк уверенно потрусил вперёд.

- Ты знаешь, куда нам надо? — мысленно спросил Данила.

- А здесь одна дорога, и это всем известно, - так же беззвучно ответил конь.

- Разве мы не полетим?

- Через эту часть леса надо только по земле.

Данила не успел спросить, почему. Над чёрным ельником завывало, загудело, застонало, захохотало. Данила поднял голову: мимо вершин деревьев в воздухе тянулись длинные бледные тела, словно волны тумана, сверкали водянистые огни глаз. Призраки летели плотной толпой, так что нельзя было различить, где чьи плечи, руки, волосы, лица, есть ли у них ноги или хвосты...

- Столкнулись бы мы с ними в небе — сразу бы нас растерзали! — послышался в голове голос коня.

Но и на земле оказалось небезопасно. Часть роя призраков опустилась — словно бледное облако осело на тропу и по её краям. Среди стволов посверкивали золотистые глаза, сквозили белые полупрозрачные тела, - и объехать эту преграду было невозможно. Призраки недобро клубились впереди, от них веяло холодом, их руки, словно тонкие волокна тумана, тянулись к всаднику и коню, на длинных пальцах посверкивали когти лунного оттенка... Оставшаяся в небе часть роя рассредоточилась над елями и над дорогой, не давая путникам взлететь.

- Что делать, коник? - взмолился Данила. — Неохота пропадать!

- Посмотри, что у тебя в карманах? — раздался голос коня.

- Ключ с замком я им не отдам.

- Их и нельзя отдавать. А в других карманах?

- Не густо. Носовой платок рваный... Ножик... Но против толпы одним коротким ножом немного навоюешь... А ещё железяки эти старинные... чтоб огонь высекать...

- Так выбивай огонь!

Данила извлёк кресало, отломил сухую еловую веточку и стал чиркать. После нескольких безуспешных попыток высеклась искра, и веточка запылала. Как ни мал был

этот робкий огонёк, он заставил призраков впереди броситься врассыпную, и там, где только что впереди было белёсо и мутно от клубящихся бесформенных тел, теперь просматривалась чистая чернота — словно с поверхности тёмного глубокого водоёма сняли слой ряски. «Ещё недавно мы спасались от огня — а теперь спасаемся огнём», - думал Данила, пока конь стремительно мчался по освободившейся дороге.

- Зачем мы им понадобились? — поинтересовался Данила, когда они оставили призраков позади.

- Ни зачем. Они всегда голодны и злобны, - ответил конь.

- Откуда ты знаешь?

- В подземном царстве все всё знают...

Данила не увидел избушки бабы Яги — видимо, они проскочили её на полном ходу. Он вообще перестал узнавать лес вокруг. Однако дорога была только одна, прямая.

- Уже безопасно подниматься в воздух? — спросил он у коня.

- Оглянись-ка назад! Что ты там видишь?

- Да то же, что и по сторонам: черноту... И огоньки какие-то в черноте... Как блёстки жёлтые... О, а теперь туман за клубился между стволами позади...

- Призраки настигают нас! Ты говорил, у тебя нож в кармане есть...

- Есть... Но с одним ножом против толпы — это и спецназовцу никакому не под силу, даже если толпа обычная — а тут вообще твари колдовские...

- Я не об этом... Брось ножик назад через плечо!

- А смысл?

- Бросай, говорю!

На споры времени уже не было: из-за спины уже веяло холодом, слышался вой. Данила извлёк из кармана подарок богов и с грустью кинул назад. Раздался гром и скрежет, а вой колдовских тварей смолк, и холодом больше не веяло, словно кто-то мгновенно нажал на рычаг и выключил шумную холодильную установку. Данила оглянулся: позади, поперёк дороги возвышалась громадная сплошная стена из блестящего железа.

— Через такое ограждение они нескоро проломаются! — послышался радостный голос коня.

Вскоре лес расступился, и перед взором всадника открылась широкая поляна с сухой травой. Мимо катила свои волны знакомая неширокая река, а у противоположного берега сучал патластый здоровяк в широкой лодке.

Данила окликнул его. Лодочник встрепенулся. Даже при местном скудном освещении было видно, какое удивление изобразилось у него на лице при виде Данилы.

- Я же сказал, что мне в обратную сторону тоже потребуется, - объяснил ему парень. — Мы с конём-то в твою посудину влезем?

- В мою посудину иной раз целые полки влезали, - гордо ответил лодочник. — А вот как с платой за перевоз поступать будем? Ведь туда ты шёл без коня, пешком!

- Дядя, ты сам в прошлый раз сказал, что моих монет на три поездки хватит. Так что считай, конь у меня уже обилечен!

Лодочник согласился, парень с конём загрузились в лодку, и она поплыла по бурным волнам.

- Трудновато против течения, - пыхтел лодочник. — Я в эту сторону, знаешь, очень редко грузёный гребу...

И вот наконец лодка стукнулась в песчаный берег. Лодочник остался ждать новых пассажиров, а Данила и конь пошли вперёд. На этом берегу дорог уже не было: лишь взрытый грязноватый песок, а за ним истоптанная глина, а за ней бурый цвет небес был

необыкновенно густым. Но когда парень с конём достигли дальнего края площадки, то обнаружили, что за ней были не небеса, а стена такого же оттенка, из вязкой бурой глины. Они пошли вдоль стены и через некоторое время обнаружили в ней просторную пещеру. Человек и конь переглянулись — и разом нырнули в широкий тоннель.

Если бы сейчас Данила вспомнил, как ещё недавно боялся идти по относительно короткому подземному ходу в Поварове — он бы посмеялся над своим давним страхом. Но сейчас ему было некогда вспоминать. Хотя коридор в толще глины был прямым и широким (так что позволял без хлопот вести по нему крупное животное), там царил кромешная мгла. В кармане у Данилы по-прежнему лежало кресало, и сперва он попробовал высечь искру на свой носовой платок, но тот быстро сгорел и больше не начал, чем дал свету. Единственное, что удалось разглядеть, пока не угас огонь — коридор действительно был прямой. Они с конём пробирались в потёмках ощупью, и от этого путь казался им бесконечно длинным. Темнота забирала мысли и ощущения...

Но вот мрак стал как будто менее густым, в глине стали виднеться какие-то явно рукотворные конструкции: сваи, стальные балки, бетонные опоры... Коридор сделал резкий поворот — и открылась площадка, на которой стояли механизмы — такие Данила видел в выпусках новостей. От площадки отходил другой коридор, в котором Данила безошибочно узнал очертания тоннеля метро — правда, пока без рельс.

Подземный мир остался позади! Здесь уже мир людей, и строят метро! А из любого метро есть выход в город!

Резанул по глазам свет маленького фонарика, после полного мрака показавшийся ярче прожекторов. В тоннеле метро послышалось перешёптывание удивлённых мужских голосов. Затем показались несколько фигур в касках с фонарями. Они стояли кругом и один из них указывал рукой в сторону Данилы.

К Даниле вернулось шутливое настроение. Он обернулся к остолбеневшим метростроевцам и громко проговорил:

- Всё нормально, мужики, на самом деле меня тут нет, и лошадки тоже нет, мы глюки. Вы знали, что от подземных работ глюки бывают? Особенно, если трудиться сверхурочно и без соблюдения трудового кодекса?

И лепеча ещё что-то в том же духе, он увёл коня вперёд по туннелю.

Вскоре в подземелье повеяло сырым свежим воздухом, впереди и вверху заплесало светлое пятно. Судя по освещению и по тишине на земле, стоял глухой предрассветный час. Когда выход из тоннеля стал уже близок, конь пригласил Данилу сесть себе на спину, взмыл в воздух и, пролетев последние сто метров до выхода, вылетел на огороженную стройплощадку, легко перемахнул ограду и полетел по пустым улицам спального района.

Воробьёвы горы. Происхождение Данилы

Итак, поручение выполнено, он вернулся живым из подземного царства, добыл ключ и замок, а ещё в придачу волшебного крылатого коня. Теперь он должен отдать предметы, столь необходимые для скрепления договора, Нуме. Но где его искать? В Подземном царстве он пробыл около пяти дней... То есть, это в Подземном царстве пошло около пяти дней — а на земле? Может, в подземье время течёт по-иному, и здесь, наверху, миновал гораздо БОЛЬШОЙ период, и за него всё изменилось? Вдруг уже некому нести эти ключ и замок?

Для начала Данила попытался решить более простую и насущную задачу: в каком районе Москвы он находится. Названия улиц были незнакомые а дома типовые, но судя по тому, что среди них преобладали здания 1980х гг., он вышел на землю в пределах МКАД.

По обочинам высились зубчатые плотные сугробы с чёрной каймой на каждом выступе. В домах лишь редкие окошки были освещены, а проезжая часть, как и полагалось в предрассветный час, пустовала. Высоко в ультрамариновых небесах сиял яркий белый круг.

Вдруг впереди замаячило что-то бледное. По слякоти на асфальте ковыляла босая девочка. Её волосы были взлохмачены. Из одежды на ней была лишь длиннополая льняная рубаха старинного фасона — совсем такая же, как на самом Даниле. Она приблизилась, и до слуха парня донеслись всхлипывания.

Человека, ведущего рядовую обывательскую жизнь, наверняка напугало бы такое зрелище, как невесть откуда взявшаяся посреди пустой проезжей части девочка в старинной рубахе, ступающая по ледяным лужам босыми ногами, - но Даниле было не привыкать и к более невероятным вещам. Он окликнул девочку.

- Как ты оказалась на улице в таком виде?

- Так берёзу срубили, — прохныкала она. — И зачем им только это понадобилось, сами ведь ни дровами не греются, ни посуды деревянной не стругают!

- Подожди, при чём тут берёза? — не понял Данила.

- Так я в ней жила! Весной ветки завивала, в зной деревьям пить давала, зимой колыбельные пела. Мне обещали новое дерево отрядить, на Воробьёвых горах, и вот сегодня все наши туда отправились, потому что полнолуние, а меня забыли! — И снова всхлип.

- Обожди; а кто «наши»-то?

- Знамо, кто: Макошь. Велес...

Сердце Данилы заколотилось:

- А Тенгри ты знаешь? Строгий такой, пожилой, в синем вышитом халате?

- Как не знать!

- А Нуму? А Фригг?

Девочка радостно закивала, услышав знакомые имена.

- Тогда мы с тобой ищем одних и тех же. Когда, ты говоришь, они поехали на Воробьёвы горы?

- Под сумерки. А сейчас уже ободняет скоро.

- Так они всё ещё там?

- Сулились там быть, пока солнце не поднимется.
- Тогда мы ещё можем к ним успеть. Далеко Воробьёвы горы?
- Не очень. За рекой вон в той стороне.

Данила догадался, что вышел на поверхность в одном из дальних районов Юго-Запада.

- Дорогу знаешь? — спросил он у девочки.
- Примерно. Я там в прошлом году была.
- Садись впереди меня на коня, будешь оказывать, куда лететь!

И замелькали под брюхом коня тёмные крыши построек, сырая щетина парков и рощ, спящие автомобили, и фонари — то лучистые, то мутно-ржавые. Загудел ветер под крыльями. За голыми кронами блеснула Москва-река с белёсой лунной дорожкой. Девочка указала рукой на поросшие лесом холмы между Университетом и Академией Наук.

- А точное место знаешь? — крикнул Данила, но его слова уносил ветер. — Где нам их искать?

- А их не надо искать! — крикнула в ответ девочка. — Они сами найдутся.

Данила остался в недоумении. А конь втянул ноздрями зябкий предрассветный воздух, повернул голову, и, словно точно знал, куда лететь, решительно направился в середину леса. Вскоре перед лицом у Данилы замелькали ветви. Ему пришлось крепче держаться и придерживать девочку, чтоб какая-нибудь коварная упругая ветка не сбила их с конской спины.

Волшебный скакун приземлился на укромной полянке среди густого подлеска. На ней пылал небольшой костёр, едва обагривший своим светом фигуры сидящих вокруг него. Сидящие обернулись на шум и треск сучьев, с которым конь опустил на поляну с небес. Раздался знакомый голос:

- Даня-джан!

Тенгри сидел ближе всех к костру и поправлял поленья. Когда конь встал среди поляны, переступая ногами по влажной прошлогодней траве и мху, старик поднялся, подошёл

к

животному:

- Даня-джан! Мы уж и не чаяли тебя живого видеть!

Данила соскочил с коня:

- Долго меня не было?
- На земле месяц прошёл.
- Так сейчас уже февраль? И вы всё это время ждали меня?
- В таких случаях полагается ждать.
- А... Новые?

- И они ждали. То, что положили богини судьбы никто не смеет нарушить... Ты выполнил поручение?

- Вот, - Данила вынул из внутреннего кармана ключ и замок и торжественным жестом передал их Тенгри. — Я сделал всё, о чём меня просили.

- Я вижу, ты даже гораздо больше сделал, - ответил Тенгри, поглаживая коня по широкому лбу. — Ты хоть знаешь, что у тебя за конь?

- Ну, я его у Трёхрылого выклянчил. Мне его жалко стало, он совсем заморенный был... А оказался вот крылатый.

- Этот конь — брат моего тулпара! Его у меня подземные духи похитили много лет назад. Я даже не чаял, что его можно вернуть. А ты — вернул.

- Только вот самих вас найти было сложновато. Вы ведь не сказали мне, где именно вас искать, когда я вернусь из Подземного царства. Если б я не встретил вот её, - он указал на девочку, - так бы до сих пор и метался по Москве!

- Ох, это мы маху дали, - раздался голос с противоположной стороны костра. В отблесках пламени Даня разглядел пшеничные усы Перуна. - Мы думали, что всем известно, где нас искать...

Данила отпустил коня пастись на чистом бугорке с прошлогодней травой, а сам подошёл к сидящим вокруг костра. Небольшая полянка вмещала много народу; не всех богов он знал по именам, но все лица были ему родными. Он отыскал взглядом Фригг, Сослана, Юмалу, Афины, Лезу и ту юную славянскую богиню, которая перед отправлением в Подземное царство дала ему рубашку. В руках у богов были чаши, а на земле перед костром стоял сосуд с тёплым травяным отваром. Чья-то рука протянула путешественнику наполненный стакан.

Когда все воздали должное напитку, Данила коротко, но ёмко рассказал о своём путешествии в Подземное царство, не забыв упомянуть о том, как заглядывал в избушку к Бальдру. (В этом месте его рассказа лицо Фригг стало печальным, но глаза при этом засияли особым ласковым светом). Он посмотрел на качающуюся над костром ветку одинокой молодой ели — и вспомнил, как бежал сквозь ельник в Поварове, спасаясь от погони, и как встретился с Эло — бывшим верным помощником Юмалы, а сейчас скромным лесным духом, и понял, что сейчас наконец может рассказать Юмале об этой встрече.

После этого подземный путешественник решил, что настало время задать самый главный, так долго беспокоивший его, вопрос:

- Боги! Теперь, когда всё уже сделано, я всё-таки хочу узнать ответ: почему вы решили взять в помощники именно меня? Я же обычный человек; талантов особо выдающихся у меня нет, связей тоже нет, судимость и то не погашена. Почему нельзя было на это дело найти, например, у Фригг на кафедре студента какого-нибудь толкового? Который все мифы читал... А не как я, где-то чего-то нахватался... Или это из-за того, что я тогда Нуму от хулиганов защитил? Так ведь это не показатель, на моём месте любой нормальный мужик бы так поступил! Да там и хулиганы оказались слабаки, почти сразу убежали, так что, можно сказать, не такой уж это был и подвиг...

Пока он говорил, его вдруг посетила мысль, что боги могут посчитать его вопрос дерзким, и он уже приготовился встречать осуждающие взгляды... Но глаза сидящих у огня лучились дружелюбием и радостью.

На вопрос Данилы стала отвечать Фригг:

- Нума хорошо читает в душах людей. Если бы ты не годился на роль помощника, он просто сказал бы тебе «спасибо», и ты пошёл бы дальше на своё собеседование, поступил бы на работу. (В благодарность Нума мог бы устроить так, чтоб тебе сразу нашлась служба по душе и с большой зарплатой). Однако он не дал тебе дойти до офиса и самостоятельно обеспечить себе заработок, а пригласил к Сослану на чай.

- Вы намекаете, что это нелогично?

- Отнюдь. Старик сразу заметил в тебе кое-что; потом его догадку подтвердила и прозорливая Гуаша.

- Так что же это?

- Прежде всего — редкая в наши дни душевная чистота. И, кстати, ты напрасно считаешь, что у тебя нет талантов. У тебя большой талант договариваться, общаться и заводить друзей!

- Ну, не знаю...

- А ещё ты ближе к нам, чем все остальные москвичи.

- В каком же, извиняюсь, аспекте?
- В родственном. Твой отец был богом.
- Опаньки! Вот это поворот! Кто другой бы так сказал – ни за что не поверил бы, но вот вам я всегда верю! От матери, вечная ей память, можно было на самом деле чего угодно ожидать. Ну, понятно, про матерей плохого не говорят, она у меня была и добрая, и начитанная, но вот моральный облик, что называется, подкачал. Сколько я себя помню, она вечно водила в дом каких-то странных мужиков. Может, среди них и боги попадались, кто знает... Чей же я, в таком случае, сын? Тюра? Перуна? Тенгри? Неужели Юмалы? Хотя он мужик душевный, только вот большой любитель похандрить....

- А вот в этом как раз и состоит затруднение: мы знаем наверняка лишь то, что твой отец – бог, а какой именно – не знаем. Видишь ли... Ты сам признаёшь, что моральный облик твоей матери был далеко не идеальным. Однако ей были открыты другие миры. Свою способность перемещаться по ним она использовала для того, чтоб заводить возлюбленных, в частности, и среди богов. В древности такое было нередко, и имена таких женщин попадали в мифы. Но сейчас времена иные... Она никому никогда не сказала, кто отец её ребёнка. Наверняка ответ на этот вопрос знают норны и мойры, но вряд ли они пожелают скоро ответить...

- Ну, дела! И как же мне после всего этого именоваться? Полубог Даниил Тенюхин, неизвестно какого пантеона?

- Да, с определением пантеона могут быть затруднения. Но зато все считали тебя своим и готовы были бескорыстно помогать!

- А всё-таки хотелось бы как-то определиться. Я ведь вообще без отца рос! Я как в детстве начал что-то соображать – уже знал, что у меня отчество вымышленное! Мать его из какой-то книжки взяла... А у вас многие говорят: мол, предки, род...

На это Фриг ответила:

- А почему отец обязательно должен быть один? У нашего Хеймдалля вообще было девять матерей, и он ни разу не задался вопросом, какая из них главнее. Чем больше родни, тем лучше... Разумеется, если это настоящая родня, а не как у людей в вашем обществе... Считай, что ты родич нас всех...

- Был такой стишок в моём детстве: «Я узнал, что у меня есть огромная родня...» - улыбнулся Данила. – Я совершенно неожиданно обрёл кучу родственников! Но вот как же тогда получается... Я в подземное царство сходил и вернулся... А все говорили, что богам туда нельзя... Значит, выходит, всё-таки можно? Если я полубог?

- Бог и полубог – это понятия ещё более разные, чем проводник и полупроводник, - поправил его Перун. – Всё-таки твоя мама была человеческого рода, и ты прежде всего человек.

- И, как ты успел доказать, обладаешь великолепными человеческими добродетелями, - прибавила Афина.

- Ты – герой. Как я, - пояснил Сослан.

Боги улыбались. Костёр на поляне потрескивал. Небеса над ветвями потихоньку становились из тёмно-бордовых бледно-серыми. Начинили просыпаться синицы.

- А теперь что? — спросил Данила. — Я выполнил поручение — а дальше? Как говорится, мавр сделал своё дело, и теперь мне идти на все четыре стороны? Устраиваться грузчиком в магазине возле дома, а здесь — всё?

- У богов никогда не бывает совсем «всё», - назидательно поднял палец вверх Тенгри. - Мир всегда требует каких-нибудь дел и каких-нибудь подвигов. Но сейчас, да, ты будешь отдыхать, а как долго — даже богам не ведомо. Мы будем тебя навещать...

- Ну, хорошо, а где мне отдыхать-то? Где я теперь вообще буду жить?

- Как это - «где»? Конечно, у тётки Зои! Она любит тебя как родного. А ещё она не испугалась твоего круга общения — такое не у всех людей встретишь, уж поверь мне.

- Но у неё... Но там же...

- Мы убрали последствия погрома и очистили атмосферу в квартире. Сейчас там ни для кого не опасно, и ты можешь спокойно возвратиться туда.

Тошик

С той самой недоброй январской ночи Данила не заходил в эту квартиру. У него не сохранилось своего ключа, и он робко позвонил в дверь.

Мебель в квартире была та же, а вот атмосфера изменилась – словно воздух вместо городской пыли напитался полевым ветром, и сами комнаты стали будто светлее и просторнее. Тётя Зоя обрадовалась гостю; она была бодра и приветлива. У её ног радостно виляла хвостом-пионом небольшая пушистая собачка: глаза навывкате, уши – одно выше другого, пятно на носу... Но ведь Тошик погиб! К тому же, он был не того цвета.

- Ну, слава богу, Данилка, ты жив! – ахала тётя Зоя. – А я думала, тебя эти бандиты застрелили, ну, которые ко мне тогда вломились. Ух, мы еле оклемались после этого! Как они меня мучали! А я им и говорю: Не доношу, мол, на живых людей! Ты, небось, всё это время от них и скрывался... Но теперь-то уж всё, они к нам больше не полезут?

- Больше не полезут! – заверил Данила. Он перевёл взгляд на подошедшую собачку: - А как же...?

- Я думала, эти мазурики моего Тошечку совсем убили. Спасибо этому твоему приятелю, с северов который: он его реанимировал! Вот, не зря про эти тундровые да таёжные народности говорят, что они лечить хорошо умеют! Только вот у кобеля после этого шерсть стала расти чёрная; наверно, побочный эффект такой... Ну, давай, пошли, примем рюмочку за то, что всё так хорошо кончилось!..

***

Данила вышел из подъезда и направился в магазин за продуктами. Как долго он, оказывается, мечтал о таком: чтоб не было ни судьбоносных разговоров, ни роковых встреч, ни опасных приключений — а был спокойный день, солнце по-обыденному светило бы на слежавшийся потускневший снег, - а он сам просто шёл бы в магазин...

Когда парень возвращался обратно с тяжёлой сумкой, у подъезда показалась знакомая фигура, блеснули из-под меховой шапки пронизательные тёмные глаза...

- Нума! Ты пришёл! Неужели опять что-то случилось и меня куда-нибудь требуют?

- Нет, всё спокойно. Но тебе полагается гонорар за исполнение поручения! — и Нума извлёк из-за пазухи побуревший кожаный мешочек, неуловимо напоминавший сердце какого-нибудь ископаемого существа.

- Оценить в деньгах такую службу, как поход в Подземное царство, оказалось невозможно. Поэтому мы решили поступить так: дать тебе за неё волшебный кошелёк, в котором запас никогда не оскудевает. Я думаю, не надо говорить, что он действует только для тех, кто собирается тратить деньги на благие цели, а не на что-нибудь пустопорожнее или тем более — предосудительное...

- Нума, спасибо - поблагодарил Данила. – А ещё благодарю за тётю Зою. Что же произошло с Тошиком в итоге?

- Эта халда Общественное мнение убила собачку насмерть. Пришлось требовать его душу назад из Подземного царства. Конечно, такого крошечного кобеля нельзя ни запрягать в нарты, ни брать с собой на охоту, - но без него твоей хозяйке и свет не мил.

- Значит, пока я с бабой Ягой чай распивал, по лесам шлялся да коней пас, ты был где-то рядом и искал Тошика? Скажи честно, ты помогал мне?

- Тошика и искать было нечего: он был у собачьего бога Анубиса. И потом – как ты мог забыть: боги в Подземное царство не ходят! Так что помочь тебе там я не мог бы при всём желании. А Тошика они мне сами вынесли на поверхность.

- А что ты сделал с собачкой; почему она сменила цвет?

- Тошику надо было изменить облик после возвращения: таков закон. Сперва я хотел превратить его в большую и сильную лайку – да только в городе их держать непросто. И наша бабушка должна была как-то его узнать. В итоге я просто поменял ему расцветку.

- Тётя Зоя счастлива...

- Ещё бы! ...А твои приключения в Подземном царстве нас поразили: мы ведь дали тебе только самые общие советы, не объяснили в деталях, как с кем разговаривать. Откуда ты это знал?

- Воспользовался советом Фригг: доверять интуиции. Ну, и ещё я всякие мифы да сказки читал в детстве.

- Все читают, да многие забывают.

Они немного помолчали, а потом Нума вспомнил:

- Данила, приезжай на будущей неделе в лес на Воробьёвы горы как взойдёт луна...

Тогда как раз будет весеннее равноденствие. Ну, по календарю посмотришь: у твоей тёти Зои в календаре написано время восхода и захода луны. Мы будем заключать с когортой Консюма договор и скреплять теми самыми нерушимыми ключом и замком. А ты будешь главный свидетель.

- Приду... А потом мы куда?

- А потом жди нас на чай. Как раньше.

- Всегда рад вас видеть у нас с тётей Зоей! Кстати, мы договорились, что теперь я могу приводить гостей даже, когда она дома: в её квартире достаточно комнат, чтоб не мешать друг другу... Ума не приложу, почему она так благоволит ко мне: я же постоянно втягиваю её во всякие... хм, судьбоносные события. И всё же она не хочет со мной расставаться.

- Я бы на её месте тоже не хотел.

- А ещё вот что: кроме меня у неё, видимо, скоро появятся ещё жильцы. Только она о них знать не будет. Когда в Поварове Новые посадили меня под замок, мне помогла сбежать семья домовых. Но их дом идёт под снос, и скоро им будет негде преклонить голову. В благодарность за помощь я пригласил их поселиться у нас.

КОНЕЦ

2019-2025, Рейкьявик - Москва

Оглавление

Данила.....	4
Тётя Зоя.....	6
Встреча с Нумой и его друзьями.....	8
Между осенним равноденствием и праздником Казанской.....	13
В церкви.....	16
Встреча с Новыми.....	18
Чудо во дворе.....	22
Первое чаепитие у Данилы.....	25
У Фригг на Воробьёвых горах.....	33
Второе чаепитие у Данилы.....	39
Нга.....	44
Консюм. Разговор в ресторане.....	46
Разговор с Нумой.....	56
Встреча с Перуном.....	59
Зимний солнцеворот.....	64
Вместо третьего чаепития.....	69
Погром у тёти Зои.....	74
Данила в общежитии РУДН.....	78
Перед битвой.....	83
Поварово.....	86
Данила угодил в плен.....	88
Битвы не будет.....	95
Диспут.....	98
Блэкаут.....	105
Подземное царство.....	106
У Трёхрылого.....	111

Воробьёвы горы. Происхождение Данилы	121
Тошик.....	126

Все книги, будь то старинный пергаментный кодекс с тяжёлыми застёжками, самиздатовская брошюра, отпечатанная ротопринтом на хлипких листках, или роскошное, изящно переплетённое издание на мелованной бумаге, объединяет одно: им всем нужны читатели.

Именно их наличие по-настоящему и делает книгу книгой (а не типографские изыски и издательские нюансы). Только благодаря читателям текст живёт.

*Поэтому я прошу: читайте! Делитесь впечатлениями! Пишите отзывы!
Пусть о том, что книга живёт, нам говорит
– Обратная связь!*

Для связи с автором: dimentionen@yahoo.dk

БЛАГОДАРНОСТИ

Моя семья, друзья и домашние животные. Коллеги и ученики. Сотрудники филфака МГУ, Университета Исландии, Университета Фарерских островов, Университета Оденсе (ныне – Южнодатский университет). Жители Архангельска, Сольвычегодска, Торсхавна, Рейкьявика, Копенгагена, Руана, Парижа, деревни Княжи Рязанской области и хутора Ульвстадир в Боргарфьорде.

Книги О.А.Маркеловой:

Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания. Пушкино, 2006.

Торсхавн. Стихотворения. М., 2005

Разомкни реки! Стихотворения. М., 2006

Лес подсознания. Стихотворения. М., 2018

(не)мелочи. Сборник малой прозы. М., 2018

Музей облаков. Несерьёзные стихи. М., 2018

Беззакатный день. Стихотворения. М., 2018

На заре. Детские и юношеские стихи. М., 2019

С огнём сидит. Стихотворения. М., 2019

Товарищ Гисли Сурссон. Метароман. М., 2020

Роллтон при свечах. Иронические стихи. М., 2021

Повести о времени. М., 2021

Линди. Всё могло быть по-другому. Повести о неформалах. М., 2021

(Не)мелочи-II. М., 2021

Путешествие Ильи Ильича. По мотивам романа И.А.Гончарова. М., 2022

Уборка. Повесть. М., 2022

Аполлон и Марсий. Поэма. М., 2022

Итак, вы вошли в лес... Сборник рассказов. М., 2022

Дитя переходной эпохи. Мемуары. М., 2022

Голоса. М., 2022

Эссе и очерки. М., 2022

Крыса. Пьеса. 2022

Девять миров. Поэма. М., 2022

Торсхавн. Издание второе. Стихи и заметки о Фарерских островах. М., 2022

Трудовая книжка бездельника. М., 2022

140 килобайт стихов. Стихи. М., 2022

Синий блокнот с репродукциями Босха. Стихи. М., 2022

Сборники:

Стихи в стиле фэнтези. М., 2022

Стихи, вдохновлённые спектаклями театров «Своё время» и «ТеНер». М., 2022

Стихи о горах. М., 2022

Стихи о небе. М., 2022

Стихи о деревьях. М., 2022

Стихи о ночи. М., 2022

Стихи о русской литературе. Стихи об исландской литературе. М., 2022

Стихи об Исландии. М., 2022

Стихи о поэтах и литературном труде. М, 2022

Стихи о Русском Севере. М., 2022.

Стихи о поэтах и литературном труде. М, 2022

Стихи о Москве. М., 2022

In other languages:

Digte på dansk. Reykjavík, 2022 (*In Danish*)

Rotta. Leikrit. Gísli Magnússon þýddi úr rússnesku. Reykjavík, 2022 (*In Icelandic*)

Reykjavík sem við höfum misst. Myndaalbúm. Reykjavík, 2024 (*In Icelandic*)

Уведомление:

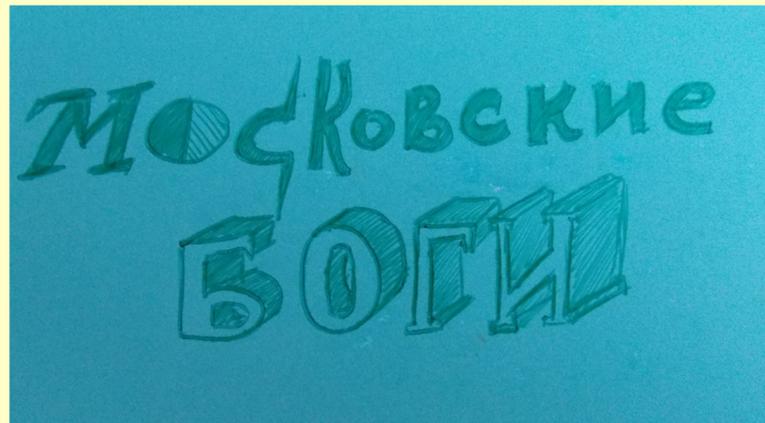
Эта электронная версия предназначена для бесплатного скачивания. (Если кто-нибудь захочет финансово поддержать автора, обсуждаться эта тема будет отдельно в приватном порядке).

Перепечатка материалов из этой книги допускается при условиях: а) обязательного указания имени автора и ссылки на данное издание в качестве источника, б) уведомления автора.

Категорически запрещается использование материалов из книги в коммерческих целях, а также перепечатка в уничижительных, порочащих или искажающих суть контекстах.

Писать отзывы и рецензии можно и нужно!

О.А.Маркелова. Московские боги. Повесть. М., 2025. — 132 с.

Молодой юноша Данила Тенюхин возвращается в родную Москву из "мест не столь отдалённых" и заводит знакомство с личностями, которые оказываются богами. В Москве нашли себе приют боги из пантеонов различных народов Земли, в т.ч. исчезнувших. Они ведут непримиримую борьбу с т.н. "Новыми богами", которые одержимы лишь жаждой сиюминутной выгоды и мечтают изгнать старых божеств из столицы. Старые боги считают, что Данила может помочь им. В романе неоднократно поднимается вопрос: Что такого может человек, чего не могут боги? И в конце концов Даниле предстоит дать на этот вопрос ответ и пройти опасное испытание...

Источником вдохновения для романа послужили "Американские боги" Нила Геймана, однако он ни в коей мере не является римейком или подражанием этой книге.

Действие романа происходит в Москве середины 2010х гг., не все описанные места имеют аналоги в действительности.

Изображение тех или иных божество в романе может отличаться от представлений отдельно взятых читателей.